

«Письма к Эрику: История любви Призрака»

Автор: Энн Уоллес (Ann Wallace)

Глава 1. Возвращение

1884 год.

«Дорогой Эрик,

я пишу это письмо из моего гостиничного номера в Копенгагене. Мы с Раулем и матушкой Валериус успели попасть на последний поезд, направляющийся на север, и очень скоро планируем вновь оказаться на моей любимой родине. Как же хорошо будет вновь дышать этим воздухом, видеть эти горы и говорить на родном языке!

Мы с Раулем собираемся пожениться в маленькой церкви в моём родном городке. Я почти хочу, чтобы вы присутствовали на нашей свадьбе — однако с моей стороны было бы жестоко желать этого от вас, не так ли? Тем не менее, этот день будет одним из самых счастливых в моей жизни, и я бы очень хотела иметь возможность разделить его с теми людьми, которые были мне дороже всего на свете.

Да, Эрик, вы — один из таких людей. Даже если бы мне пришлось писать, начиная от этого момента, и до судного дня — я всё равно не смогла бы полностью выразить, как я сожалею о том, что причинила вам такую боль. Я так жалею, что не смогла сказать вам, пока вы были живы, — вы изменили мою жизнь. Как бы то ни было, именно ваше воздействие на меня даровало мне определённую известность. Без вас я была бы никем... без вашего влияния я не стала бы ведущей актрисой, а Рауль никогда бы не заметил меня снова.

Готова поспорить — об этом вы, наверное, жалеете больше всего!

Дорогой Эрик, я так соскучилась по нашему пению. Рауль не любит, когда я пою для кого-либо, кроме него; и пока мне нравится петь для него. Однако вынуждена признаться, что на самом деле я скучаю по тому признанию, которое я получала от публики. Означает ли это, что я тщеславна? И по вам я тоже соскучилась, друг мой; я вспоминаю, как мы с вами сидели по вечерам, как мы читали, как мы пели, как мы разговаривали. Вы так много знаете о столь разных вещах — я до сих пор не могу понять, что вы нашли в такой маленькой робкой птичке, как я. Я пыталась скрыть своё горе от Рауля. Он никогда не понимал, что объединяло нас с вами; и хотя это было не то, чего вы хотели, всё равно это было намного больше того, чего я ожидала и чего заслуживала.

Покойтесь с миром, друг мой.

С любовью,

Ваша Кристина.»

Кристина с рассеянным видом подула на письмо, чтобы высушить чернила. Высыпав содержимое своего ридикюля на туалетный столик, она стала рыться среди вещичек и безделушек, пока не нашла то, что искала. Целью поисков оказался миниатюрный ключик, привязанный к чёрной бархатной ленте. Она вставила его в то, что казалось сплошной деревянной панелью на передней части стоявшей перед ней шкатулки с драгоценностями, и открыла потайное отделение внизу. Оттуда она вытащила нечто, похожее на овал из чёрного шелка, которому кто-то очень тщательно придавал форму и окаймил — даже две узкие глазницы.

Маска, предназначенная скрывать всё лицо, была снабжена длинной чёрной лентой, которую должен был завязывать на голове тот, кто её надевал. Некоторое время Кристина сидела, просто держа маску, и задумчиво перебирала шёлк, а затем поднесла к губам, чтобы ощутить его гладкость. Эрик снял её в те последние минуты, которые они провели вместе, прильнув друг к другу и плача, как дети. Их слёзы смешались, когда они обменялись нежными поцелуями, после чего Эрик отпустил её с любимым Раулем. В тот момент она не осознавала, что его маска по-прежнему оставалась зажатой в её руке, зато теперь она находила какое-то горькое утешение в том, что сохранила её. Осознание того, что она бросила Эрика умирать в одиночестве, всё ещё причиняло ей куда большее горе, чем мог бы догадаться её счастливый жених.

Сложив высохшее письмо, Кристина засунула его в потайной ящичек и положила сверху шёлковую маску. Услышав, как жених зовёт её по имени, она быстро закрыла шкатулку и положила её обратно в ящик туалетного столика.

— Иду, любовь моя! — крикнула она, а затем потушила свет и, печально улыбаясь, вышла из комнаты.

***

«Дорогой Эрик,

меня печалит и даже немного беспокоит то, что, хотя вас не стало, я все ещё чувствую необъяснимое желание рассказывать вам о том, как провела день! Интересно, не является ли написание писем к умершему признаком психического отклонения, как вы полагаете? Хотя, если уж на то пошло, вы, наверное, являетесь последним, кого мне следует спрашивать о психических отклонениях! О, мой бедный Эрик — насколько иначе всё могло бы сложиться для вас, если бы с вами обращались по-другому! Может быть, вы были бы самым здравомыслящим и мудрым человеком из всех!

Или это просто потому, что мне трудно перебороть старые привычки? Это похоже на иронию судьбы: когда я находилась с вами, я писала письма Раулю (которые он никогда не получал). Теперь, когда я выхожу за него замуж, я почему-то пишу письма вам (хотя вы тоже никогда их не получите).

Сегодня мы приехали в мой родной город; вы были бы поражены, узнав, как много людей помнят «маленькую Стину», как меня здесь называли. Кристина —

это моё французское имя, здесь же я была Стиной Дааз, дочерью скрипача. До чего же было приятно сегодня вновь услышать моё старое имя и мой родной язык! Боюсь, Рауль совершенно растерялся. Бедный, он выглядел таким смущённым, когда я представляла его всем старым друзьям своего отца — а он не мог понять ни слова из моей речи! Мне очень хотелось рассмеяться, но это задело бы его самолюбие. И всё равно, боюсь, он заметил моё веселье — весь остаток дня он выглядел довольно мрачным.

Мы купили роскошный дом на окраине моего родного городка. Мне хотелось переехать поближе к Гётеборгу, где я смогла бы продолжить своё музыкальное образование, но Рауль настоял на том, чтобы мы остались здесь, в моём старом городке неподалёку от Уппсалы. Я пыталась объяснить, что многих здесь не знаю, мы с папой уехали в город, ещё когда я была совсем маленькой. Но Рауль возразил, что маленький городок — это то, что нам нужно, потому что здесь никто не сможет нас найти.

Лично я не думала, что найти нас будет действительно трудно, учитывая размер нашего дома, но промолчала. Мне не хотелось вступать в споры вот так сразу, ведь мы ещё даже не поженились. Хотя я действительно очень хотела бы иметь возможность продолжить занятия музыкой и пением; однако я сомневаюсь, что такая возможность у меня будет, если мы останемся здесь.

Мы договорились с моим старым священником, что он поженил нас на следующей неделе. А теперь послушайте о самом главном! Узнав о том, кем я была в Париже, отец Фиск попросил меня приходить и петь в церкви по воскресеньям! Даже Рауль не будет возражать против этого, я уверена! Я так рада — и теперь мне действительно, на самом деле хочется, чтобы вы могли прийти и услышать меня. Я знаю, из-за отсутствия практики мой голос стал звучать хуже, и я знаю, что, услышав вы меня сейчас, вы бы рассердились на меня. Мне придётся начать заниматься; отец Фиск хочет, чтобы я начала петь уже в следующее воскресенье после нашей свадьбы. Не могу этого дождаться!

Я только что перечитала последний абзац, Эрик, и поняла, что всё это звучит так, как будто я больше радуюсь тому, что снова буду петь, чем своей собственной свадьбе. Уверяю вас, я очень рада обоим событиям. Рада! Честное слово!

Просто мне не очень хочется снова жить в Уппсале.

Я до сих пор скучаю по вам больше, чем могу выразить. Вы были для меня самым лучшим компаньоном, которого я только могла бы себе пожелать. Рауль любит меня, но не испытывает особой любви к музыке. Мой отец, царствие ему небесное, любил музыку так же сильно, как вы, но совершенно не интересовался чтением. Матушка Валериус любит читать, но (да благословит её Господь) ей не хватает ума, чтобы вести интересные, оживлённые беседы. Вы же, со своей стороны, удовлетворяли мою потребность в общении практически во всех отношениях. Ваша смерть оставила огромную пустоту в моём сердце, которую, кажется, невозможно заполнить ничем другим, как бы я ни старалась.

Мой милый Эрик, почему же вы не сдержали данное мне обещание? Я прочитала объявление о вашей смерти в «Эпоке», но, когда я вернулась в ваш дом, то обнаружила там только Перса, который сообщил мне, что он уже

позаботился о вашем теле. Для меня было бы большой честью сделать это для вас, Эрик, — почему вы не приказали ему дождаться меня?

Вы только послушайте, какие глупости я тут пишу — спрашиваю умершего человека, почему он не заставил живого сделать то или иное! Тем не менее, это сильно огорчило меня. Хотя я была очень благодарна, когда он вернул мне ваше кольцо, чтобы я могла сохранить его у себя. Это позволит мне иметь хоть что-либо материальное в память о вас, когда мой голос угаснет.

Кстати, раз уж речь зашла об этом, мне лучше идти заниматься, если я собираюсь петь на публике через две недели! Я просто буду представлять, что вы здесь, со мной, обучаете меня — и у меня всё должно получиться.

Мне бы хотелось, чтобы вы и на самом деле были здесь, со мной, мой дорогой.

*Всегда любящая вас,
Кристина.»*

Кристина положила это письмо к остальным и заперла их в своей шкатулке. Она понятия не имела, почему время от времени она чувствовала такую необходимость писать Эрику, но до тех пор, пока Рауль ничего не узнал об этом, всё должно быть в порядке. В конце концов, Эрик занимал огромное место в её жизни, и с его уходом в ней осталось чувство пустоты. «Это только до тех пор, пока я не справлюсь со своим горем, — сказала она себе. — Рауль не понимает моей тоски, так что я попросту не буду его этим обременять. Я буду изливать свои чувства на бумагу, где они никому не причинят вреда, а если мёртвые действительно иногда навещают живущих, тогда Эрик будет знать, что я думаю о нём».

***

«Милый Эрик,

моя дорогая матушка Валериус очень больна. Я беспокоюсь о ней. Её состояние ухудшилось вскоре после нашей свадьбы. Мне невыносимо видеть её страдания; на протяжении многих лет она была так добра ко мне, она осталась со мной в Париже, хотя ей так хотелось снова увидеть родину. Как и мой отец. Как бы мне хотелось, чтобы он был жив и мог вернуться сюда с нами; мысль о том, что он зачах в Париже, тоскуя по родным местам, просто разрывает мне сердце.

По правде говоря, меня всегда немного возмущало, что Швеция значила для него больше, чем я. Он мог бы привыкнуть к Парижу, если бы захотел, и продолжить обучать меня музыке, однако вместо этого он просто сидел взаперти в своей комнате, всё время наигрывая мелодии своей родины. Я очень скучаю по нему, и я никогда не переставала любить его, но я уже достаточно взрослая, чтобы понять, что он был не настолько непогрешимым, как я думала. Мне очень жаль, что он не захотел обратить своё внимание на окружающий его мир, вместо того чтобы всегда оглядываться на упущенные возможности!

С сожалением признаю, что есть определенная ирония в том, что я пишу эти слова, обращаясь к умершему человеку.

Я взрослею, Эрик? Или просто становлюсь брюзгой?

Любящая вас,

Кристина.»

***

«Дорогой Эрик,

сегодня утром я впервые пела в церкви. Солнечные лучи, пробивающиеся через окна, и такая прекрасная акустика в церкви — это было чудесно! Это напомнило мне о том, как вы заставляли меня петь в ротонде, чтобы я могла услышать свой голос, отражающийся от всех этих круглых каменных стен! Отец Фиск поблагодарил меня, а несколько человек похвалили и сказали, что у меня, должно быть, превосходный учитель! Я сказала им, что учитель у меня был, но он недавно умер, и я всё ещё скорблю о его потере. Они выразили свои соболезнования, но Рауль сразу после этого поспешил увести меня оттуда. Это выглядело странно. Я не думала, что он может ревновать к уже умершему человеку, но впечатление было именно такое.

Я спросила его об этом в карете: я хотела узнать, что плохого было в простом упоминании о вас, но он выдал какое-то неубедительное оправдание, якобы он не хочет, чтобы все окружающие узнали, кто мы такие.

«А кто мы такие? — спросила я, слегка рассердившись. — Здесь же близкие мне люди, в конце концов!» А он сказал, что мы теперь граф и графиня де Шаньи. Поскольку Филипп умер, не оставив законных потомков, то титул графа де Шаньи унаследовал Рауль. Это так странно, Эрик, — я совершенно не чувствую себя графиней, хотя мы и поженились неделю назад. Я чувствую себя просто маленькой Стиной, наконец-то вернувшейся домой.

Мысль о том, что маленькая Стина на прошлой неделе вышла замуж, по-прежнему кажется мне удивительной. Свадьба была прелестной, и на ней присутствовали многие старые друзья моих родителей. Мне было неудобно: платье, которое я надела для свадьбы по настоянию Рауля, оказалось, по правде говоря, чересчур роскошным для такого скромного общества. Наши соседи, казалось, испытывали смущение, словно они не знали, что делать и как со мной разговаривать. Я, как могла, попыталась избавить всех от неловкости, но из-за того, что Рауль совершенно не говорит по-шведски, мне было очень трудно знакомить его и налаживать его общение со старыми друзьями моей семьи.

Всё это так необычно — жить с мужчиной, быть замужем. Я почему-то думала, что женатые люди всегда спят вместе, но Рауль сказал мне, что это не так: только представители низших слоёв общества, поженившись, спят в одной постели. Мужчины и женщины его класса имеют свои собственные, отдельные спальни. Для меня это кажется странным, когда муж всего лишь навещает свою жену для... ах, однако я не могу говорить о чём-то столь интимном, даже в письме! — а после этого снова возвращается в свою комнату.

Если бы я вышла за вас, как вы хотели, дорогой Эрик, — вы бы тоже оставляли меня засыпать в одиночестве? Однако, я снова неблагодарна. Рауль отказался от многого ради того, чтобы жениться на мне, и я уверена, что скоро привыкну к обычаям дворянства. В любом случае, я не должна думать о вас в таком качестве, поскольку теперь я замужем за другим человеком, которого на самом деле очень люблю.

И всё же, мой дорогой, вы никогда не покидали меня, если я просила вас остаться.

Ваша Кристина.»

Кристина заперла письмо и встала, дрожа. Протянув руку, она погасила газовый рожок, а затем поспешила к своей кровати в лунном свете, льющемся из окна. Сняв халат, она аккуратно положила его сверху на покрывало — это даст дополнительное тепло — и заползла между простынями. Последние крохи тепла, оставшиеся от тела молодого графа, иссякли, и Кристина, собравшись с духом, сунула свои замёрзшие босые ноги к изножью кровати, где простыни были всё ещё ледяными.

Шведские зимы — это было как раз то, о чём она особо не скучала в Париже.

Она тихо лежала и дрожала, зная, что пройдёт немало времени, прежде чем она согреется достаточно для того, чтобы заснуть. Ей так хотелось, чтобы Рауль остался — хотя бы для того, чтобы хоть чуть-чуть согреть её, если уж на то пошло!

***

«Дорогой Эрик,

некоторое время я не чувствовала необходимости писать вам, что, как я надеялась, было хорошим признаком, указывающим на то, что я справилась со своим горем, вызванным вашей смертью. Хотя я начинаю бояться, что вы были правы, когда говорили, что я никогда, никогда в жизни не смогу покинуть вас — мне кажется, что вы постоянно находитесь со мной, в моей душе. Когда я пела в церкви на прошлой неделе, я думала только о вас. Впрочем, вы могли бы гордиться мной, потому что мне удалось не забыть о том, что при достижении высоких нот подбородок надо держать опущенным вниз. Я до сих пор со смехом вспоминаю, как вы продемонстрировали мне разницу в звуке — когда вы брали эти ноты, как следует, и «пытались достичь их за счёт подбородка». Звук был таким ужасным, что я боялась, как бы туда не сбежался весь кордебалет, чтобы помешать мне убивать бедного кота! Это было в моей гримёрной, ещё до того, как вы показались мне, и я помню, как удивлялась — неужели даже у ангелов, бестелесных существ, есть подбородок? Неудивительно, что и малышка Жири, и малышка Жамм постоянно жаловались на то, что их пугает призрак, если вы являлись им вот так! И чем больше я думаю об этом, тем больше задаюсь вопросом, неужели вам действительно было необходимо так их

пугать? Я знаю, вас это, должно быть, развлекало, но, дорогой мой, они же так пронзительно визжали!

Я должна извиниться, Эрик, за то, как я отреагировала, когда обнаружила, что вы на самом деле не ангел с небес. Какой глупой я была, думая, что вы можете им быть! Хотя мне кажется, что вы могли бы быть тогда со мной более честным и избавить меня от такого болезненного разочарования! Иногда я задаюсь вопросом: что бы случилось, если бы вы с самого начала сказали мне, что вы человек, и всё равно взяли бы за моё обучение. Может быть, всё могло быть иначе.

Несомненно, я не заслуживаю того, чтобы со мной обращались так холодно, как это делает Рауль после того, как я пою. Глупый мальчишка, он же знает, что я люблю петь. Так почему он каждое воскресенье ведёт себя со мной столь сдержанно и неприветливо, когда мы едем домой из церкви? Он никогда не просил, чтобы я не пела в церкви; он просто запретил мне когда-либо выходить на сцену. Так почему же он столь холоден со мной? Он смягчается только к середине следующей недели, но к этому времени я уже предчувствую очередное холодное воскресенье после церкви и поэтому не могу получать удовольствие от того времени, что он проводит со мной, даже если он не ведёт себя неприветливо и не делает мне выговоров.

Я знала, что в Швеции будет холодно, но думала, что в моём собственном доме будет тепло.

Недавно он довольно резко говорил со мной по поводу того, что я «слишком фамильярно» веду себя с прислугой. Я всего лишь немного поболтала с одной из служанок, потому что она спросила, откуда мы приехали, и очень обрадовалась, услышав, что последние несколько лет мы жили в Париже. Это был совершенно невинный разговор, если честно, но Рауль услышал нас и позвал меня в кабинет, чтобы поговорить об этом. Он напомнил мне, что теперь я графиня, и что я обязана держать определённую дистанцию между собой и прислугой; не следует держаться с ними на равных, потому что тогда они начнут зазнаваться и решат, что имеют право на особые привилегии. Я вовсе не вела себя с ней на равных (хотя, будучи дочерью крестьянина, я действительно ей ровня); всё, что я делала, — это обращалась с ней, как с человеком. Но Рауль смотрит на это иначе.

По правде говоря, я, может быть, и не была бы склонна болтать с ней и отвлекать её от работы, если бы у меня были другие друзья, с которыми я могла бы поговорить. Но ко мне сюда никто не приходит, а когда я прихожу к ним, они чувствуют себя очень неуютно, находясь в обществе графини. Иногда мне так хочется, чтобы Рауль был простым крестьянином, таким же, как они! Как я. Он теперь уже не тот милый мальчик, которого я знала; теперь это мужчина, причём намного более властный. Только мне бы хотелось, чтобы он приберёг свои командирские наклонности для военно-морского флота, а не испытывал их на своей собственной жене. Я знаю, что он любит меня, но когда всё то небольшое время, которое он проводит со мной, он выговаривает мне за то, что я недостаточно хорошо поддерживаю его благородную репутацию, увидеть эту любовь становится всё труднее.

К нам приехали с визитом две сестры Рауля, с которыми он жил раньше. Я использую термин «визит» в его самом широком смысле, поскольку ни для кого из них это времяпровождение нельзя было назвать приятным. На мне это ровным счётом никак не сказалось, поскольку, едва увидев, что они подъезжают, я ушла в свою комнату. Я не думаю, что могла бы провести с ними больше, чем 5 или 10 минут, и выйти оттуда после этого невредимой. Бедному Раулю пришлось играть роль хозяина почти час, и всё это время они на него кричали, ругались и угрожали лишить его наследства. К счастью, это были пустые угрозы: Рауль сказал мне, что обе — и Клеменс, и Мартина — охотно отписали всё своё наследство Филиппу, когда умер их отец. И теперь, когда Филипп умер, Рауль единственный отвечает за семейное состояние.

Однако то, что они кричали, было ужасно: и обо мне, и о Рауле — за то, что он женился на мне. Я всё время слышала их, и пока поднималась по лестнице, и даже через закрытую дверь. Рауль говорит, что завтра они собираются вернуться домой, и я этому рада. Я не хочу, чтобы они находились рядом с ним достаточно долго, чтобы он действительно начал обращать внимание на то, что они говорят обо мне; он может поверить им.

Простите меня, дорогой мой, за то, что я начала тут плакаться вам о своих семейных проблемах. На самом деле бóльшую часть времени Рауль обращается со мной, как с королевой. Когда он вообще со мной, я имею в виду. Он любит меня, и я благодарна, что он, по крайней мере, позволяет мне петь по воскресеньям (хотя он и становится из-за этого раздражительным). Он так мил со мной в середине недели, что я, конечно же, с лёгкостью прощаю ему некоторую грубость по воскресеньям, и когда он застаёт меня за поведением, не подобающим моему рангу.

Видит Бог, вы, несомненно, сердились на меня гораздо чаще, друг мой! Но мне так пусто без вас, что я скучаю даже по этому. Не говоря уже о том, что ваше раздражение, как правило, было вызвано тем, что я делала что-то глупое, что могло повредить моему голосу.

Теперь я должна вернуться и попытаться успокоить моего дорогого мужа. Я чувствую себя лучше, написав всё это; мне кажется, что вы помогаете мне, Эрик, даже из могилы.

Полагаю, все эти нездоровые рассуждения, должно быть, являются следствием вашего на меня влияния, дорогой мой, со всеми этими вашими разговорами о смерти, привычке спать в гробу и тому подобном.

*Ваш любящий друг,
Кристина.»*

Кристина заперла письмо и встала, поправив юбку. Время близилось к ужину, и на этот раз она решила поговорить с Раулем о его поведении по воскресеньям. Пора уже растопить этот холод в их отношениях. Он вёл себя так с самого первого воскресенья, когда она спела, когда люди похвалили её голос и выразили ей соболезнования в связи со смертью её учителя. С неё хватит.

К сожалению, их разговор пошёл не так, как планировалось, и они с Раулем разошлись в этот вечер по своим комнатам в состоянии холодной отчуждённости.

Глава 2. Луч надежды

«Дорогой Эрик,

угадайте, что? Это одна из самых удивительных вещей, которые когда-либо со мной происходили! И на этот раз я рада, что вы не будете читать эти письма, поскольку знаю, что никогда не смогла бы поговорить с вами об этом, если бы вы были живы. Мне было бы слишком неловко.

У нас с Раулем будет ребёнок.

Я так рада! И Рауль теперь со мной так ласков, хотя мне очень часто (почти каждый день) становится плохо. Доктор сказал, что скоро мне должно стать лучше; и я надеюсь, что он прав! Ещё он сказал, что таким женщинам, как я, не стоит рожать детей, потому что мои бёдра не подходят для этого. Какой гадкий и кошмарный человечиска! Рауль, выпроваживая его, был с ним весьма резок.

Так что теперь мы получили восхитительную привилегию выбирать имя для нашего ребёнка. Я надеюсь, что это будет мальчик. Рауль говорит, что он хочет маленькую светловолосую девочку, которая будет похожа на меня, но лично я надеюсь, что это будет мальчик, которого я смогу назвать в честь моего отца. Так или иначе, светлые волосы у ребёнка весьма вероятны, если учесть, какие волосы у нас обоих.

Обратной стороной этой новости является то, что Рауль больше не «навещает» меня в моей комнате, и мне очень одиноко, особенно ночью. На протяжении всего дня я также нахожусь в одиночестве. Кажется, некоторые мои старые друзья чувствуют себя неловко, нанося визиты графине, и не хотят, чтобы я приходила к ним, потому что стыдятся своих маленьких обветшалых домов.

О, Эрик, если бы они вспомнили, как мы с отцом ночевали в стогах сена по всей Швеции, они, может быть, не так остро бы ощущали различия между нами! Ещё я скучаю по старым друзьям в Опере, по тому, какое там царило оживление. Это был совершенно другой мир, и совершенно другая жизнь, доступная только тем людям, которые жили и выступали в этих стенах. Ни одному человеку со стороны никогда не понять этого. Здесь у меня очень мало друзей, а Рауль сейчас настолько осторожен в обращении со мной и так озабочен моим здоровьем, что заставляет меня каждый вечер рано ложиться спать и отказывается составлять мне компанию.

Это скучно. Мне совершенно не нужно так много спать, поэтому я обычно читаю перед сном. Вы же помните, как поздно я всегда ложилась спать, Эрик, — я вспоминаю многие, многие вечера, когда мы вдвоём сидели в вашей гостиной, вместе читая далеко за полночь. Но Рауль встаёт с петухами и хочет, чтобы я брала с него пример, поэтому я каждый вечер отправляюсь в постель в восемь часов, а потом не сплю до часа или двух.

Ах, однако я снова начинаю на него жаловаться. На самом деле, он очень мил, и с его стороны очень любезно так хорошо обо мне заботиться. Он не виноват в том, что моё тело всё ещё придерживается театрального режима. Может быть, материнство избавит меня от этого.

Я знаю, вы не были бы счастливы, услышав мои новости, Эрик, но мне хочется надеяться, чтобы вам бы, по крайней мере, было приятно, что это делает счастливой меня. Мы с Раулем так взволнованы тем, что у нас будет ребёнок.

Возможно, это один из тех случаев, когда я радуюсь, что вы не будете читать эти письма.

*Всегда ваш друг,
Кристина.»*

Кристина поддула на чернила, чтобы высушить их, и заперла письмо, как обычно. Не в первый раз ей хотелось, чтобы Эрик был ещё жив и мог поговорить с ней. Что-то было в их отношениях, какой-то огонёк взаимопонимания, который никогда не связывал её с Раулем. После того, как она уже привыкла к лицу Эрика и проводила с ним больше времени, они наслаждались долгими вечерами, коротая их в неспешных беседах. Он был хорошим слушателем и умным собеседником, и большую часть времени она с лёгкостью забывала о том, что он уродлив, похож на скелет и психически неуравновешен. Ей казалось, что рядом с ней по-прежнему находится её друг — «голос» из гримёрной.

Она грустно улыбнулась, вспомнив свою тесную дружбу с «голосом» и то, как она позже превратилась в дружбу с Эриком. Из-за того, что безумное поведение Эрика так сильно напугало её, она никогда не рассказывала Раулю о том приятном времени, нестрашном времени... времени, когда она всерьёз думала о том, чтобы принять предложение Эрика. Пару раз она пыталась рассказать Раулю — просто для того, чтобы её муж не считал Эрика таким чудовищем, — но это только рассердило его.

Нет, ей придётся смириться с этим: Раулю никогда не понять ни тех отношений, которые связывали их с Эриком, ни того, как она скучает без него.

***

«Дорогой Эрик,

матушка Валериус умерла. Она прожила достаточно долго, чтобы снова увидеть родину и присутствовать на нашей с Раулем свадьбе, но потом она подхватила простуду, и её здоровье резко ухудшилось. Так что теперь она не сможет увидеть, как родится наш ребёнок, не сможет составить мне компанию и помочь во время беременности, которая, по некоторым причинам, делает меня ещё более одинокой.

Сегодня утром я пела в церкви на её отпевании. Мне не очень хотелось петь в такую грустную минуту, но поскольку, прежде всего, именно матушка Валериус

убедила меня, чтобы я согласилась брать уроки у вас, то отказать ей в этой последней почести я не могла.

В связи с этим я порой сомневаюсь в её умственных способностях. Я знаю, что сама я была ужасно наивной, почти глупой в своей доверчивости — однако я тогда была сущим ребёнком. Рискую показаться неблагодарной по отношению к ней (какой я на самом деле не являюсь), — какие были оправдания у неё?

Я кажусь вам наивной, милый Эрик? Или просто разочарованной? Ибо я определённо разочарована. Ни одна из моих надежд, ни один из моих планов никогда не осуществлялись, с самого детства, — за исключением того времени, когда я была с вами. Я всегда мечтала петь ведущие оперные партии, и вы сделали это возможным! Однако мой отец забросил меня, погрузившись в свои воспоминания о доме; Рауль по ночам оставляет меня в моей комнате в полном одиночестве; мои старые друзья здесь избегают меня из-за титула (странно, я ведь не чувствую себя графиней! Я по-прежнему ощущаю себя маленькой Стиной, но никто так ко мне больше не относится), а теперь вот меня покинула и матушка Валериус. Она была мне почти как мать, сколько я себя помню, и хотя она была простой женщиной, у неё было доброе и благородное сердце. Я уверена, что она полюбила бы вас, если бы встретила. Конечно, ведь в тот вечер, когда Рауль явился без предупреждения, она защищала моё право любить вас, даже не зная, кто вы такой.

Эрик, я так одинока, так одинока! Я знаю, что должна испытывать благодарность, ибо какой ещё «оперной певичке» повезёт выйти замуж за графа и поселиться в огромном, красивом доме, в окружении роскоши? Но я не испытываю благодарности; я чувствую лишь грусть, потому что мне не с кем всем этим поделиться, и отчаяние из-за того, что я нахожусь в постоянном одиночестве.

В ту последнюю неделю, когда вы так странно вели себя и так меня напугали, признаюсь, я бросилась к Раулю в поисках утешения. Он казался опорой для такой испуганной и страдающей девушки, какой я была в ту пору, — и я уцепилась за него. Возможно, я тогда даже влюбилась в него — только потому, что он был таким спокойным и разумным, в отличие от вас. Но теперь, дорогой мой, я пришла к выводу, что он не способен справиться с повседневными трудностями человеческого существования. Когда перед ним не стоит великая, благородная цель спасти девицу от сумасшедшего, он, кажется, не совсем знает, что делать даже с самим собой — не говоря уже о вышеупомянутой девице! Наши разговоры за ужином вежливы и высокопарны, а ведь это единственное время, которое мы вообще проводим вместе. Большую часть дня он проводит в своём кабинете. Такое ощущение, что он потерял смысл жизни и, скорее всего, уже жалеет о своём решении жениться на мне.

Я буду счастлива, когда родится наш ребёнок. Может быть, тогда Рауль сможет найти для себя новую цель в жизни. Мне бы только хотелось, чтобы моя приёмная мать всё ещё была жива, чтобы увидеть нашего малыша.

Мой милый Эрик, почему все, кого я люблю, умирают?

Ваш печальный друг,

Кристина.»

Кристина заперла письмо и задержалась, чтобы полюбоваться самой шкатулкой. Она никогда не говорила Раулю, но эту шкатулку сделал для неё Эрик. Верный своей озорной, мальчишеской натуре, он наполнил её потайными отделениями и крошечными секретными дверцами, скрытыми рычажками и переключателями. Кристина перевернула её, нажала на бок — и со щелчком открылся маленький ящичек. Засунув внутрь два пальца, девушка вытащила простое золотое колечко. Поднеся его ближе к свету, она взглянула на выгравированную изнутри надпись: «К. Д.» с одной стороны, и «Эрик» — с другой.

Медленно, сама не зная, почему, она сняла с пальца своё обручальное кольцо и надела вместо него кольцо Эрика. Кольцо блестело в тусклом свете газового рожка, и Кристина посмотрела на него с грустной улыбкой, прежде чем положить его обратно в тайник, вернув на палец обручальное.

Она задалась вопросом, смогла бы она родить детей от Эрика, если бы они поженились?

Обругав себя за эту мысль, Кристина быстро спрятала шкатулку, повесила ключик на шею и забралась в постель. Слишком возбуждённая, чтобы уснуть так рано, она взяла в руки книгу и стала читать.

***

«Дорогой Эрик,

вчера мы с Раулем выезжали на прогулку, и наша карета сломалась. Это был один из тех редких случаев, когда он захотел побыть со мной, не считая того времени, что мы проводим за столом, и я была так счастлива! Но затем у кареты сломалось колесо, и дальше ехать было невозможно. Он выпряг лошадь и вскочил на неё, чтобы ехать обратно верхом. Затем стал помогать мне забраться наверх и усадил меня за своей спиной. Я была крайне удивлена: я думала, что, когда мужчина и женщина едут вдвоём, женщина всегда должна быть впереди. Видите ли, я вспомнила, как мы с вами вдвоём ехали на Цезаре, в ту ночь, когда упала люстра, и вы провели меня через зеркало в гримёрной.

Рауль был изумлён, он стал с подозрением расспрашивать меня, когда я раньше ездила верхом и с кем, и — Эрик, мне стыдно об этом говорить, но я обнаружила, что лгу ему! Я сказала ему, что мы ездили так с моим отцом, когда я была маленькой.

Он, кажется, поверил этому и рассмеялся, сказав, что дети действительно ездят спереди, но взрослые люди должны ехать сзади. Хотя затем он решил побаловать меня и посадил меня перед собой.

Я прошу прощения за то, что я так солгала. Уверяю вас, это не потому, что я стыжусь вас или чего-нибудь из того, что мы делали, когда были вместе! Это лишь потому, что Рауль становится настолько ревнивым, если я хотя бы вскользь упоминаю ваше имя, что мне намного проще вовсе этого избегать.

Эрик, я надеюсь, вы не возражаете, если я задам вам личный вопрос, который возник у меня после этой поездки с Раулем? Что вы чувствовали в тот раз, когда мы вместе ехали на Цезаре? Потому что мне кажется, что вы чем-то одурманили меня, и я почти ничего из этого не помню. Однако с Раулем мы выяснили кое-что интересное: мы были довольно тесно прижаты друг к другу на скачущей лошади, и Рауль пришёл в изрядное волнение, — и потом, когда мы подъехали к дому, он не пошёл сразу искать мастера-колесника, а вместо этого зашел в дом и потащил меня прямо наверх, в мою комнату! При свете дня!

Он всё время говорил, что это была неплохая идея с моей стороны — ехать спереди, и теперь, когда я знаю, что он имеет в виду, я боюсь сказать ему, что именно вы сделали это первым, чтобы удержать меня на лошади после того, как усыпили меня!

Я поняла, что вы, должно быть, усыпили меня, потому что запах хлороформа пристал к вашей коже и одежде. Ещё когда я была маленькой девочкой и наблюдала, как матушка Валериус проводит свои опыты, я всегда думала, что, должно быть, именно так пахнет смерть: такой затхлый, сладковатый аромат, который давит на лёгкие и вызывает тошноту. Он очень сильно напугал меня, особенно в сочетании с вашим изможденным видом и холодными руками. Теперь я знаю, что это не было вашей виной, но в тот раз вы меня действительно испугали.

Долгое время я думала, что если бы вы только сказали мне правду с самого начала, то ваше предательство не было бы таким болезненным. Если бы вы сразу сказали мне, что вы мужчина, хоть и изуродованный, который хочет давать мне уроки музыки... но нет, вы были правы. Я бы не согласилась. Представляете, какой-то неизвестный, изуродованный мужчина показывается в моей гримёрной каждое утро? И так Рауль причинил мне достаточно беспокойства из-за того, что в моей гримёрной слышался лишь мужской голос. Представьте себе, насколько сильнее пострадала бы моя репутация, если бы там со мной оказался и сам мужчина?

Вероятно, то, что вы сделали, было самым лучшим выходом в данной ситуации, и всё-таки жаль, что вы не отказались от использования хлороформа!

Всегда ваша,

Кристина.»

Кристина убрала письмо в шкатулку, благословляя Эрика за то, что он ухитрился сделать ящик таким маленьким с виду, но при этом таким вместительным. Даже с учётом всех писем, которые она уже написала, ящик был наполнен лишь наполовину. Она на мгновение наклонилась и понюхала ящичек.

Внутри пахло чернилами и пчелиным воском... и лишь малейшим оттенком плесени — и Кристина выпрямилась и улыбнулась. Она вспомнила, что совершенно такое же сочетание запахов можно было услышать от Эрика, когда он не возился с каким-нибудь хлороформом. Странно успокоенная тем фактом, что

всякий раз, когда она захочет, она сможет открыть ящичек и вдохнуть запах своего учителя, она закрыла шкатулку и убрала её подальше.

***

«Дорогой Эрик,

в последнее время я думала о вашем лице. Я знаю, что это странная тема для размышлений, ведь даже самые близкие ваши друзья не смогли бы сказать, что вы красивы. Сколько у вас было друзей, Эрик, близких или нет? Я вдруг поняла, что очень многого о вас не знаю. Ваши истории о том, как вы путешествовали в Персию и в другие места, всегда просто завораживали меня, но я знаю, что вы никогда ни с кем не делились даже половиной из этих воспоминаний.

Иногда я мечтаю о том, как могла бы путешествовать с вами...

Но я завела речь о вашем лице. Я как-то раз упомянула в разговоре с врачом (который, на самом деле, оказался не таким уж плохим человеком, когда я узнала его поближе), что я знала кое-кого с врождённым дефектом лица, и он сказал мне, что подобные явления встречаются намного чаще, чем думают люди. Он рассказал мне о человеке, которого он знал в молодости: тот родился вообще без носа — на том месте, где должен был быть нос, у него находилась просто дыра. И наставник моего врача сделал этому мужчине фальшивый нос, который выглядел, как обычный.

Я знаю, ваше уродство заключалось, скорее, в определённых чертах внешности... ладно, в том, что вы были похожи на труп (а ваша худоба только ещё больше ухудшала ситуацию — Эрик, мне явно следовало оставлять вам всё, что вы мне готовили, когда я была вашей гостьей! Я тогда смогла бы хоть немного откормить вас!), к которым не сразу привыкаешь, но меня огорчает то, что, возможно, для вас существовала какая-то надежда получить удовольствие от нормального общения с людьми, а вы так и не узнали об этом.

И я должна признаться в недостойных мыслях. Если бы мы с вами поженились, не передалось ли бы ваше уродство нашим детям? Я говорила об этом (гипотетически, конечно!) со своим врачом, и он так не считает. Он говорит, что такого рода случаи, как правило, являются единичными и не обязательно передаются детям. От этого у меня на душе стало немного легче, хотя я понятия не имею, почему. И почему я вообще должна думать о красоте или уродстве других, когда я сама похожа на выброшенного на берег кита — вот этого я точно не понимаю. Врач говорит, что примерно две трети срока беременности позади. Надо же, какая радость. Я несчастна: спина болит, я распухла, моя обувь стала мне мала, и я теперь похожа на большого розового моржа. Если бы вы могли увидеть меня сейчас, вы бы больше не считали меня красивой! И я не знаю, как я выживу в ближайшие три месяца, если я уже такая огромная!

Ваша, к сожалению, необъятная

Кристина.»

Кристина заперла письмо и встала, потянувшись, чтобы хоть немного облегчить боль в спине. Она задавалась вопросом, действительно ли она должна быть настолько большой, когда оставалось ещё три месяца до родов, но доктор заверил её, что у некоторых женщин так и происходит, и что всё в порядке. Она вызвала горничную, Аннеке, чтобы та помогла ей раздеться.

Для того, кто вырос в бедности и независимости, как Кристина, необходимость использовать горничную, чтобы та помогала ей одеваться и раздеваться, казалась странной. В Опере она уже пользовалась её услугами, но по-прежнему отдавала предпочтение простым нарядам, которые носила, будучи юной девушкой — нарядам, на которых не было такого количества крючков и шнурков. Однако теперь, когда её тело приняло такие формы, она просто-напросто не могла достать до застёжек. Аннеке пришла, чтобы помочь ей раздеться и облачиться в ночную сорочку. Затем девушке пришлось крепко схватиться за столбик кровати, чтобы помочь Кристине улечься в постель. Кристина потеряла всю свою природную грацию, она ненавидела тот факт, что даже лечь в постель самостоятельно она не может.

— Мне погасить свет, госпожа? — спросила Аннеке.

Кристина задумалась на минуту. Для сна было слишком рано; она бы лучше почитала, но тогда потом придётся либо вставать и тушить свет самой, либо заставлять горничную бодрствовать до тех пор, пока она сама не будет готова уснуть. Из уважения к молодой женщине, она кивнула:

— Да, пожалуйста, а потом можешь быть свободна. Ты мне сегодня больше не понадобишься.

Горничная с благодарностью присела в реверансе и, потушив огни, ушла. Кристина вздохнула и легла на спину, приготовившись провести несколько часов без сна. Лёжа таким образом, она по своей привычке соскользнула в мечты. Она думала об Эрике и о том, на что это было бы похоже, если бы она выбрала его по любви и вышла бы за него замуж. Она призналась себе, что, если бы лицо Эрика не было таким уродливым, и если бы на сцене в тот момент не появился Рауль, это было бы вполне возможным. Разумеется, она никак не могла дать Раулю честный ответ — в тот раз, на крыше, когда он спросил её, любила бы она его по-прежнему, если бы Эрик был красив? Она лишь спросила его в ответ, зачем ему знать о чувствах, сокрытых в глубине души, «как прячут грех», — а затем сменила тему. Однако теперь, лёжа в темноте на протяжении нескольких часов, когда ей нечем было заняться, кроме размышлений, она была вынуждена признаться в пустоте, что да, она бы любила Эрика, если бы он был красив.

Покраснев от стыда за свою легкомысленность, она осторожно перевернулась на бок и всхлипнула. Это просто позор, что она позволила своим чувствам быть столь зависимыми от чьего-то внешнего вида. Вдруг она вспомнила отрывок из

Библии, о котором говорил несколько недель назад отец Фиск: человек смотрит на внешность, а Бог смотрит в сердце.

Кристина была очень набожной, и ей было стыдно, что она показала себя не с лучшей стороны и оказалась не ближе к Богу, чем кто-либо другой из тех, что оскорбляли Эрика на протяжении всей его жизни.

Она даже не почувствовала, как слёзы потекли по её лицу, когда она лежала там, думая о нём. Беременность сделала её эмоциональной, и этот раз не стал исключением. Подумав о том, какой была её жизнь, и какой она могла бы быть с Эриком, она расплакалась, уже не стесняясь.

Засыпая, она думала о нём.

***

«Дорогой Эрик,

после смерти матушки Валериус я очень много думаю о вас. Поскольку, в первую очередь, именно она внушила мне мысль о том, что таинственный голос в моей комнате принадлежит Ангелу Музыки, то мысли о ней неизменно приводят меня к размышлениям о вас. Хотя всё же довольно странно, какое огромное место вы занимаете в моей душе. Я и так обычно думаю о вас довольно часто, но это уже становится похоже на навязчивую идею! Вы теперь появляетесь в моих снах почти каждую ночь.

Я даже одно время начала беспокоиться о своём психическом здоровье, потому что мои сны были настолько яркими, что, когда я просыпалась, реальный мир казался мне похожим на сон. Правда, потом я успокоилась на этот счёт, о чём рада вам сообщить. К моей горничной, Аннеке, вчера приехала её замужняя сестра. Ее зовут Шарлотта, и я приятно удивилась, услышав, как Аннеке называет её «Лотти». Это напомнило мне старые сказки, которые отец рассказывал мне и Раулю, когда мы были детьми. Тем не менее, у Лотти уже трое детей, и когда она узнала, что я в положении, она смогла успокоить меня по целому ряду вопросов — включая тот факт, что беременных женщин довольно часто преследуют чрезвычайно яркие повторяющиеся сны.

Если бы Рауль узнал, что я так прекрасно провела время в гостях у сестры своей горничной, он бы меня отругал. Он считает, что я, как графиня, недостаточно хорошо поддерживаю свой статус. Однако он не понимает, как мне нужны другие женщины для того, чтобы обсудить с ними подобные вещи. Если я на что-то жалуюсь, он просто посылает за доктором. Но поскольку многое из того, что происходит со мной, на самом деле является совершенно нормальным для беременной женщины, то я ненавижу, когда мне приходится вызывать врача, хотя меня могут успокоить всего лишь 20 минут разговора с другой женщиной!

Но я говорила о своих снах. Обычно это просто сны-воспоминания, воспоминания о различных вещах, которые мы делали вместе — пели, выезжали

на прогулки, читали — но этой ночью мне приснилось о том, как мы впервые лично встретились. Хотя в моём сне всё было по-другому: мы с вами почему-то оказались женаты и находились у меня в гримёрной, после чего вы провели меня через зеркало. Когда вы держали меня перед собой на Цезаре, вы делали это как мой муж, а когда вы целовали меня, вы целовали свою жену. Вы были без маски, но для меня это не имело значения.

Там были некоторые подробности, о которых я стесняюсь даже думать, не то что писать. Достаточно сказать, что в моём сне мы вели себя... совсем как муж и жена. Однако потом вы заплакали и сказали мне, что это было замечательно, но это было не на самом деле.

Проснувшись и обнаружив, что вы были правы, я сама не смогла сдержать слёз.

Более того, этот сон был наполнен столь яркими и страстными подробностями, что пробуждение в моём холодном, одиноком доме, без музыки, было больше похоже на пробуждение в кошмаре. Мне пришлось напомнить себе о том, что случилось на самом деле: что вы похитили меня, запугали меня и чем-то одурманили, и что наша поездка по подвалам была сопряжена для меня скорее с ужасом, чем с романтикой. Несмотря на это, меня не покидало чувство, что мой сон показывал то, что на самом деле **должно было** произойти между нами — вместо того, что произошло в действительности. Я не смогла удержаться от того, чтобы не вспомнить снова в подробностях свой сон, и этим расстроила себя на всю оставшуюся часть дня.

Я буду рада, когда этот ребёнок родится и я снова смогу совладать со своим разумом.

Всегда ваша,
Кристина.»

Кристина сложила это письмо и убрала его в маленькую шкатулку. Во сне были некоторые эпизоды, о которых она не упомянула в письме Эрику, и которые заставили её проснуться, задыхаясь. Во сне её ощущения от поездки на Цезаре, когда за её спиной сидел Эрик, который крепко прижимал её к своему жилистому телу, были весьма реальными и сильными. На самом деле, во время той поездки она была почти без чувств — но теперь, во сне, её чувства были напряжены до предела. Она чувствовала каждый сантиметр его поджарого тела, прижимающегося к её телу, его тонкие руки, обнимающие её за талию и удерживающие её прямо, несмотря на лёгкое покачивание идущего шагом Цезаря.

Наклонив голову, она покраснела ещё сильнее, вспомнив некоторые подробности, которые она никогда, никогда в жизни не разгласит — нет, даже в письме к умершему человеку.

Утром, когда она проснулась и обнаружила, что это был всего лишь сон, она не смогла остановить поток слёз. Перестала она плакать лишь тогда, когда миновало обеденное время.

За ужином она была в дурном настроении, а когда Рауль спросил, в чём её проблема, она только огрызнулась. Когда той же ночью он пришёл к ней в комнату, она его прогнала. Принимать Рауля в своей комнате казалось ей предательством по отношению к Эрику.

Ей потребовалось немало времени для того, чтобы снова почувствовать себя нормально.

***

«Дорогой Эрик,

Рауль — крыса и чёртов ублюдок, и я жалею, что вообще вышла за него замуж! Я, понимаешь ли, через месяц подарю ему ребёнка, а он имеет наглость называть меня дурочкой и говорить со мной свысока! Всё, чего я хотела, это всего лишь немного клубники — я что, прошу слишком многого? — а он не только отказался достать её для меня, но ещё и взял на себя наглость прочитать мне лекцию о сезонности в сельском хозяйстве!

Я сказала ему, что он, несомненно, достаточно богат, чтобы купить жене немного клубники вне сезона, поскольку он, кажется, в состоянии позволить себе все остальные капризы. Он очень рассердился на меня и выбежал. Я всё ещё была зла, мне хотелось метаться по комнате, кричать и ломать всё вокруг, но вместо этого всё, что я могла сделать, — это плакать, и меня ещё больше взбесило то, что я не могла излить свой гнев так, как мне хотелось!

Простите, Эрик. Я в последнее время настолько ужасно капризна и противоречива, что сама себя не узнаю. Врач сказал, что это не моя вина, всё дело в ребёнке. Он говорит, что многие женщины в положении «сходят с ума», как он несколько бесчувственно выразился. И Рауль тут тоже не виноват; ему ничего не остаётся, кроме как удовлетворять большинство моих неразумных (должна признать) требований.

Но, боже ты мой, как же я буду рада, когда этот ребёнок родится и я смогу вернуться к нормальной жизни! Он толкается и ворочается, представляете, Эрик! Я чувствую, как он двигается внутри меня! Я даже не знала, что дети могут так делать. И мне очень хочется, чтобы рядом со мной по-прежнему была матушка Валериус или ещё какие-нибудь женщины, с которыми я могла бы поговорить. Мне не хватает подруг.

Мне не хватает друзей.

И больше всего мне не хватает вас. Я ежедневно молюсь за вашу душу, мой дорогой, чтобы наш Отец Небесный сжалился над вами и впустил вас в рай, несмотря на ваши грехи. Если я не могу больше радоваться вашему обществу здесь, на земле, то, может быть, Он ещё позволит нам быть вместе в мире ином.

Я слышала, что можно достичь очищения грехов через мученичество. Если это так, мой дорогой друг, то вы, безусловно, получили это право.

Мне только жаль, что всё так сложилось. Я определённо не стою чьей-либо жизни.

Ваша Кристина.»

Кристина сделала глубокий вдох, успокаиваясь. Она действительно немного перегнула палку с бедным Раулем! Она велела служанке немедленно дать ей знать, как только он вернётся; она должна будет извиниться перед ним за некоторые вещи, которые она высказала ему в пылу гнева. Немного грустно улыбнувшись собственной глупости, она сложила письмо и положила его в шкатулку вместе с другими, после чего убрала шкатулку в ящик своего туалетного столика.

Глава 3. Надежды разбиты

«О, Эрик!

Эта трагедия — худшая из всех, что происходили в моей жизни.

Наш ребёнок мёртв.

Он родился на целый месяц раньше, и что-то с ним было не так. Судя по всему, какой-то дефект появился у моего малыша ещё до того, как он родился!

Но, Эрик, он выглядел так прекрасно! Мне дали поддержать его несколько минут, и он смотрел на меня своими глазами небесного цвета. Ещё у него была копна светлых волос и ямочка на подбородке — такая же, какая была, по словам Рауля, у его старшего брата Филиппа.

Рауль потребовал, чтобы мы назвали его в честь Филиппа, так мы и сделали.

Но, Эрик, как я хотела назвать его в вашу честь! Это мог быть один из способов хоть как-то вернуть вас к жизни... но, конечно, Рауль об этом и слышать не хотел — и потребовал, чтобы мы вместо этого назвали малыша в честь Филиппа.

А теперь наш любимый, прекрасный маленький Филипп мёртв. Он прожил всего полтора дня, потому что совсем не мог принимать какой-либо пищи. Он не мог глотать, врач сказал, что именно поэтому я и стала такой крупной в начале беременности. Я не совсем это поняла, однако мы не могли заставить его проглотить ни капли молока, так он и умер.

Я не знаю, как я смогу пройти через это, Эрик. Рауль подавлен так же, как и я, — по крайней мере, так он говорит, однако он не носил маленького Филиппа почти год под своим сердцем, а затем не рожал его в криках и мучениях, так что я не понимаю, как это вообще можно сравнивать. Но он мой муж, и я должна ему верить.

О, роды были ужасными, Эрик. Я никогда не думала, что человеческое тело способно чувствовать такую боль — и выжить после этого. Хотя, если уж быть честной, я едва не умерла. Врач клянется, что не скажет Раулю, как близко к этому я была, однако я подозреваю, что Рауль уже знает. Я несколько дней лежала слабая, истекающая кровью, не способная даже пошевелиться.

Рауль не говорил мне о смерти нашего маленького сына до тех пор, пока я не смогла, наконец, подняться. По его словам — это лишь потому, что он боялся, что я не смогу выздороветь, если он сразу мне всё скажет, но я считаю, что это было всё-таки жестоко — ждать, когда я поправлюсь и захочу поддержать своего ребёнка, прежде чем сказать мне, что маленький Филипп умер несколько дней назад.

Я немного беспокоюсь, Эрик, потому что я не чувствую горя; по крайней мере, такого же сильного горя, которое я ощущала, когда умер мой отец — или вы. Я просто чувствую какую-то пустоту: словно я стала полой и хрупкой — и разобьюсь на миллион кусочков, если упаду. Рауль не разговаривал со мной с тех пор, как сообщил мне о Филиппе, это было три дня назад. Я не покидаю своей комнаты.

Я вспоминаю, как всякий раз, когда меня что-то беспокоило, вы заставляли меня петь с вами дуэтом. Вы выбирали что-то страстное или отчаянное и пели вместе со мной, выпуская тревоги наружу, даруя тем самым катарсис моей душе. После этого я всегда чувствовала себя лучше, даже если проблема никуда не уходила.

Вот когда я больше всего нуждаюсь в том, чтобы вы заставили меня петь, Эрик, так это сейчас. Как ни крути, «Господи, помилуй» или осанна, которые мне позволено петь в церкви, — этого для меня явно не достаточно. Мне нужен катарсис; мне нужно, чтобы в пении были чувства и страсть, печаль и отчаяние, радость и гнев. Мне нужно то, что снова заставит меня чувствовать.

Мне нужна опера, мой дорогой Эрик.

Мне нужны вы.

Кристина.»

Кристина тщательно спрятала письмо и заперла шкатулку. Затем вызвала горничную, чтобы та помогла ей одеться и причесаться, и на этот раз она была рада помощи. У неё просто не было сил, чтобы сделать всё это самостоятельно.

— Скажи моему супругу, что я отправилась на прогулку, — велела Кристина, и горничная кивнула, помогая ей надеть шаль.

После её ухода Рауль тихо подошёл к двери. Легонько постучав, он вошёл.

— Кристина?

Оглядев комнату и не увидев жены, он вздохнул и уже собрался уходить, когда его внимание привлекла шкатулка Кристины. Она была прелестной: нескольких дюймов в высоту, украшенная затейливой резьбой, с персидским павлином на самом верху. Рауль не помнил, чтобы когда-нибудь раньше видел её здесь; нахмурившись в замешательстве, он подошёл и открыл крышку.

В основном отделении невинно лежали ювелирные изделия Кристины, которые он же ей и подарил. Рауль достал их, одно за другим, и стал рассматривать, улыбаясь. Он вспомнил, какой королевой она выглядела с этим бриллиантовым ожерельем на шее, когда они поженились. И задался вопросом, почему она больше не надевает ни его, ни рубиновые серьги, ни любые другие украшения, которые он ей подарил. Он положил их обратно в основное отделение и попытался открыть крошечный ящичек снизу.

Тот был заперт. Рауль нахмурился и наклонился, чтобы рассмотреть его. Да, там действительно была замочная скважина, хотя ящичек был настолько маленьким, что он едва мог разглядеть края. Рауль огляделся в поисках ключа, но не нашел его.

Он на мгновение задался вопросом, почему же Кристина оставляет основное отделение незапертым, хотя там лежат все ценные вещи, и что же, в таком случае, является для неё столь ценным в сравнении с ними, что ей приходится запирасть это в крошечном ящичке? Любая из служанок может запросто взять и забрать что-либо из основного отделения, приди ей в голову такая мысль; разумеется, именно этот ящичек и должен быть заперт, а не маленький снизу. А, ладно. Когда он найдёт Кристину, он её спросит.

Глава 4. Тоска и одиночество

«Дорогой Эрик,

я не думаю, что Рауль счастлив здесь — ни в Швеции, ни в нашем доме, ни со мной. Я не знаю, как ему помочь, поскольку он не говорит мне, в чём дело. Когда я его спрашиваю, он отвечает, что всё в порядке. Но холодность воскресных дней теперь распространяется и на остальную часть недели, хотя я вообще не пела с тех пор, так как мы потеряли маленького Филиппа. Большую часть времени Рауль проводит в одиночестве в своём кабинете, а я — в одиночестве в своей комнате. Он жалуется, что у него здесь нет друзей, потому что он не говорит по-шведски; что ж, я могла бы научить его, если бы он захотел (а он не хочет), однако это не поможет. Он не понимает, что у меня здесь тоже нет друзей. Ни одному из моих старых приятелей не хочется общаться с графиней.

Я уже почти год не пела в церкви — с тех пор, как мы потеряли нашего малыша. Я пытаюсь петь сейчас, но у меня перехватывает горло. Уверена, вы бы рассердились на меня, Эрик, если бы могли услышать те слабые жалкие трели, которые я издаю сейчас. Мне кажется, что я подвела вас — даже больше, чем прежде, я имею в виду. Я знаю, что не сумела отплатить вам любовью, пока вы были живы, но по какой-то причине потеря голоса кажется мне куда большим предательством по отношению к вам. Простите меня, Эрик. Простите за всё. Жаль, что не в моей власти вернуться назад во времени и кое-что изменить в нашей жизни.

Я начинаю задаваться вопросом, хотела бы я изменить своё решение выйти замуж за Рауля? Определённо, наш брак и наша жизнь здесь оказались совсем не такими, как я рисовала в своём воображении. Возможно, было бы лучше, если бы у нас родился ещё один ребенок, но я не представляю, как это возможно, учитывая, что Рауль не навещал мою спальню уже несколько месяцев. Мы обедаем вместе, ведём за столом вежливую беседу, а затем он возвращается к себе в кабинет, а я — в свою гостиную. Единственный примечательный разговор, который у нас состоялся с тех пор, как умер Филипп, — это когда Рауль спросил меня о подаренной вами шкатулке для ювелирных изделий, где я храню эти письма. Он спросил, что такое особенное я храню в запёртом ящичке, коль оно стоит гораздо больше, чем драгоценности (незапёртые), которые он мне подарил. Я ответила, что ящичек содержит моё прошлое, и что оно касается только меня. Кажется, такой ответ его удовлетворил — по крайней мере, он был рад сменить тему.

Конечно, он был не слишком-то доволен, когда я прочитала ваше объявление в газете и вернулась в Оперу, чтобы вас похоронить! Думаю, он хотел лишь одного — увезти меня подальше и заставить навсегда забыть о вас. Но это невозможно, мой дорогой учитель и друг. На протяжении долгого времени вы очень многое значили в моей жизни, а Раулю довелось увидеть лишь плохую сторону наших отношений.

Я часто думаю, не потому ли так изменились мои чувства к вам за годы, прошедшие со дня вашей смерти, что мой разум невольно забыл все пугающие обстоятельства нашего с вами общения и сосредоточился лишь на хорошем? А может быть, это потому, что меня с детства учили не говорить плохо о мертвых, ибо это невежливо? Даже если покойный был убийцей, похитителем и сумасшедшим? Простите меня за грубость, но вряд ли вы сможете отрицать, что именно такое впечатление вы и производили — по крайней мере, иногда.

Были ли вы на самом деле сумасшедшим, Эрик? Иногда вы казались таким здравомыслящим и спокойным, что мне даже не было неприятно думать о том, что я могу жить там с вами и вести хозяйство как ваша жена. Но порой вы производили впечатление абсолютно помешанного, особенно когда угрожали всех взорвать этим дурацким кузнечиком. Я хотела бы вас понять, но подозреваю, что для этого мне пришлось бы спуститься глубже в ту темноту, которая вас наполняла. У меня нет желания это делать. Жаль, что я так и не смогла повести вас за собой к свету.

Нет, я не считаю, что мои чувства изменились потому, что я забыла «не самые хорошие» стороны наших отношений. Думаю, дело в том, что я просто повзрослела. Я была так молода и наивна, когда вы меня знали; я понятия не имела, что именно подразумевали многие ваши разговоры, и все скрытые нюансы ваших действий и жестов прошли мимо меня. Однако я запомнила большинство из них — и лишь тогда, когда созрела, я наконец поняла тонкий смысл многих из них.

Вы были очень сложным человеком, Эрик!

Я словно вижу сейчас, как вы слегка пожимаете плечами и со сдержанным весельем в голосе отвечаете, что это вам и так прекрасно известно. Эрик,

простите, но я не могу не спросить: почему вы убили тех людей? Я до некоторой степени могу понять и то, что вы защищали себя, и то, что хотели развлечься, когда дурачили директоров и кордебалет. Но камера пыток? За что вы убили Жозефа Бюке? Или даже Филиппа де Шаньи? Когда мы узнали, что его нашли мёртвым на берегу вашего озера, я сразу вспомнила, как вы ушли, чтобы открыть дверь, а затем вернулись мокрым с ног до головы.

Это кажется таким бессмысленным, мой дорогой, если только вы действительно не сошли с ума.

Даже сейчас, спустя более чем два года, я всё ещё думаю о вас, Эрик. Вы по-прежнему преследуете меня, даже не будучи больше «le fantôme». Теперь вы стали настоящим призраком, мой дорогой? И более дурных людей посещали призраки. Возможно, теперь вы стали ангелом-хранителем.

Это приятная мысль.

Всегда ваша

Кристина.»

Услышав шаги в коридоре, Кристина быстро заперла письмо. Однако на этот раз у неё не было возможности убрать шкатулку прежде, чем раздался тихий стук в дверь. Рауль толкнул створку и просунул голову внутрь:

— Можно войти?

Она кивнула, тайком заправляя ключ, привязанный к чёрный бархатной ленточке, под корсаж.

Рауль вошёл в комнату, присел на край кровати и вздохнул.

— Кристина, я решил всё изменить, — сказал он.

— Что именно изменить?

— Я получил известие, что сейчас готовится очередная экспедиция на север, возможно, даже снова до Северного полюса. Так или иначе, я собираюсь вернуться в военно-морской флот и на этот раз отправиться с ними, — он старательно избегал её взгляда.

— Рауль! Я думала, ты покончил с флотом! Северный полюс? Это слишком опасно!

Рауль словно взорвался, как резко отпущенная сжатая пружина. Вскочив на ноги, он принялся бегать мелкими кругами по комнате.

— В таком случае, возможно, просто пришло время для некоторой опасности! Наше нынешнее существование определённо является слишком «безопасным» на

мой вкус! Я не могу так больше — чужак в чужом краю, чужак даже в собственном доме!

— Надеюсь, это не я сделала тебя чужаком, — произнесла Кристина, чувствуя, как колотится её сердце. Она никогда раньше не видела Рауля в таком состоянии.

Он усмехнулся.

— Ты ничего не смогла бы сделать, Кристина, всё равно это не имеет значения. Я постоянно чувствовал себя так, будто вынужден соревноваться за твоё внимание, которое ты делишь поровну между мной и твоим дорогим покойником.

Кристина побледнела. Он что, имеет в виду Эрика?

Слегка успокоившись, Рауль снова опустился на её кровать и продолжил:

— Я знаю, что ты любила своего отца — я тоже его любил, — но нельзя жить, полностью подчиняя себя и свои взгляды влиянию мертвеца.

— Кто бы говорил! — воскликнула Кристина. — Твоё собственное отношение к жизни тоже было отравлено ревностью к мертвецу — Эрику! Иначе почему тебе не хотелось больше слушать, как я пою?

Рауль застыл.

— Я думал, это была всего лишь часть твоей жизни *с ним*! Я не представлял, что ты перетащишь это с собой и в *нашу* жизнь тоже!

— Что, музыку? Рауль, музыка — такая же часть меня, как руки или лицо. Ты думал, что я могу бросить её, выйдя за тебя замуж? Ты ведь заметил меня именно благодаря пению!

— Своим пением ты сперва поделилась с ним, — процедил Рауль сквозь стиснутые зубы.

— А до этого — с моим отцом. Ну и что? — Кристина гневно поджала губы.

Рауль вздохнул.

— Ладно, не бери в голову. Верешь или нет, но я пришел сюда не для того, чтобы спорить с тобой, а чтобы сообщить, что я возвращаюсь на флот.

— Когда?

— Я уезжаю на следующей неделе.

«Дорогой Эрик,

итак, Рауль уехал. Мы сильно поспорили перед его отъездом, однако в детали я вдаваться не буду. Достаточно сказать лишь то, что он считает, будто я сама оттолкнула его из-за чрезмерной привязанности к моему отцу. Я до сих пор скучаю по папе, это правда, но он больше не является путеводной звездой в моей жизни. Вы блестяще приняли на себя эту роль, когда мы с вами встретились, и даже сейчас я всё ещё тоскую по вам столь сильно, как никогда не тосковала по отцу.

Рауль ещё один раз навестил мою спальню перед отъездом. Откровенно говоря, я не знаю, почему он вообще стал утруждать себя этим. Он почти не разговаривал и не прикасался ко мне большую часть года, а тут вдруг в ночь перед отъездом решил позволить себе «апоиг».

Откровенно говоря, мы с ним даже поссорились той ночью. Вместо того чтобы вызвать горничную и позволить ей раздеть меня, как он всегда делал раньше, на сей раз он решил сам побыть моей горничной. Мне было очень странно и неприятно, особенно позже, когда он увидел у меня на туалетном столике ключ от шкатулки.

Он вспомнил, что я носила этот ключ на шее, и потребовал ответа, не является ли он тем самым ключом от секретного отделения. Когда я подтвердила, что это так, он взял его и подошёл к шкатулке.

— Не открывай его, пожалуйста. Это личное, — сказала я ему. Рауль только приподнял бровь и вставил ключ. — Рауль, пожалуйста! Это тебя не касается!

Я попыталась вырвать шкатулку из его рук, сказав ему то единственное, что пришло мне в голову, что всегда заставляло его делать то, что я хочу:

— Во имя нашей любви, Рауль, не открывай шкатулку!

Это заставило его лишь на секунду остановиться и недоверчиво посмотреть на меня. А затем он просто издевательски мне усмехнулся и открыл шкатулку прежде, чем я успела его остановить. Он посмотрел на стопку писем с довольно озадаченным видом и спросил, что это такое.

— Письма, — ответила я. — К покойному.

Он взял одно письмо и начал раскрывать, но я выхватила его у него из рук и вернула в шкатулку.

— Ты не должен их читать, Рауль, — сказала я. — Они тебя не касаются. Я отказалась от всего ради тебя, и тебе придётся уважать моё право на личную жизнь хотя бы в этом.

Он фыркнул.

— Как насчет всего, от чего я отказался ради тебя, моя дорогая? — Его голос звучал издевательски ласково, однако шкатулку он положил. — В любом случае, не знаю, с какой стати бы мне захотелось читать плаксивые излияния юной девушки к её покойному отцу, — проворчал он. Это прозвучало очень жестоко, особенно после того, что было между нами несколько минут назад.

Пару мгновений я боролась с искушением сказать ему, кому на самом деле адресованы эти письма, но здравый смысл победил гордость, и я придержала язык. Эта новость ему бы не понравилась — и он наверняка настоял бы на том, чтобы их прочитать.

Но теперь он уехал, и его не будет, по меньшей мере, год. И я в этом доме стала ещё более одинокой, чем тогда, когда Рауль был здесь. А как он презрительно усмехнулся, когда я упомянула о нашей любви! Он очень сильно изменился, мой друг детства, тот пылкий, добрый мальчик, в которого я влюбилась.

В последнее время я стала подумывать о том, чтобы вернуться в Париж — по крайней мере, на тот период, пока Рауля не будет дома. Мне теперь совершенно очевидно, что этот город — город, в котором я родилась, — больше не является моим домом. О, как было бы замечательно снова увидеть Оперу и всех моих старых друзей!

Я жалею лишь об одном — что не смогу увидеть там ещё и вас, мой дорогой. Наверное, мне следует разыскать Перса и узнать, где находится ваша могила, чтобы я могла посетить её.

Может быть, Рауль прав, и я на самом деле заиклилась на мертвецах!

Не важно. Живой вы или мёртвый, я всё равно отчаянно по вам скучаю.

Однако есть во всём этом и светлая сторона — после отъезда Рауля я снова могу немного петь. Совсем немного, но это только начало.

Ваша любимая, но вышедшая-из-строга маленькая певчая птичка

Кристина.»

Кристина спрятала письмо и вызвала горничную.

— Аннеке, пошли за адвокатом моего мужа. Я хотела бы обсудить временный переезд.

— Да, госпожа, — ответила горничная.

— Аннеке... ты когда-нибудь мечтала о путешествиях? Если бы я, например, захотела временно пожить во Франции, пока не вернётся мой муж, ты бы согласилась продолжать работать на меня и там?

— О да, госпожа! — воскликнула горничная, её глаза засияли.

Кристина улыбнулась.

— Что ж, прекрасно. Пошли за адвокатом, мне надо кое-что уладить.

Глава 5. Возрождённая надежда

«Милый мой Эрик,

до чего же хорошо снова оказаться дома! Знаю, знаю — я уже говорила вам это раньше, когда мы с Раулем только прибыли в Швецию. Но теперь я поняла, что мой настоящий дом — это тот город, в котором я знала вас, город, где прошли самые счастливые годы моей жизни.

Как прекрасно я провела этот день! Посетила Оперу и увидела всех своих старых друзей (и парочку старых врагов — представляете, директора снова наняли Ла Карлотту!), а также навестила все свои любимые места. Это было замечательно, замечательно! Проходя через ротонду, я пела сама себе и наслаждалась акустикой в этом месте. Я помню, как вы однажды сравнили пение там с пением в небольшой церкви; но теперь, когда я испытала это на себе, могу сказать: ротонда лучше.

Я уже почти забыла, насколько красиво это здание! Каждая деталь в нём изящна и элегантна. Вы действительно помогали его строить, Эрик? Вы гений! Я знала, что вы гений в музыке, но до сих пор не осознавала, что и в архитектуре тоже. Понадобилось побыть вдали от этого здания несколько лет, чтобы мои уставшие глаза смогли должным образом разглядеть его великолепие.

Я не пошла ни на крышу, ни в подвалы. Всё связанное с крышей в моей памяти осквернено Раулем, а подвалы навевают воспоминания о вашем там присутствии. Спуститься в ваш дом и не увидеть там вас — этого я бы не вынесла.

Погрузившись почти на целый день в музыку и оперу, я вернула себе хотя бы часть того, чего мне так сильно не хватало в течение последних лет жизни с Раулем. Я даже не понимала, насколько всё моё существо было пропитано музыкой — или насколько меня иссушила её потеря, — пока снова не провела день в её окружении. Я была так счастлива, что, вернувшись после этого в свою новую квартиру, даже немножко позанималась пением!

Мой голос скрипел даже хуже, чем голос Карлотты в тот момент, когда вы испытывали на ней трюки с чревоуещанием, — но я слышу, что потенциал в нём есть, если только я смогу снова привести его в форму. Я буду представлять, что вы по-прежнему со мной, щёлкаете воображаемым кнутом у меня над головой и заставляете заниматься, используя правильную технику и всё такое. Потому что моя техника в последнее время стала совсем удручающей. Мне стыдно за то, как звучит мой голос, но на этот раз стыд станет стимулом к занятиям, а не погрузит меня в тишину, как обычно.

Я так рада вернуться, мой Эрик!

Ваша счастливая маленькая шведская парижанка

Кристина.»

***

«Дорогой Эрик,

вы хоть раз слышали что-нибудь более нелепое? Рауль навестил мою спальню один-единственный раз за весь прошлый год, а теперь мне кажется, что я снова жду ребёнка. Меня пугает сама мысль о том, что на этот раз я буду в полном одиночестве. Рауль прислал краткое письмо, сообщив, что он получил повышение по службе — уже за тот недолгий срок, что находится в плавании, — и что он не планирует возвращаться домой по меньшей мере ещё год. Я подожду, чтобы убедиться в своих подозрениях, прежде чем написать ему об этом.

По крайней мере, если его не будет рядом во время рождения ребёнка, он не сможет мне указывать, как его назвать в этот раз.

Кажется, я занимаю довольно странное положение в Париже. Официально я принадлежу к титулованной знати, но поскольку Рауля со мной нет, я живу в квартире, которая больше соответствует тому, к чему я привыкла. На фоне нашего огромного дома в Швеции все остальные дома в городке казались карликами, и теперь, когда я вернулась в Париж, мне бы хотелось раствориться среди людей, нежели жить в показной роскоши. Я завела здесь несколько друзей, и некоторые из них — бывшие работники Оперы. По правде говоря, это довольно скандальный шаг, потому что кое-кто из моих новых друзей не подходит под определение «людей, с которыми следует общаться представителям титулованной знати».

Например, Сорелли. Вы помните Сорелли, прима-балерину, которая состояла в любовной связи с Филиппом де Шаньи? Она только что отпраздновала пять лет брака с состоятельным и респектабельным молодым человеком по имени Анри Пикард. Они живут в Лувесьене, куда Сорелли удалилась после того, как ушла со сцены. По странному совпадению, у неё есть шестилетний сын, сильно похожий на Филиппа. Если бы наш маленький Филипп был жив, я подозреваю, что они с Мишелем Сорелли-Пикардом были бы двоюродными братьями — по крови, если не по закону. Сорелли стала намного более приятной, чем раньше.

А помните мадам Жири, смотрительницу вашей ложи? Даму, которая была столь любезна, что принесла мне скамеечку для ног в один из тех вечеров, когда вы брали меня с собой в ложу, чтобы послушать оперу? Она и её дочь Мег (которая заменила Сорелли в качестве прима-балерины) тоже стали моими подругами. Мадам Жири такая восхитительно простая; одно удовольствие находиться рядом с ней после общения со всеми этими чванливыми титулованными друзьями Рауля.

Если Рауль вернётся и захочет снова уехать в Швецию, я сильно огорчусь. Мне кажется, что я наконец вернулась туда, где моё место. Я вернулась в Париж, я снова нахожусь среди людей из Оперы. Мне не хватает только вас, мой дорогой.

Не думаю, что когда-либо перестану скучать по вам.

Любящая вас

Кристина.»

Кристина подула на письмо, чтобы высушить чернила, а затем положила его в шкатулку к остальным. Раздался стук, и в дверь просунула голову горничная Аннеке:

— К вам пришла мадемуазель Жири, госпожа.

Кристина улыбнулась. Заперев и спрятав шкатулку, она произнесла:

— О, приведи её, Аннеке!

«Малышка» Мег Жири почти не изменилась, только стала повыше. Всё такая же тоненькая и смуглая, с блестящей копной чёрных прямых волос, которые никогда не могли надолго удержаться в причёске, она стремительно влетела в комнату, словно торопилась на сцену.

— Здравствуй, Мег! — поприветствовала её Кристина и повернулась к горничной. — Аннеке, принеси чай и печенье.

Мег улыбнулась, её зубки ярко блеснули на смуглом личике.

— О, Кристина, подожди, пока не услышишь новости!

Кристина улыбнулась в ответ. Именно этого ей так не хватало. Приглашать подруг, слушать театральные сплетни — лучше этого было бы только снова стать частью самой Оперы. Она устроилась поудобнее и принялась слушать рассказ Мэг о том, что режиссёр сказал сегодня Карлотте во время репетиции.

— ... и после этого Карлотта умчалась в бешенстве, ругаясь на испанском, — закончила Мег с широкой улыбкой. — А у тебя что нового?

Кристина, хихикающая над рассказом Мег, тут же пришла в себя.

— Ну... — произнесла она, сомневаясь, стоит ли кому-то говорить или нет. Ах, почему бы и не сказать? — Мне кажется, у меня будет ещё один ребёнок.

Мег ахнула, а затем завизжала и бросилась к подруге, чтобы обнять. Кристина счастливо рассмеялась, радуясь своей беременности — в первый раз с тех пор, как осознала её.

***

«Дорогой Эрик,

Всё подтвердилось: я действительно ожидаю ещё одного ребенка. И на этот раз я не буду одна, как предполагала. Обе — и Сорелли, и мадам Жири — обещали помочь и остаться со мной. Сорелли даже прислала ко мне одну из своих служанок, опытную повитуху, чтобы та находилась со мной весь этот год. Мадам Жири говорит, что у неё есть подруга — медсестра, которая ищет

работу как раз на тот период, когда родится мой ребёнок. Так что всё улаживается самым наилучшим образом.

Я написала об этом Раулю, но представления не имею, как долго письмо будет до него добираться. Надеюсь, он будет доволен; может быть, это даст ему стимул на некоторое время остаться дома, хотя в этом я сомневаюсь. За всё время я получила от него два письма, и в обоих подчеркивается, как он счастлив теперь, когда вернулся к своей прежней жизни.

Это чувство я понимаю очень хорошо, поскольку сама ощущаю то же самое.

Вам будет приятно узнать, что я добилась впечатляющих результатов в восстановлении своего голоса! Сейчас я, наверное, пою так же хорошо, как тогда, когда мы впервые встретились. Хотя я постоянно чувствую усталость — из-за ребёнка. Однако большую часть времени, когда не сплю, я провожу за пением. Мой голос наконец привык к требованиям, которые я перед собой ставлю. Мне кажется, что я сама для себя стала почти столь же суровым надсмотрщиком, каким раньше были вы, мой дорогой! Дайте мне ещё немного времени — и думаю, что снова смогу вернуть свой голос к такому состоянию, когда его звук радовал даже ваш взыскательный слух.

Смогу ли я когда-нибудь перестать тосковать по вам, мой дорогой учитель? Прошло уже несколько лет, а я по-прежнему чувствую боль от вашей утраты почти так же, как в самом начале. Это правда, что здесь, в Париже, я намного счастливее, чем была в нашем доме, в моей родной деревне, но отчасти это связано с тем, что этот город наполнен прекрасными воспоминаниями, большинство из которых связаны с вами.

Вчера вечером я поехала кататься в карете и вспомнила тот раз, когда вы взяли меня на прогулку и мы столкнулись с Раулем. На этот раз никаких происшествий не случилось, и мне было очень жаль, что вас не было со мной, чтобы вместе насладиться прохладным, тихим летним вечером.

Я боюсь, что однажды я так глубоко погружусь в воспоминания о вас, что не захочу возвращаться к реальной жизни. Это и постоянный соблазн, и закономерная тревога. Хорошо, что вокруг меня сейчас есть люди, которые могут отвлечь меня от воспоминаний и напомнить, что я всё ещё живой человек. Всё-таки я сомневаюсь, что вы бы хотели, чтобы я последовала за вами в могилу, мой дорогой.

Хотя там мы, по крайней мере, могли бы быть вместе.

Любящий вас друг

Кристина.»

Глава 6. Предательство

«Уважаемая мадам де Шаньи,

С глубоким прискорбием сообщаю, что ваш муж, Рауль де Шаньи, погиб в море 23 ноября. В Северной Атлантике корабль столкнулся с айсбергом, и при ударе вашего супруга выбросило за борт. Мы также потеряли ещё несколько хороших моряков.

Выражаю вам свои искренние соболезнования. Также высылаю личные вещи господина де Шаньи, которые он хотел отправить домой, к вам. Если я могу что-нибудь ещё для вас сделать, мадам, пожалуйста, дайте мне знать.

*С уважением, капитан
Этьен де Жардан.»*

Кристина ещё раз перечитала письмо, стыдясь того, что первым охватившим её ощущением было облегчение, смешанное с потрясением. Вскоре оно сменилось горем, а затем слезами, которые она глотала, складывая письмо. Действуя совершенно механически, она открыла шкатулку и положила его среди своих писем к Эрику, после чего отставила шкатулку в сторону и потянулась к коробке с вещами Рауля, которая сопровождала письмо.

Рауль взял с собой в море совсем немного личных вещей. Кристина достала старую оперную программку, откуда выпала горстка засушенных фиалок. У неё слёзы навернулись на глаза, когда она вспомнила их «обеда» из портвейна и пирожных, с букетом фиалок в вазе на столе — в то лето, когда они играли в помолвку. Рауль сохранил несколько фиалок.

Капитан также отправил ей парадную форму Рауля, несколько книг, ленту для волос, какие-то сложенные документы и его последнее письмо к жене. Чувствуя, как комок подкатывает к горлу, Кристина открыла письмо.

«Дорогая Кристина,

Спасибо за ваше письмо и за присланные вами новости. Оно открыло мне глаза и помогло ясно осознать, в чём состоит мой долг.

Теперь я понял, что присоединиться к военно-морскому флоту было правильным решением с моей стороны. Определённо, я не мог остаться с вами в Швеции, учитывая, как всё обстояло между нами. Я женился на вас, зная, что люблю вас, и думая, что вы тоже меня любите. Но, прожив в одном доме с вами столько лет, я понял, что одного меня не достаточно для того, чтобы сделать вас счастливой.

Я прошу прощения, что подвёл вас.

Должен признаться, что в конце концов я стал ревновать из-за вашей привязанности к умершему, которая словно исключала из вашей жизни того, кто жив. Хотя теперь, судя по всему, вы нашли кого-то живого, кому смогли отдать себя целиком. Я надеюсь, что он стоит потери вашей репутации, поскольку мне прекрасно известно, что единственной нашей любовной связи перед отъездом было бы недостаточно, чтобы зачать ребенка.

Я надеюсь, что тот, кого вы нашли на роль своего нового спутника, сумеет сделать вас счастливой, а я желаю вам радости в новой жизни с новым ребёнком. Я бы никогда не подумал, что вы относитесь к тому типу женщин, которые ищут замену мужу в его отсутствие, но когда я размышлял об этом, то понял, что это должно быть вполне естественно, учитывая, что ваша мораль во многом формировалась под влиянием оперного мира. Я прощаю вас и

надеюсь, что вы исповедуете свой грех и попросите прощения также у Бога. Если уж вы берёте примеры с оперы, то я надеюсь, что вы доверите себя в руки ангелов, как Маргарита, и будете прощены.

Я надеюсь, что в конечном итоге вы раскаетесь в своём преступлении, хоть вам и придётся всю жизнь нести его последствия в виде внебрачного ребёнка. Я надеюсь, что вы всё-таки вернётесь к нравственности и чистоте сердца, которые ваш отец прививал вам в детстве. Когда это произойдет, я хотел бы предложить вам поговорить об этом с отцом Арно, священником нашей семьи, и во всём ему исповедаться. Мой адвокат должен знать, как с ним связаться.

В любом случае, знайте, что у вас есть моя любовь, прощение и наилучшие пожелания здоровья и счастья.

Домой я больше не вернусь.

Ваш старый друг детства,

Рауль.»

От дерзости этого письма Кристина задохнулась и залилась новыми слезами горя — и гнева. Мало того, что она теперь вдова, вдобавок её муж умер, считая её изменницей!

Негодую из-за несправедливости его предположений, она достала обратно свою шкатулку и положила письмо туда. Какая наглость — милостиво прощать её из-за собственного невежества! Она знала, что одной брачной ночи вполне достаточно, чтобы зачать ребёнка, если условия для этого благоприятны: тот коренастый шведский врач, который принимал Филиппа, рассказал ей об этом! Жаль, что он не донёс эти сведения и до Рауля тоже. Как вообще мог её муж предположить, что она была с другим мужчиной? Она любила лишь двоих мужчин в своей жизни, а теперь они оба мертвы.

***

«Дорогой Эрик,

Ох, как я зла! Я получила последнее письмо Рауля и письмо от его капитана, в котором сообщалось о его смерти, и теперь я поочерёдно испытываю то злость, то печаль. Как он мог подумать такое про меня? Я одновременно и лишилась его, и была им предана. Любовь моя, как бы мне хотелось, чтобы вы были здесь и высказали в его адрес всё, что нельзя произносить мне как воспитанной даме, и в то же время я рада, что вас здесь нет, потому что говорить плохое о мёртвых неприлично.

Ох уж эти приличия! Я лучше буду говорить о нём дурно, пока не смогу оправиться от его обвинений в неверности, а потом пойду на исповедь и покаюсь. Он утверждает, что любил меня, но если это так, то почему он никогда не уделял мне внимания, пока мы жили вместе у меня на родине? Почему он снова бросил меня ради флота? И почему, ну почему он не поверил, что ребёнок, которого я ношу, от него? Он решил, что я не более чем оперная кокетка, чья мораль воспитана операми, которые я исполняла на сцене. Рауль, с

которым мы вместе выросли и который три года жил со мной как мой муж, подумал обо мне такое! Эрик, как он мог? Особенно учитывая, что вы, его единственный настоящий соперник, умерли ещё до того, как мы с ним поженились.

А теперь его нет, и вместе с ним исчезла любая возможность для меня доказать свою верность.

О, Эрик, если вам доведётся увидеть его там, куда вы оба ушли, не забудьте устроить ему хорошую взбучку за меня. Я не заслужила такого обращения с его стороны. Он должен был знать меня лучше.

Хотя есть у меня и более счастливое известие: эта беременность протекает намного лучше, чем первая. Я становлюсь толще, но определённо не настолько, как в прошлый раз на этом же сроке! Мой французский врач говорит, что всё будет нормально, он уже начал учить меня некоторым способам, благодаря которым я смогу слегка облегчить боль, когда настанет срок. Я рассказала ему о том, как всё проходило с маленьким Филиппом. Он считает, что сильная боль, которую я испытывала в тот раз, была неестественна и возникла из-за врождённых дефектов Филиппа и что эти роды наверняка будут намного более нормальными. Какое облегчение: я боялась, что подобное повторится.

Я даже с нетерпением жду рождения этого ребёнка, хотя он и будет расти без отца. Быть вдовой очень странно, Эрик. В чём-то это сильно похоже на то время, когда Рауль только-только отбыл на флот, но во многом отличия сильно заметны. До тех пор, пока люди думали, что Рауль должен вернуться ко мне, я была желанным гостем в домах его титулованных знакомых. Однако теперь, когда я стала всего лишь вдовой и бывшей примадонной оперы, многие из этих дверей для меня закрылись.

Это не имеет значения. У меня есть несколько хороших друзей. Я больше не обременена отсутствующим мужем, который думает, что я ему изменила. И всего через несколько недель у меня будет ребёнок.

Единственное отрицательное проявление беременности состоит в том (и снова простите за то, что делюсь с вами такими личными подробностями, милый Эрик, — вы же знаете, я никогда бы не осмелилась на это, будь вы живы), что ребёнок давит на мои лёгкие и диафрагму, и мне трудно сделать хороший, глубокий вдох. Я продолжаю петь как можно чаще, но мне трудно долго удерживать ноту, потому что внутри не осталось места для расширения лёгких! Опора дыхания, увы, осталась в прошлом.

Что ж, после родов мои лёгкие снова окажутся в моём полном распоряжении, и я с нетерпением жду того момента, когда смогу петь своему малышу.

Жаль, что я не смогу петь для вас, мой дорогой.

Кристина.»

Кристина задумчиво подула на чернила. Она получила известие о смерти Рауля и его письмо более чем неделю назад, однако до сих пор не знала, как к нему относиться. Отвлечённо она скучала по Раулю; но правда состояла в том, что он стал для неё чужим за тот последний год, который они прожили в Швеции.

Присутствуя в доме физически, он был очень далёк от неё. Его отъезд во флот вообще на неё никак не повлиял, если не считать того, чтобы благодаря этому она вернулась в Париж — и была здесь намного счастливее, в чём физическое отсутствие Рауля не играло никакой роли.

Хотя внутренне она по-прежнему кипела от негодования из-за его предположений о её измене. «Глупец, просто глупец, — пробормотала она про себя, складывая и убирая последнее письмо к Эрику. — Как можно было подумать обо мне такое, если единственный мужчина, которого я любила кроме тебя, уже давно мёртв».

***

«Дорогой Эрик,

с огромной радостью сообщаю вам, что у меня родился сын. Роды были ужасно болезненными, но всё же не такими, как в прошлый раз. И — самая большая радость — с ребёнком всё в порядке! Повитуха (да благословит Господь Сорелли за то, что она отправила её работать ко мне!) тщательно его осмотрела и сказала, что мальчик здоровый и очень славный. Я беспокоилась из-за того, что случилось с маленьким Филиппом, но у этого малыша не оказалось никаких проблем ни с глотанием, ни с аппетитом. Проблема лишь в том, как заставить его остановиться!

Разумеется, у него голубые глаза — мне сказали, что у большинства новорождённых детей глаза голубые, — но волосы у него темнее, чем были у Филиппа. Темнее, чем мои или Рауля, больше похожи на волосы моей матери. Как было бы чудесно, если бы он стал темноволосым! Это может произойти — у Филиппа де Шаньи волосы были гораздо темнее, чем у Рауля, а значит, эта черта есть в обеих наших семьях.

А это должно вас порадовать, мой дорогой: я назвала его в вашу честь.

Надеюсь, вы не обидитесь на меня за то, что я дала ребёнку Шаньи ваше имя, но если вас это задевает, то можете считать, как и все остальные, что я выбрала имя Эрик, потому что оно скандинавское. Но на самом деле малыш Эрик-Дааэ де Шаньи назван в вашу честь. Это будет нашим с вами секретом, хотя я совершенно уверена: вряд ли люди догадываются, что у «Призрака Оперы» вообще было имя, а тем более знают, каким оно было.

Вскоре после рождения ребёнка меня пришли навестить обе сестры Рауля. Это была моя первая встреча с ними после их краткого визита в Швецию — сразу после того, как мы с Раулем поженились. На протяжении тех десяти или около того минут, что мы находились в одной комнате, они вели себя холодно-учтиво по отношению к Раулю и едва сохраняли вежливость по отношению ко мне. Но как только я оттуда ушла, сразу начались крики!

На этот раз, однако, они сами пришли в гости и оставались у меня почти полчаса! Мартина, кажется, стала немножко дружелюбнее, но Клеманс осталась такой же не приветливой, как и раньше. Они с удовольствием поворковали над Эриком-Дааэ, хотя дали мне понять, что не одобряют его имя. Кажется, у них был дядя Эрик, которого они недолюбливали, а что касается

Дааэ — что ж, с чего им радоваться тому, что новорожденный граф де Шаньи назван в честь шведского крестьянина (даже если он и был величайшим в мире скрипачом, не считая вас)?

Этот визит был намного лучше предыдущего, но всё же я испытала облегчение, когда они ушли. Я никогда не смогу стать полноценной частью семейства Шаньи, да и не хочу этого.

Я уже год живу в Париже, но до сих пор так и не решилась посетить подвалы под Оперой. Каждый раз, когда я прихожу в театр, мне хочется спуститься вниз, но я никак не могу решиться. Если я остаюсь наверху, то всё ещё могу притворяться, что вы где-то здесь, неподалёку, и эта мысль утешает и согревает меня. Я знаю, что если я решусь спуститься туда в одиночку, то вид вашего пустого, покрытого пылью дома заставит меня окончательно признать тот факт, что я никогда больше не увижу вас живым, а это значит как будто потерять вас снова.

Конечно, частично на моё решение влияет и практическая точка зрения: если я там поскользнусь и упаду, повредив себе что-нибудь тремя этажами ниже уровня земли, то пройдут месяцы, прежде чем меня найдут! Ваша легенда всё ещё живёт: я слышала, как маленькие девочки-балерины шёпотом поминают оперного призрака всякий раз, когда кто-то падает или теряет свою перчатку. Рабочие сцены по-прежнему боятся спускаться в подвалы в одиночку, даже спустя годы после вашей смерти! Они стараются ходить там бесшумно, парами, с широко раскрытыми глазами, шёпотом разговаривая друг с другом и подпрыгивая каждый раз, когда слышат какой-нибудь шум. Мне кажется, это очень забавно. Мне прямо хочется пойти туда и крикнуть: «Послушайте, Призрак умер! Он мёртв уже целых пять лет!». Но я знаю, что никакой пользы от этого не будет. Люди есть люди, и у них должны быть свои маленькие суеверия.

Мои дни заняты делами Оперы (я смогла немного их спонсировать благодаря тому, что мне оставил Рауль в своём завещании), визитами друзей (не передать, как я рада таким изменениям в жизни после одиночества в Швеции) и, конечно, маленьким Эриком-Дааэ. Он такой прелестный! Как бы я хотела, чтобы вы могли его увидеть. И он тоже будет великим певцом, я уже сейчас могу это сказать. Клянусь, даже его крики музыкальны. Они звучат уж точно не хуже арий Дездемоны в исполнении Ла Карлотты.

Это очень забавно — после стольких лет выступлений на сцене сидеть в зрительном зале и просто слушать оперу. Однажды мадам Жири принесла мне в ложу веер и застала меня смеющейся во время печальной сцены в начале «Орфея и Эвридики». Когда она спросила, что меня так насмешило, я ответила, что бутяфор выдал Амуру неправильные стрелы и лук. Мадам Жири только улыбнулась и сказала, что она уверена — никто из сидящих в зале никогда не заметит такой мелочи. Она рассказала об этом Мэг, и в следующий раз, придя ко мне в гости, Мэг беспощадно дразнила меня за то, что я заметила ошибку: «Вы можете убрать певицу из театра, — сказала она, — но вы не сможете убрать театр из певицы!»

Боюсь, это правда. Я люблю театр и люблю петь. Ничего не могу с собой поделать, но каждый раз, направляясь в Оперу, я всей душой желаю вновь вернуться на эту сцену. Мне бы очень хотелось, чтобы для графини считалось приличным петь на публике — о, как же мне этого не хватает!

И всё-таки я удивляюсь, как остальные могли этого не заметить! Вместо крошечного лука и стрел, которыми Амур стреляет во влюблённых, он расхаживал по сцене с массивным военным луком и стрелами Улисса из «Возвращения Улисса на родину», это было так смешно! Сомневаюсь, что даже вы смогли бы удержаться от смеха при виде такой оплошности! Особенно если учесть символизм лука Улисса — ведь его «вдова» поклялась выйти замуж только за того из женихов, кто сможет его согнуть, и единственным человеком, который смог это сделать, был сам Улисс в чужой личине. Я невольно задалась вопросом, сможет ли вообще его согнуть наш «бог любви»: Фонта с возрастом становится всё более щуплым.

Если не считать того, что я не могу выступать и сильно скучаю по вам, то в остальном я вполне удовлетворена жизнью в Париже, с моими друзьями и маленьким сыном.

Возможно, когда-нибудь я найду силы, чтобы спуститься и увидеть ваш старый дом. Но пока ещё не время, мой дорогой, ещё не время; я всё ещё скучаю по вам слишком сильно.

Преданная вам

Кристина.»

***

«Дорогой Эрик,

кажется, чем старше я становлюсь, тем незаметнее летит время. Маленькому Эрику-Дааэ уже почти год. Его волосы потемнели, как я и надеялась, но глаза по-прежнему остались синими. Не бледно-голубыми, как у Рауля, а насыщенного тёмно-синего цвета, как у моего отца. Он очень красивый малыш, и я была права насчёт его музыкального будущего! Настоящий музыкальный слух у него пока ещё не проявился, но когда я ему пою, он пытается голосом повторять за мной и немножко следует мелодии.

Я снова пою, любовь моя. Ещё не на публике — о, нет! — но я планирую это! Я наконец решила, что не хочу весь остаток жизни просидеть в зрительном зале, с меня достаточно. Я собираюсь на прослушивание в оперный хор. Меня больше не волнуют приличия и «положение» в обществе. Всё равно никто из титулованных знакомых не уважает меня из-за моего прошлого, поэтому я решила сделать его моим будущим. Терять мне нечего, и мне это нравится.

Не уверена, что мой голос полностью восстановился до прежнего состояния, но он, по крайней мере, так же хорош, как в ту пору, когда я дебютировала в роли Маргариты. Думаю, меня должны принять в хор без каких-либо проблем. Единственной проблемой будет примириться с воплями Карлотты, когда она узнает, что меня снова зачислили в хор! Что ж, если я снова смогу вернуться в Оперу, оно будет того стоить.

Откровенно говоря, я сомневаюсь, что без вашего руководства мой голос когда-либо сможет взлететь до тех же высот, что и раньше. Последние пару лет я искала преподавателей по вокалу, но разочаровалась во всех. Я буквально слышала ваш презрительный голос, как вы отвергаете их в лучшем случае за бездарность, в худшем — за то, что они вредны для меня. Один из них дошёл до того, что порекомендовал мне «не дышать так глубоко» или открыть рот пошире. По правде говоря, я думаю, что он слишком отвлёкся на разглядывание моего декольте во время всех этих глубоких вдохов, чтобы вообще понимать, что он говорит. Не бойтесь: я прогнала его через две минуты после этого. Другой посоветовал мне свернуть язык таким образом, что я поняла — у таких педагогов, как этот, ученики вряд ли смогут издать хоть один нормальный звук.

Может быть, мне стоит начать самой давать уроки вокала. Даже если всё, чему я смогу научить их, — это то небольшое, что я помню из ваших уроков, всё равно это наверняка будет лучше, чем те инструкции, которые они получают сейчас! И это даст мне хоть какое-то занятие. Маленький Эрик-Дааэ очарователен и восхитителен, но он пока всего лишь ребёнок. Боюсь, мой мозг вскоре притупится из-за недостаточного использования (эта участь, как я подозреваю, уже постигла большинство титулованных жёниц в этом городе).

Я знаю, что вы не особо уважали глупых жёниц, которые интересуются лишь распространением сплетен и тем, как они будут смотреться в своих новых шляпках. У меня нет никакого желания становиться одной из них.

Видите, любовь моя? Вы влияете на меня даже из могилы. И если уж говорить о могилах, то хотела бы я знать, где находится ваша. Перс так и не сказал мне об этом, когда я встретила с ним в подвале в тот раз. Я бы хотела навестить её и, возможно, оставить вам цветы, чтобы показать миру, что хотя бы один человек во Франции грустит о том, что Призрак Оперы мёртв.

Хотя на самом деле я такая не одна! Я нечаянно услышала на днях, как господа Ришар и Моншармен жаловались на скуку. «Каждый сезон одно и то же, — говорил Моншармен. — Не знаю, зачем мы вообще утруждаем себя репетициями. Даже я уже знаю эти оперы наизусть, а я вовсе не музыкант!»

На что господин Ришар ответил, вы не поверите: «Я иногда задаюсь вопросом, а может, оно действительно того стоило — платить двадцать тысяч франков в месяц за то, чтобы здесь было так интересно! По крайней мере, в те дни, когда здесь обитал призрак, всегда что-нибудь происходило».

...В ответ на что господин Моншармен содрогнулся и тут же поспешил изменить тему. А я просто ушла, смеясь про себя и думая, что я не единственная, кто скучает по вам!

Вы изрядно оживляли этот мир, мой дорогой Эрик.

Кристина.»

Глава 7. Отдавая дань уважения усопшему

«Дорогой Эрик,

Я виделась с ним! Я наконец-то нашла Перса! Вчера вечером он был в Опере, в зрительном зале (они сейчас дают «Норму» с Ла Карлоттой в главной роли — совершенно не впечатляюще), и он вспомнил меня. В антракте я даже смогла поговорить с ним несколько минут. Я поняла, к своему стыду, что никогда не знала его имени! Все в Париже называют его просто «Перс», и когда я ему в этом призналась, он был столь любезен, что представился: Кавех Таллис, бывший дарога Мазендерана. Я сказала месье Таллису, что хотела бы поговорить с ним о вас, и он согласился встретиться со мной здесь же, в Опере, сегодня после моего последнего урока.

Сейчас я жду свою последнюю ученицу, Эрик. Видите ли, до тех пор, пока я не сочту свой голос достаточно хорошим для прослушивания на ведущие роли, я решила не связываться с пением в хоре. Вы не для того потратили столько времени и усилий, вытаскивая меня из хора, чтобы сейчас я вернулась туда. Так что я потихоньку работаю над улучшением своего голоса, и одновременно я всё-таки решила преподавать вокал. Я нашла достаточно учеников прямо здесь, в Опере, так что работой я теперь обеспечена надолго. Но, Боже, как я жалею, что нашла именно эту ученицу, потому что если бы не она, я могла бы встретиться с месье Таллисом прямо сейчас! Мне так не терпится поговорить с ним, что у меня дрожат руки! Хорошо, что вы не будете читать это письмо, потому что почерк мой, я уверена, от этого заметно страдает. Как же хорошо будет поговорить о вас с кем-то из моего окружения, кто действительно вас знал.

Сейчас уже вечер. Я встречалась с месье Таллисом сегодня днем. Всё было так странно; мне показалось, что он нервничал ещё сильнее, чем я! Он сообщил, что последние несколько лет жил в Провансе для поправки своего здоровья. Это объясняет, почему я не видела его в Париже в последнее время. И вернулся он сюда лишь ненадолго, по делам. Я так рада, что мне довелось увидеть его вчера вечером!

Мы немного поговорили о вас... и очень много обо мне, что меня удивило. Он задавал много вопросов обо мне, о моей жизни, чем я занимаюсь, что случилось с моим мужем — по правде говоря, некоторые из этих вопросов были слегка дерзкими, но он был столь учтив и обходителен, что я не сочла уместным уклоняться от ответов.

Кажется, больше всего его интересовало всё, что связано с моим сыном. Он очень странно улыбнулся, когда я сообщила ему имя Эрика-Дааэ, и пробормотал что-то о том, как польщены были бы вы, а я сказала, что сильно в этом сомневаюсь, поскольку это ребёнок Шаньи! Это заставило его рассмеяться.

Самое странное было вот что: когда я попросила его показать мне местоположение вашей могилы, он притворился, что не знает, о чём я говорю. Я напомнила ему о нашей последней встрече на берегу подземного озера, когда он сказал мне, что уже позаботился о вашем теле. Я спросила его, где он вас похоронил, поскольку я бы хотела посетить вашу могилу и проститься с вами,

однако он мне не ответил. Вместо этого он взял с меня обещание встретиться с ним снова завтра на том же месте, и тогда он мне всё расскажет.

Я сбита с толку. Что в этом может быть настолько секретного? Единственное, что мне пришло в голову, — это что он, возможно, незаконно похоронил вас в освященной земле, хотя у него не было подтверждения, что вы католик, или что-то в этом роде.

Были ли вы крещёным католиком, Эрик? Я знаю, что ваша вера... мягко говоря, «потеряла силу», но я никогда не знала о вашем истинном отношении к Всевышнему и Церкви. Однако Он должен простить ваш маскарад (простите за каламбур), когда вы притворялись моим ангелом. В конце концов, я ведь вас простила.

Так что завтра я встречу с месье Таллисом и открою великую тайну вашего захоронения.

По правде говоря, Эрик, даже после смерти вы ухитряетесь создавать для меня сложности!

Меньшего я и не ожидала, любовь моя.

Ваша слегка раздражённая

Кристина.»

Кристина отложила письмо в сторону, тихонько посмеиваясь про себя. Её невероятно порадовал сегодняшний разговор с месье Таллисом. До чего же замечательно было просто произносить имя «Эрик» и видеть, что собеседник точно знает, о ком она говорит! Они дружески посмеялись, когда Кристина упомянула характер Эрика; месье Таллис согласился с ней, заметив, что он тоже наблюдал проявления этого характера бесчисленное множество раз. «Я был начальником полиции, мадам, и не из пугливых, но от одного взгляда сверкающих глаз Эрика мне хотелось бежать!» Кристина кивнула, прекрасно понимая, что он имеет в виду.

Он очень сильно интересовался тем, что случилось с ней после отъезда из Парижа, и задавал множество вопросов. Кристина вспомнила, как загорелись и засверкали его нефритово-зелёные глаза, когда она сказала ему, что назвала своего второго сына в честь Эрика. А звук его смеха после её самоуничижительного комментария о родословной Шаньи громко прозвучал в маленьком кафе, куда они пришли.

А перед тем, как они расстались, Перс задал ей один вопрос. Это был очень личный вопрос, и Перс принёс извинения за это, но всё равно задал его.

Любила ли она когда-нибудь Эрика? Если бы Рауль никогда не появился на горизонте, как она считает, могла бы она быть счастлива с Призраком Оперы?

Одна лишь мысль об этом моментально её отрезвила. Когда он задал этот вопрос, она побледнела и замолчала, и весь уличный шум и суeta как будто стихли, когда

она размышляла над ответом. Месье Таллис ничего не говорил; просто спокойно ждал её ответа, его сверкающие глаза неотрывно смотрели на неё.

— Да, — смогла она наконец выдать. А затем продолжила, словно не в силах остановить поток слов: — Я была слишком молода и наивна, месье Таллис, чтобы осознать, что предлагает мне Эрик и чего собирается лишиться меня Рауль. Я любила своего мужа, сударь, но мы оба были очень, очень молоды! И моя жизнь без музыки не стоила того, чтобы жить. Я знаю, что была эгоистичным, неуверенным в себе маленьким созданием — я любила Эрика, но не имела возможности оценить его, пока он был жив. Однако после своей смерти он стал мне намного дороже. Воспоминания об Эрике так же близки моему сердцу, как и сама музыка.

При этих словах на лице Кавеха Таллиса засияла искренняя улыбка, он поблагодарил её за честность, поклонился на прощание и, что-то насвистывая, зашагал вверх по улице.

Кристина смотрела ему вслед, а на глазах у неё блеснули слёзы от всех давно похороненных эмоций, которые всколыхнули его слова.

Глава 8. Воскрешение Лазаря

«Здравствуй, Эрик,

Помнишь, я вчера предупреждал тебя, что могу встретиться с мадам де Шаньи, если вечером пойду в Оперу? Как и следовало ожидать, она обратилась ко мне во время антракта и попросила снова встретиться с ней сегодня — для того, чтобы поговорить о тебе. При встрече она рассказала мне кое-что из ряда вон выходящее о своём собственном положении, и это «кое-что», я уверен, весьма тебя заинтересует.

Эрик, она попросила меня раскрыть ей местонахождение твоей могилы, чтобы она могла отдать ей дань уважения. Не будешь ли ты паинькой и не придумашь ли что-нибудь, что я мог бы ей сказать, когда мы снова увидимся завтра? Мне удалось отложить этот вопрос на один день, однако она оказалась на редкость решительной молодой дамой. Несколько лет назад, когда мы встретились в подвалах, я сказал ей, что уже позаботился о твоём теле; но, как тебе известно, я случайно забыл сообщить ей, что это самое тело до сих пор живо.

Я имею в виду, если только то состояние, в котором ты находился, можно было удостоить эпитета «жизнь».

Да, я знаю, знаю: «Моё самочувствие — это моё дело, дорого!». Можешь мне это не повторять. А я тогда не буду повторять, что твоё здоровье — это и моё дело тоже, нравится тебе это или нет.

Если я не задержусь, то должен быть дома около восьми. Пожалуйста, постарайся от нетерпения не придушить кого-нибудь из слуг.

*Убирающий последствия твоих грязных делишек
и постоянно лгущий ради тебя
Кавех.»*

Перс сложил и запечатал записку и передал её своему слуге.

— Отнеси это обратно Эрику как можно скорее, Дариус. — На его лице появилась слегка злорадная улыбка. — Чем раньше он её получит, тем дольше будет карабкаться на стены до моего возвращения. Поторопись, хорошо?

Слуга, усмехнувшись, взял записку и ушёл. Кавех посмотрел ему вслед и рассмеялся. К тому времени, как он вернётся в их квартиру, Эрик уже будет сходить с ума от нетерпения.

***

— Объясни мне ещё раз, зачем мы это делаем? — с сухой иронией обратился Кавех к своему собеседнику, когда они оба, кряхтя от напряжения, вытаскивали из лодки плоскую мраморную плиту.

Его худощавый спутник хмыкнул.

— Если она хочет оставить цветы на моей могиле, с нашей стороны будет очень неучтиво, если тут даже надгробия не окажется.

Будучи сильнее своего друга-иностранца, он сам взял камень и поднял его над предварительно выкопанной ямой.

— Сюда, Кавех, удерживай его ровно, пока я буду его опускать.

Постанывая от напряжения, они осторожно опустили камень в отверстие. Тот встал идеально, словно кусочек мозаики. Не произнося больше ни слова, мужчины сгребли землю, засыпали ею основание камня и жёстко утрамбовали.

Кавех отступил на шаг и поднял фонарь, чтобы осветить лицевую сторону надгробия. Крупным заглавными буквами там было выбито одно-единственное слово: «ЭРИК».

— Мне всё же кажется, что тебе следовало написать на нём что-нибудь ещё, — заметил он, обращаясь к другу. — Одно имя само по себе кажется слегка... немногословным.

— Ах да, а я ведь такой болтливый тип, — голос Эрика буквально сочился сарказмом. Сам он тем временем бродил по пещере, смахивая щёткой пыль со

стен на лист бумаги. — Что ещё я мог сказать? «Эрик, горячо любимый Призрак Оперы»? Или, возможно, «Эрик, нежно любимый псих, верный убийца»?

— Как насчет «Эрик: музыкант, архитектор, верный друг, преданный возлюбленный»?

Эрик фыркнул:

— Верный друг? Ты единственный друг, который у меня когда-либо был, Кавех, и ты всё ещё мне не доверяешь, даже спустя двадцать лет. А слово «возлюбленный», как мне кажется, подразумевает определённую взаимность, которой нет и в помине. — Он поднёс лист, наполненный пылью, к новому камню, и аккуратно постучал на бумаге, стратегически рассеивая пыль по поверхности.

— Откуда ты знаешь, что её нет, Эрик? Почему ты вообще не позволяешь мне пересказать тебе её новости?

— Нет никакого смысла ворошить прошлое, друг мой. Что она могла сказать такого, чего не сказала мне пять лет назад?

Кавех в отчаянии вскинул руки.

— Ты удивишься! Ты должен дать ей ещё один шанс!

Эрик закончил обсыпать пылью могильный камень и скомкал бумагу.

— Я и даю ей ещё один шанс. Я хочу услышать, что она сама мне скажет, когда навестит сегодня мою могилу. Просто на тот случай, если у неё действительно есть что-то новое, что она хотела бы мне сообщить, я бы предпочел услышать это из её уст, а не твоих. — Он сунул бумагу в карман и прислонился головой к стене пещеры. С усмешкой, которая была едва заметна под нижним краем маски, он добавил: — Согласись, её губы намного красивее, чем твои, *дарога*.

Кавех застонал.

— Ты невыносим, Эрик! Я специально вчера задержался допоздна, чтобы заставить тебя помучиться, гадая, что же такого она мне сказала, а когда я, наконец, вернулся домой, ты даже слушать меня не захотел! Это что, ещё один способ вывести меня из себя, да? Ты ведь знаешь, как сильно я хочу тебе всё рассказать!

Раздавшийся в ответ довольный смех Эрика подтвердил его правоту.

— И это прекрасно работает!

Кавех едва не зарычал.

— А потом ты вытащил меня из постели ещё до рассвета, чтобы пойти сюда и установить надгробие, которое ты вырезал всю ночь, даже не ложась спать. Я даже не хочу знать, откуда ты достал его посреди ночи, Эрик, правда не хочу, — но ради всего святого, когда ты вообще спишь, старина?

Эрик пренебрежительно отмахнулся.

— О, ты же знаешь, что я совсем не нуждаюсь в долгом сне. А теперь пойдём, нам надо привести себя в порядок ради нашей гостыи. — Он машинально направился к своему старому дому.

Его спутник содрогнулся.

— Эмн, Эрик... Если ты не возражаешь, я бы предпочёл для этого вернуться в нашу собственную квартиру. Ты ведь не знаешь, работает ли по-прежнему твой водопровод, или не заполнен ли твой дом крысами, или... о! Не забывай, что она, возможно, пожелает увидеть дом, когда будет здесь. Если она заметит там свежие следы твоего присутствия, это наверняка её озадачит.

Эрик кивнул.

— Верно подмечено. — Он с наслаждением потянулся и поводит плечами. — Кажется, жизнь в Провансе меня расслабила; я больше не чувствую желания искупаться в ледяном озере.

Кавех внимательно смотрел, как Эрик разминает уставшие мышцы.

— Прованс пошёл тебе на пользу, — сказал он, отметив, что его друг уже ничем не напоминает ходячий скелет. Эрик по-прежнему носил маску, но теперь из белого шёлка, а не чёрного; закатанные для работы рукава открывали мускулистые и слегка загорелые предплечья. — Ты уже не похож на труп, теперь ты просто выглядишь отвратительно, — поддел он Эрика.

— Следует быть благодарным даже за самые мельчайшие улучшения, — сухо парировал тот, поднимая фонарь. — Что ж, нам пора идти. В какое время ты должен встретиться с мадам де Шаньи и привезти её сюда?

— В три часа, после её последнего урока.

— Урока? — Эрик остановился, но тут же поднял руку, призывая к молчанию. — Нет, ничего мне не говори. Скоро я уже сам всё узнаю.

Какое-то время они молча шли рядом, затем Эрик задумчиво произнёс:

— Если её здесь не будет до трёх, то я успею подготовиться.

— Подготовиться к чему? — требовательно спросил Кавех.

Эрик засмеялся.

— Как всегда, с таким подозрением, *дарога!* Я хотел сказать, подготовиться к тому, чтобы снова увидеть мадам де Шаньи!

Про себя он подумал: «Не стоит ли мне ещё раз побриться? Совсем не дело идти на встречу с небритым подбородком, пусть даже его видно из-под маски совсем немного».

Кавех вздохнул.

— Эрик, надеюсь, ты не планируешь ей показаться? Обещай мне, что не сделаешь ничего, что её напугает. Она... она теперь совсем другая женщина, она больше не похожа на ту робкую юную девушку, которую ты знал пять лет назад.

Эрик усмехнулся, из-под маски слышалось тихое фырканье.

— Кавех, тебе известно, что я могу днями напролёт раздавать тебе обещания и ни разу их не выполнить. Почему ты всегда стараешься вытянуть из меня обещания, хотя прекрасно знаешь, что я никогда не держу клятвы?

Кавех мрачно улыбнулся в темноте.

— Ха, и ты ещё удивляешься, почему я тебе не доверяю. Ты ошибаешься, друг мой. Я всегда могу рассчитывать, что ты сделаешь именно это — не исполнишь свои обещания!

***

На следующее утро Кристина написала своё последнее письмо Эрику и вздохнула, закрывая чернильницу. Она чувствовала растерянность и совершенно необъяснимое волнение. Ей хотелось остаться дома и обдумать свои чувства к Эрику — чувства, которые Перс разбередил глубоко в её сердце. Однако пора было ехать в Оперу, её ждали занятия. Кристина сложила письмо и поместила его в шкатулку поверх предыдущих, а затем осторожно убрала шкатулку в сумку с нотными папками. Она снова вздохнула, задаваясь вопросом, как же она сможет вытерпеть целый день.

Ученики на этот раз отметили её необычную рассеянность.

Месье Таллис появился ровно в три, когда уходила последняя студентка Кристины.

— Вы готовы, мадам?

— Да, сударь. Только позвольте мне собрать вещи. — Кристина набросила на плечи накидку, собрала ноты и взяла небольшую деревянную шкатулку. Кавех обратил внимание на украшенную ручной резьбой крышку и несколько маленьких потайных ящичков. Он уже видел такую — очень давно, в Персии, и теперь слегка улыбнулся про себя. Он и не знал, что Эрик сделал ещё одну и подарил её Кристине.

— Его могила находится в небольшой укромной пещере рядом с озером, мадам, — объяснял Кавех, ведя Кристину по длинному пустому коридору к её старой гримёрной. — Мне показалось, что лучше будет не беспокоить священника этими похоронами, так как я не знал, в каком состоянии была духовность Эрика.

— Он погребён без заупокойной мессы? — Кристина была слегка шокирована.

Кавех печально покачал головой.

— Он этого и не просил, а я, как мусульманин, в любом случае для этого не годился.

— В таком случае, я должна для него спеть, — решила Кристина. Они дошли до её гримёрной, и она попыталась открыть дверь. Но та была заперта. Кристина вопросительно взглянула на своего спутника, и тот покачал головой.

— Её не используют, мадам. Говорят, здесь водится привидение.

Кристина кивнула, её это явно позабавило.

— Может быть, так...

Она повернула ручку наполовину, слегка приподняла дверь и ударила по ней бедром. Дверь распахнулась. Кристина с улыбкой повернулась к месье Таллису, довольная тем, что до сих пор помнит этот фокус. Кавех усмехнулся.

«Изобретения Эрика превосходны», — подумал Кавех, нажимая на кнопку, открывающую зеркало. Смазанный механизм открылся без единого звука, и они ступили на Дорогу Коммунаров. Кавех зажёл один из двух взятых с собой фонарей, а Кристина тем временем закрыла зеркало.

Фонарь отбрасывал на дорогу колеблющийся свет, но этого было достаточно — оба прекрасно знали путь. Не произнося ни слова, они спустились через четыре уровня подвалов и наконец добрались до самого нижнего. Кавех был слегка удивлен тем, что Кристина не закричала и не упала в обморок, увидев крыс. Она лишь поджала губы и сильнее зашуршала юбками, чтобы напугать грызунов.

Кавех провёл её мимо дома Эрика. Не желая брать лодку из опасения, что Кристина может заметить следы её недавнего использования, он провел её через камни и полуобрушенные стены к небольшой естественной пещере, которую Эрик выбрал в качестве места своего последнего упокоения. Именно здесь они установили сегодня утром мраморную плиту.

— Вот она, мадам, — Кавех поднял фонарь повыше, а затем поставил его на вершину могильного камня.

Кристина медленно прошла вперед и положила руку на камень. Опустившись на колени, она провела пальцами по крупным высеченным буквам, читая надпись.

— Эрик. — Она грустно улыбнулась. — Это даже похоже на его почерк.

Стоявший за её спиной Кавех бросил нервный взгляд в дальнюю часть пещеры, в темноте которой, как он знал, прятался Эрик.

Кристина оглянулась на меся Таллиса.

— Сударь, не могли бы вы оставить меня на несколько минут?

— Конечно, мадам.

Он зажёл для себя второй фонарь и вышел из пещеры.

Кристина снова повернулась к камню. Опустившись на колени, она осторожно положила шкатулку у его основания. Когда она заговорила, её голос во мраке прозвучал тихо и приглушённо.

— Эрик, любовь моя... что ещё я могу вам сказать кроме того, что уже сказала в своих письмах? Вот, я оставляю их вам. Сохраните их ради меня, мой дорогой. Не позволяйте никому их читать, хорошо?

Прячущийся в затенённой арке пещеры Эрик торжественно кивнул головой. Она написала ему письма?

Кристина наклонилась вперед и прижалась к прохладному мрамору щекой, потом губами. И тут наконец пришли слёзы. Она плакала несколько минут; Эрик, наблюдая за ней из своего укрытия, с трудом удерживался, чтобы не подойти к

ней. Она что, действительно назвала его «любовь моя»? Она на самом деле только что поцеловала его надгробие? Это был довольно противоестественный жест, особенно для неё, но он это оценил.

Наконец она успокоилась и поднялась. Утерев платком слёзы, она отступила на несколько шагов и запела. Эрик узнал «*Valedicto*», финальную часть заупокойной мессы.

*In paradisum deducant te Angeli:
in tuo adventu suscipiant te Martyres,
et perducant te in civitatem sanctam Jerusalem.
Chrous Angelorum te suscipiant,
et cum Lazaro quondam paupere
aeternam habeas requiem.*(1)

Голос Кристины звучал как колокол, эхом отражаясь в просторных пустых пещерах. Эрик критически отметил, что техника у неё в основном хороша, однако диапазон явно страдает из-за отсутствия практики. Ноты, которые раньше взлетали и опускались мягко, как голубь, теперь звучали с едва уловимым напряжением. Он сомневался, что кто-либо другой это заметит, однако это вызывало у него непреодолимое желание снова вернуться к своей педагогической роли и позаниматься с ней. Двух или трёх хороших уроков должно хватить, он это знал.

Он уже собирался заговорить, когда Кристина вдруг улыбнулась. От красоты её улыбки сердце у него замерло. Кристина положила руку на камень, словно лаская, и тихонько произнесла:

— До свидания, любовь моя.

После чего развернулась и пошла прочь, зовя месье Таллиса.

Едва она скрылась за поворотом, как Эрик схватил шкатулку и прижал её к груди.

Кавех и Кристина ничего не говорили друг другу, идя обратно по Дороге Коммунаров. Так в тишине они подошли к маленькому фонтанчику, куда Эрик однажды принёс Кристину и смачивал водой её виски, пока она находилась в обмороке. Кристина захотела на минутку остановиться, и Кавех, воспользовавшись её задумчивостью, отошёл на несколько шагов в сторону — посмотреть, лежит ли там по-прежнему скелет.

Когда пять лет назад они с Дариусом принесли из Оперы умирающего Эрика, тот потребовал, чтобы где-нибудь в подвалах они оставили тело, которое

впоследствии должно быть найдено. «Если я не умру, — сказал он, — то они продолжат искать меня и, может быть, найдут мой дом, *дарога*. Я прошу тебя, позаботься, чтобы они нашли тело, хорошо?»

Кавех и Дариус принесли труп недавно умершего человека, найдённый в переулке, и оставили его там у фонтанчика. Человек этот при жизни явно был нищим и бездомным, и Кавех в приступе макабрической иронии надел на палец трупа одно из старых колец Эрика. Это было то самое кольцо, которое Эрик приготовил для Кристины и которое оказалось для неё слишком большим; теперь оно идеально сидело на костяшке покойника, объявляя всему миру, что возлюбленный некой «К. Д.» уже никогда больше не будет по ней тосковать. Кавех находил мрачное удовлетворение в том, что этот нищий обрёл после смерти такое богатство, которого, скорее всего, никогда не видел при жизни.

Скелет всё ещё лежал там — судя по всему, его так никто и не обнаружил. Никто, кроме крыс. Кавех поморщился при виде обглоданных костей. Услышав всхлипывания Кристины, он вспомнил о своём долге и вернулся к ней.

— Мадам? — мягко произнёс он. — Идём?

Кристина кивнула, и Кавех снова вывел её на Дорогу Коммунаров прежде, чем она смогла увидеть скелет.

Когда они вернулись в её бывшую гримёрную, он легонько коснулся её руки, останавливая.

— Мадам, могу ли я спросить... — он замялся.

Кристина слегка фыркнула.

— Ну, сударь, вы и так не постеснялись спросить меня, зачем же останавливаться?

— Мне любопытно, что было в шкатулке, мадам.

Кристина пожала плечами.

— Письма. — Она потянулась к рычагу, открывающему зеркало, через которое можно было попасть в комнату.

— Письма?

— Письма к Эрику, которые я писала все эти годы. А почему вас это интересует?

На лице Кавеха появилось выражение тревоги.

— А что... что говорится в этих письмах?

Кристина нахмурилась.

— А вот теперь, сударь, вы зашли слишком далеко. Эти личные письма, они находятся в запертой шкатулке, которая лежит на могиле на пятом подвальном этаже, в скрытой от посторонних глаз пещере. У меня — единственный ключ от шкатулки. Никто и никогда не сможет их найти, так с какой стати вы должны узнать, о чём в них говорится?

Его парижские манеры уже вернулись на место, подавив персидское любопытство, и Кавех поклонился.

— Как скажете, мадам. Это было невежливо с моей стороны. Приношу свои извинения.

Кристина кивнула, и они вместе вышли через зеркало в заброшенную гримёрную. Выйдя в холл, Кристина подала ему руку.

— Спасибо, сударь. Большое вам спасибо за доброту, которую вы проявили — и ко мне, и к Эрику. Я знаю, вы ему были очень дороги.

Кавех кивнул.

— К вам он тоже испытывал нечто больше, чем мимолётное увлечение, мадам.

Кристина рассмеялась.

— И я к нему тоже. Увы, это я поняла слишком поздно. Что ж, сударь, прощайте.

И она вышла, освещаемая закатным солнцем.

— До свидания, мадам, — пробормотал Кавех в её удаляющуюся спину. Почему-то он чувствовал, что они видятся не последний раз. Хотя это зависело от писем. Что именно она писала Эрику на протяжении стольких лет? На мгновение ему захотелось снова спуститься вниз, но он вовремя спохватился. Либо Эрик решит оставить шкатулку в покое — либо он будет не слишком-то доволен, если ему помешают читать всё то, что Кристина написала ему за последние пять лет.

Кавех вздохнул и, подзвав экипаж, отправился домой. Уже скоро он всё узнает.

---

(1) В рай приведут тебя ангелы:
когда придешь ты, примут тебя мученики
и проводят в святой город Иерусалим.

Сонм ангельский тебя примет
и с Лазарем, некогда бедным,
вечный обретешь покой. (Прим. пер.)

Глава 9. Задержавшиеся письма наконец доставлены по адресу

Тем временем в подвалах Эрик качал в руках шкатулку Кристины так, словно это был ребёнок. Не утруждая себя зажиганием фонаря, он принёс её к своему старому дому. Когда он открыл входную дверь, в лицо ему пахнуло затхлым воздухом. Эрик вошёл внутрь и зажёл газовые рожки. Он был очень доволен самим собой, увидев, что они всё ещё работают. Сев в своё старое кресло, Эрик водрузил ноги на подставку и открыл шкатулку.

Ключ Кристина оставила у себя, однако шкатулка узнала прикосновение своего создателя. Эрик нажал скрытый рычажок, и ящик, полный писем, распахнулся. Эрик взял верхнее письмо из стопки; оно было совсем новым и свежим, развернув его, Эрик отметил, что оно было написано только этим утром.

«Мой милый Эрик,

Сегодня утром я чувствую себя растерянной, уставшей и ужасно сентиментальной. Вчера месье Таллис задал мне несколько весьма откровенных вопросов о моих чувствах к вам, и когда я стала ворошить былое, ища на них ответы, то пришла к некоторым довольно тревожным выводам.

Моё сердце принадлежит вам. Для меня это не стало сюрпризом, хотя, подозреваю, для вас — если бы вы об этом узнали — это действительно могло бы стать неожиданностью. Так было всегда, и так всегда будет. Рауль на некоторое время завладел большей его частью, но вы, даже находясь в могиле, постепенно, шаг за шагом, вырывали моё сердце у него из рук до тех пор, пока оно не стало принадлежать вам полностью. Я люблю вас, Эрик, люблю всем сердцем.

Других я тоже люблю. Мой сын Эрик-Дааэ — моя гордость и радость в этой жизни, и обе Жири, Сорелли, её муж и дети — все они для меня очень дороги, но если я хочу двигаться дальше и добиваться в жизни успеха и строить новую карьеру, то должна отпустить вас. Я не могу по-настоящему жить, пока моё сердце похоронено вместе с вами.

Я всегда буду думать о вас — и сомневаюсь, что я когда-либо перестану любить вас или скучать по вам, — но, Эрик, я должна проститься со всем, что напоминает мне о вас. Я прекращаю писать эти письма (и это разумно, потому что их теперь стало так много, что они едва помещаются в шкатулку, которую вы для меня сделали!) и отныне собираюсь сосредоточиться только на пении и на воспитании сына.

Месье Таллис обещает, что сегодня отведёт меня на вашу могилу, и я намерена оставить всю шкатулку с письмами у вас. Я знаю, что вы сохраните письма в безопасности, и что без ключа никто другой никогда не сможет их

найти, так что моей личной жизни ничего не угрожает. Я думала о том, чтобы сжечь их все, но я не могу заставить себя это сделать. Оставить их запертыми в потайном ящике на попечении усопшего — это лучшее, что я смогла придумать.

Позаботьтесь о них, мой дорогой.

Если вы увидите Ангела Музыки там, в раю (а для меня больше нет никаких сомнений в том, куда вы должны были попасть), передайте ему мою благодарность за то, что он отправил вас ко мне. Если вы увидите Рауля, то скажите, что я простила его за то заблуждение, а если вы увидите моего отца, то расскажите ему о внуке, который назван и в его, и в вашу честь.

Я надеюсь на долгую и счастливую жизнь, мой Эрик, и я надеюсь быть с вами, когда она подойдёт к концу. Это будет самое сладкое счастье, какое я только могу пожелать.

Всегда ваша,

Кристина.»

Сердце Эрика едва не остановилось. Он открыл рот, да так и забыл его закрыть, пока не перечитал письмо во второй, а затем и в третий раз. Кристина полюбила его? Когда это произошло? Он быстро, но внимательно просмотрел другие подробности: о заблуждении мужа (каком ещё заблуждении?), о существовании сына (которого она назвала в его честь!), а также (он улыбнулся — эта часть была восхитительна) о том, как он «вырвал» её сердце из рук Рауля де Шаньи даже из могилы. Эрик потряс головой. Что же, чёрт подери, привело её к такому выводу?

Увидев, что письма лежат в ящике в хронологическом порядке, Эрик вытащил всю пачку. Перевернув её, он начал с самого начала: с её первого письма, написанного из отеля в Дании — ещё до того, как они прибыли в Швецию.

Он грустно улыбался, читая слова Кристины о том, что она скучает по нему и жалеет о том, что произошло между ними, но вскоре начал хмуриться, когда прочитал о желании Рауля жить там, где у Кристины не будет доступа ни к музыке, ни к общению. «Зачем же рядом с Упсалой, ты, юный дурак, — бормотал он призраку де Шаньи, словно тот мог его слышать. — У неё же никогда не будет друзей, если вы окажетесь единственными аристократами в крестьянской деревне!»

Как и следовало ожидать, по мере чтения писем одиночество Кристины становилось всё более и более явным. Ее краткая вспышка счастья, когда она писала о том, что ждёт ребёнка, продержалась недолго, и вскоре всё заглушило неудовлетворение и одиночество после смерти приёмной матери.

Эрик нахмурился, читая о поездке Кристины с Раулем верхом и о последующей «пылкости» виконта. Её откровенность и прямолинейность были самым большим недостатком в этих письмах: ему придётся смириться с прочтением таких деталей её жизни с Раулем, хотя сам Эрик был бы гораздо счастливее, если бы не знал

всех этих подробностей. Хотя, по правде говоря, вспоминая собственную поездку верхом с Кристиной, он не мог винить юношу. Ему самому стоило больших трудов сохранять спокойствие во время той поездки.

Когда же Эрик добрался до письма, описывающего сон с его участием, его глаза едва не вылезли на лоб. Ей приснилось, что он её целовал! Она мечтала быть его женой! Он несколько раз моргнул, не веря своим глазам, когда прочитал следующую часть: ей даже приснилось, что они вели себя «совсем как муж и жена». Этот эвфемизм Эрик опознал с лёгкостью; по правде говоря, ему то же самое снилось столько раз, что он и сосчитать не мог. Хотя больше всего его тронула фраза о том, что когда она проснулась в своём одиноком холодном доме и осознала, что её брак столь же холоден и одинок, то захотела вновь вернуться в свой сон. Эрик с трудом сглотнул и неловко заёрзал.

Если бы только он знал! Хотя от этого ничего бы не изменилось. Пока Рауль был жив, для них не существовало respectable способа быть вместе, а для Эрика честь Кристины значила не меньше, чем сама Кристина.

В следующем письме рассказывалось о смерти её ребенка. У Эрика сердце разрывалось, когда он читал, как его любимая Кристина пыталась выплёскивать свою боль через пение. Это письмо заставило его разрыдаться. Оно открыло ему, как сильно Кристина нуждалась в своём учителе, который помог бы ей петь, чтобы пережить горе. Если бы только он знал, что его возлюбленная испытывает такую боль! Чтобы маска не намокла, Эрик снял её и положил на колени, после чего перестал сдерживать бьющие через край эмоции и расплакался без всякого стеснения.

Некоторое время спустя Эрик взял себя в руки и вытер лицо, но маску надевать уже не стал. Достав следующее письмо, он снова принялся читать.

И тут же вспыхнул от гнева, когда прочитал о том, как муж обвинил её в неверности. Эрик мог легко представить, как его нежная Кристина превращается в мстительную гарпию в приливе праведного негодования. «Мерзавец! — прорычал он, обращаясь к воображаемому Раулю. — Ублюдок! Что за кретин!» Как будто Кристина могла быть неверной! В какого же негодяя превратился мальчишка!

Его гнев слегка утих только тогда, когда он прочитал письмо от капитана, сообщавшего Кристине о смерти мужа. По какой-то причине Кристина положила эти два письма не по порядку.

— Сказал Господь: «Мне отмщение, и аз воздам», — с огромным удовлетворением процитировал Эрик. — Утонул в Северном море, которое наверняка было почти таким же холодным, как сердце этого ублюдка!

После того как Кристина оправилась от злости на мужа, тон её писем стал более лёгким. Эти письма заставили его улыбнуться и помечтать о том, чтобы быть рядом с ней и помочь ей встать на ноги после возвращения в Париж — что ей удалось довольно хорошо. Тот факт, что парижских писем было меньше и сами они были куда тоньше, яснее ясного сказал ему, что в Париже она была намного счастливее, чем у себя на родине. Эрик с искренним весельем читал о её непокорности, когда она назвала ребёнка Рауля в честь Эрика, и о том, как она ходила в Оперу и заметила ошибку бутафора в «Орфее и Эвридике» — ошибку, которую бы наверняка не заметил никто из тех, кто сам не ступал ногой на эту сцену. Ах, но она настоящая оперная звезда, с лёгким чувством торжества подумал Эрик. Она может быть графиней по статусу, но в душе она — оперная дива! Улыбаясь, он вернулся к письмам.

Теперь, ознакомившись с тем, как протекала её жизнь с тех пор, как он видел её в последний раз, Эрик начал видеть, как менялись её чувства по отношению к нему. Она полюбила его! Пребывая в полном восхищении от этой мысли, Эрик открыл последние несколько писем. Читая её рассказ о подслушанном разговоре директоров, он рассмеялся. Значит, Ришар соскучился по тому оживлению, которое он приносит, да? Возможно, стоит пробраться в Оперу и подшутить разочек или два над директорами, прежде чем пойти домой. Просто по старой памяти.

Внезапно вспомнив о доме, Эрик взглянул на часы. Оказывается, он провёл весь вечер и всю ночь, читая письма, плача, вспоминая, а затем снова и снова читая письма. Скоро уже Кавех должен проснуться. Эрик собрал все письма, аккуратно сложил их обратно в шкатулку и снова надел маску. Ему хотелось с кем-нибудь поделиться своим счастьем, а Кавех был его единственным другом. Всё ещё улыбаясь, Эрик вышел на улицу. Над его вновь обрётённой надеждой поднималось солнце.

Глава 10. У музыки свои чары

Рано утром, едва только Кавех сел завтракать, вернулся Эрик — изменившийся настолько, что Кавех его не узнал. Манеры Эрика и так уже стали значительно мягче с тех пор, как они переехали на солнечный юг Франции, но сегодня утром улетучились последние остатки резкости и цинизма. Его жёлтые глаза больше не горели, а лишь тихо светились — от счастья.

— Доброе утро, Кавех! — поприветствовал он. Его маска была испачкана, а одежда носила на себе следы пребывания в подвалах.

Кавех встал со стула.

— Судя по всему, в тех письмах было что-то очень хорошее, — заметил он.

Эрик улыбнулся — Кавех видел, как искривилась губа под нижним краем маски.

— Она рассказала тебе о письмах?

— Она упомянула об их существовании, но не о содержании. — Чрезмерное оживление Эрика слегка встревожило Кавеха. Это было подозрительно.

Эрик быстро намазал маслом свой тост и указал на стул:

— Садись, *дарога*. Я счастлив, да, но на этот раз никто не пострадал. Ты знал, что мадам де Шаньи стала вдовой?

Кавех кивнул.

— А ты знал, что у неё есть маленький сын?

Ещё один кивок.

Эрик отложил тост и откинулся на спинку стула, порывисто закинув руки за голову.

— А ты знал, что она назвала этого маленького бедолагу в мою честь?

Кавех снова кивнул, начиная улыбаться при виде этой странной, чрезмерно радостной версии его обычно едкого и циничного друга.

— Так скажи же мне, друг мой, как ты мог, зная всё это, ничего мне не сказать?!
— голос Эрика звучал совершенно невинно, словно днём раньше он сам не отказывался слушать новости Кавеха, причём с потрясающим упорством.

Кавех застыл, несколько секунд серьёзно обдумывая возможность поддаться соблазну и швырнуть маслёнку прямо в голову Эрика. Но мудро воздержался от этого, довольствуясь тем, что, глубоко дыша, досчитал до десяти на фарси. Он намеренно сделал это вслух — к вящему удовольствию Эрика.

Тот широко улыбался. По блеску в его глазах Кавех видел, что Эрик просто наслаждается ситуацией.

— Ты смеёшься надо мной, — обвинил его Кавех. — Не пытайся скрыть это, Эрик! Ты смеёшься надо мной под этой своей маской!

Эрик запрокинул голову и громко расхохотался.

— Ангелы на небесах сегодня смеются, *дарога*. Почему я не могу принять участие в их радости и веселье? Кристина любит меня. Она любит меня!

— Да, я знаю, — спокойно сказал Кавех. — И что ты собираешься делать?

— Делать? По-моему, я должен пойти к ней.

— И испугать её до потери сознания? — многозначительно спросил Кавех. — Она только что навсегда простилась с тобой у твоей могилы. И как ты собираешься сообщить ей, что на самом деле не умер?

Эрик нахмурился. Купаясь в волнах собственного восторга, он даже не подумал о дальнейших шагах.

— Написать письмо?

Кавех покачал головой.

— Позволь, я сам скажу ей об этом, — предложил он. — Ведь именно я солгал ей впервые, ещё тогда, пять лет назад. Пусть лучше она сердится на меня, а не на тебя. — Он вызвал Дариуса. — Я пошлю ей записку, в которой напишу, что у меня есть ещё кое-какая информация о тебе, и попрошу, чтобы она приехала сюда после обеда. Я скажу ей правду, и если она будет не слишком сильно потрясена, только тогда ты сможешь войти в комнату.

— И тогда ты должен будешь уйти, — многозначительно сказал Эрик.

Кавех улыбнулся.

— Как пожелаешь. Но лишь после того, как я удостоверюсь, что мадам де Шаньи не угрожает потеря сознания.

Эрик улыбнулся, встал и встряхнул салфетку.

— Не бойся. Если она упадёт в обморок, я её поймаю. — Он отодвинул стул и, напевая, вышел из комнаты.

— Не сомневаюсь в этом, — ответил Кавех в пустоту. — С твоим-то опытом... — Он глотнул кофе, так и не закончив предложение. Насколько он помнил, Кристина всегда была девушкой меланхоличной.

После завтрака он написал ей письмо.

«Уважаемая мадам де Шаньи,

После долгих раздумий над последними разговорами касательно одного нашего общего друга, я решил сделать признание. К сожалению, я не был полностью честным с Вами в тот раз, когда мы встретились в подвалах Оперы

пять лет назад. Простите меня. В то время я думал лишь о том, чтобы защитить Вас от знаний, которые могут принести Вам несчастье. После этого одна ложь потянула за собой другую, и я ничего не мог с этим поделать. Поверьте, я думал, что так будет лучше для вас обоих — и для Вас, и для него.

Если Вы пожелаете прийти ко мне домой после уроков во второй половине дня, я расскажу Вам всю правду. Пожалуйста, пришлите подтверждение вместе с моим слугой, и я с нетерпением буду ждать встречи с Вами.

*Искренне раскрывающийся,
Кавех Таллис»*

Он отправил письмо с Дариусом, и тот уже менее чем через полчаса привёз ответ. Записка Кристины гласила следующее:

*«Уважаемый месье Таллис,
конечно, я приеду. Я очень хочу услышать всю правду, даже если это причинит мне боль. Надеюсь быть у Вас после трёх.*

*С уважением,
Кристина Дааэ де Шаньи»*

В десять минут четвёртого Кристина вышла из экипажа и позвонила в колокольчик у двери дома по адресу, который сообщил ей месье Таллис. Дариус провёл её в дом и принес чаю, после чего в комнату вошёл Кавех.

Он выглядел встревоженным — сев, он продолжал всё время нервно поглядывать куда-то над плечом Кристины.

— Спасибо, что пришли, мадам. И я заранее прошу прощения за то, что не был честен с вами.

— И в чём именно вы мне солгали? — спросила Кристина. Поведение Кавеха слегка её раздражало, однако он выглядел таким несчастным и виноватым, что долго сердиться на него было невозможно.

— Ну... во всём, — признался он. — Простите, мадам. Позвольте мне рассказать всё с самого начала.

Он рассказал ей о том, как пять лет назад получил сообщение Эрика — тот давал понять, что собирается умереть в ближайшие пару дней. Кавех поместил объявление о смерти Эрика в газету, но вместо того чтобы дожидаться, когда тот умрёт, сразу же направился в Оперу. Эрик действительно был уже почти мёртв; однако, увидев своего бывшего друга лежащим, словно живой труп, и вспомнив всю многолетнюю историю их отношений, Кавех не смог заставить себя уйти, оставив Эрика умирать. Вместе со слугой они дождались, пока стемнеет, после чего перенесли бессознательное тело Эрика в свою квартиру. Кавех вызвал врача, который осмотрел Эрика и заявил, что тот страдает не столько от разбитого

сердца, сколько от прогрессирующего туберкулёза и заболевания мозга. Он тщательно пролечил Эрика, однако при этом порекомендовал немедленно увезти его в более тёплый и солнечный климат. Спокойное, тихое местечко — например, возле моря — было бы идеально для Эрика, отметил доктор. В таком климате он смог бы поправить и психическое, и физическое здоровье.

Кавех устал от Парижа, а поскольку Эрик теперь оказался у него на попечении, то и оставаться в городе, чтобы следить за деятельностью «оперного привидения», не было необходимости. Он сразу же поручил Дариусу найти им небольшой, но уютный домик на юге Франции, предпочтительно в уединении и неподалёку от берега.

Он вернулся в дом Эрика, чтобы собрать его вещи, и как раз тогда встретил Кристину. Эрик хотел, чтобы она считала его мёртвым, это Кавех знал — поэтому объяснил ей, что уже сам позаботился о теле Эрика, и пожелал ей удачи в новой жизни.

Дариус вернулся через две недели, привезя с собой документы на элегантный коттедж на берегу моря неподалёку от Сета, в отдалённом районе Прованса. Эрик к тому времени уже пришёл в себя и жутко злился на Кавеха за спасение своей жизни, однако он был ещё слишком слаб, чтобы сопротивляться, когда Кавех насильно перевёз его в Прованс.

— Вот и вся история, мадам, — закончил Кавех своё повествование. — И я снова прошу у вас прощения за то, что солгал вам, однако так хотел Эрик.

Кристина сидела, нахмурившись, несколько секунд.

— Но... могила, которую мы вчера посетили. Там ведь было надгробие?

Кавех поджал губы.

— Оно появилось там лишь вчера утром. Настоящей могилы под ним нет.

— Тогда где же он похоронен? — упорствовала Кристина.

Кавех приподнял брови.

— Он не похоронен, сударыня. Именно это я и пытаюсь вам сказать. Эрик жив.

Кристина широко распахнула глаза, у неё перехватило дыхание.

— Эрик... Он жив?!

Кавех кивнул, снова бросив быстрый взгляд куда-то поверх её плеча.

— Да, мадам. Хотите его увидеть?

Выражение лица Кристины говорило само за себя, и Кавех кивнул в сторону окна за её спиной. Она повернулась, прикрывая глаза от полуденного солнца.

На фоне окна виднелся мужской силуэт. Элегантно одетый, высокий и худой, но совсем не похожий на того тощего, как скелет, человека, которого она помнила. Кристина встала и подошла к нему. Робко подняв руку, она положила ладонь ему на грудь. Мужчина судорожно вздохнул. Она посмотрела на его лицо.

На нём была белая шёлковая маска, закрывавшая лицо почти до самого подбородка. Из-под края маски едва виднелась нижняя губа. Кристина погладила рукой по его плечу, другой рукой проведя по туловищу и по груди. Руки мужчины, напряжённые и крепко сжатые в кулаки, начали дрожать.

Кавех только-только начал задаваться вопросом, стоит ли ему уйти, когда Кристина вдруг резко убрала руки от тела мужчины и сердито повернулась к нему.

— Это какая-то злая шутка, сударь, — процедила она. — Это не Эрик.

Кавех перехватил испуганный взгляд Эрика и заморгал. Такого результата они не ожидали!

— Кристина, — мягко позвал её Эрик.

Она обернулась к нему и прищурилась.

— Хорошая работа, месье Таллис, — холодно сказала она. — У него даже голос слегка похож. Но эта фигура — не Эрика. Лицо, я подозреваю, тоже не его.

Из-под белой маски послышался гортанный смешок.

— К сожалению, моё, — ответил Эрик, криво усмехаясь.

Кристина проигнорировала его, повернувшись к Персу.

— Месье Таллис, телосложение этого человека совершенно не похоже на Эрика, ни капельки. Как вы могли упустить такую деталь? Он гораздо более плотный, чем был Эрик, а поскольку его лицо закрыто маской, оно ни о чём мне не говорит.

— Мадам, — попытался объяснить Кавех, — когда вы впервые встретились с Эриком, он уже был серьёзно болен, несколько лет не утруждая себя лечением.

Сейчас он восстанавливается, и вполне естественно, что его фигура выглядит более плотной, чем раньше.

Кристина снова нахмурилась, внимательно изучая человека в маске. Она придвинулась к нему вплотную.

— Сударь, если вы Эрик, то докажите это. Позвольте мне увидеть ваше лицо. — Она приподняла бровь в безмолвном вызове.

Мужчина застыл. Кристина стояла, скрестив руки и подняв подбородок, ожидая его дальнейших действий. Мужчина медленно протянул руку к затылку, собираясь развязать маску. Он бросил предупреждающий взгляд на своего друга.

— Можешь отвернуться, если хочешь, *дарога*. Ты видел меня и раньше, но всё же...

Кавех не смог бы пошевелить ни одним мускулом, даже если бы от этого зависела его жизнь. Его нефритовые глаза были прикованы к разворачивающейся перед ним сцене.

Эрик пожал плечами, снова переводя внимание на Кристину, и бросил маску на пол.

Перед ней стоял Эрик. Такое уродство невозможно было подделать. Отвратительное, похожее на череп лицо было точно таким, как она его помнила: выступающие брови делали ещё более тёмными впавшие глазницы, откуда сверкали жёлтые глаза; кожа плотно обтягивала скулы; носа практически не было, лишь две крупные ноздри, похожие на дыры, красовались по центру лица. Волос стало чуть больше, чем раньше, но они всё ещё были очень тонкими и редкими.

При виде любимого безобразия Кристина издала глубокий восторженный вздох и... упала в обморок — прямо в объятия Эрика.

— Удачно подхватил, — пробормотал Кавех себе под нос, но Эрик услышал его и усмехнулся.

— Я ведь говорил тебе, что поймаю, не так ли? — ответил он, поднимая Кристину и осторожно укладывая её на диван. — А ты ещё говоришь, что мне нельзя доверять.

***

Проснувшись, Кристина обнаружила, что лежит на диване, перед ней на коленях стоит Эрик, а на заднем плане переминается с ноги на ногу Кавех. Эрик снова

надел маску, но крепко держал Кристину за руку. Когда она открыла глаза, он попытался высвободить свою руку, но Кристина его удержала.

Некогда столь холодная кожа Эрика теперь была тёплой, исчез и неприятный затхлый запах, который ассоциировался у неё со смертью. Она стиснула его руку и ошеломлённо уставилась на него снизу вверх.

— Неужели это действительно вы? — прошептала она.

В ответ он открыл рот — и запел. Кристина узнала строку из «Фауста», из вступительной арии к сцене в тюрьме. Эрик пропустил строки о страданиях Фауста и сразу начал с его восклицания при виде возлюбленной в тюрьме.

«Вот она, она здесь, милое создание!» — пропел он, после чего снова пропустил следующие несколько строк и позвал её: *«Маргарита! Маргарита!»*

Как по команде, Кристина села и запела: *«Ах! То голос моего возлюбленного! При звуке этом сердце снова биться начинает».*

На другом конце комнаты Кавех, узнав речитатив, удовлетворённо кивнул сам себе. Для этих двоих, подумал он, более чем уместно признаваться друг другу в любви с помощью оперы. И не просто какой-нибудь первой попавшейся оперы. Это был именно «Фауст», в котором состоялся потрясающий дебют Кристины, «Фауст», во время которого Эрик мистическим образом похитил её со сцены в тот момент, когда она взывала к ангелам. И именно «Фауста» они пели сейчас.

«Маргарита!» — пел Эрик.

Кристина почувствовала, как от знакомого звука его завораживающего голоса на глаза наворачиваются слёзы. Она пела ответную фразу, в которой Маргарита узнает голос своего возлюбленного: *«Теперь моё исчезло горе, час отрадный наступил, — пела Кристина. — Его рука, его милая рука протянута ко мне. Я свободна! Он здесь! Я слышу его, я вижу его!»*

Пропев слова «я вижу его», она подняла руку и стянула с Эрика маску, чтобы видеть выражение его лица, когда будут пропеты следующие строки.

Не отрывая от него взгляда, со слезами, текущими по лицу, она пела о своей любви к нему: *«Да, это ты! Я люблю тебя. Да, это ты! Я люблю тебя».* Она закрыла глаза, когда Эрик наклонился и стёр дрожащей рукой её слезы. Дрогнувшим голосом она завершила следующие строки: *«Ты нашёл меня! Теперь я спасена! Я в твоём сердце!»*

Эрик помедлил, после чего сделал глубокий вдох и пропел ответ — свой и Фауста: *«Да, это я! Я люблю тебя. Да, это я! Я люблю тебя. Несмотря на все усилия насмешливого демона».* Пропевая строку о насмешливом демоне, Эрик не

удержался и многозначительно покосился на Перса. Кавех понял намёк и, ухмыляясь, вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Эрик нежно продолжил петь: *«Я нашёл тебя! Ты спасена! Приди же, приди в моё сердце!»*

Когда он пропел эти слова, Кристина поднялась с дивана и бросилась в его объятия.

Кавех остановился за дверью, где Дариус — разумеется, совершенно случайно — вытирал пыль с мебели в прихожей. Они по-прежнему слышали доносящееся из комнаты пение. Когда голоса резко оборвались, Кавех посмотрел на Дариуса, и они обменялись понимающими улыбками. После чего дружно спустились вниз, откуда уже ничего не было слышно.

Они всё равно ничего бы не услышали, поскольку долгое время из-за двери не доносилось ни звука, если не считать всхлипываний, судорожных вздохов, приглушённых рыданий и нескольких хриплых, прерывающихся слов, произнесённых полушёпотом, в то время как двое находящихся в комнате отчаянно цеплялись друг за друга.

— Неужели это правда? — хрипло спросил Эрик; по его похожему на череп лицу бежали слёзы. — Это происходит на самом деле? О, Кристина! Как ты можешь меня любить? — Он, дрожа всем телом, зарылся лицом в её волосы.

Кристина прижалась своей гладкой, нежной щекой к морщинистой и костлявой щеке Эрика — и обняла его ещё крепче.

— Эрик! О, Эрик, любовь моя. Неужели вы на самом деле живы, дорогой мой? — Она плакала, даже не пытаясь скрыть своих слёз, и прижималась губами к его искорёженной щеке; когда она принялась покрывать поцелуями его ужасающее лицо, Эрик снова расплакался.

Долгое время спустя, когда слёзы наконец перестали бежать ручьём, а эмоции утихли до всхлипываний и периодической икоты, Эрик усадил Кристину назад на диван и сам сел рядом с ней. Он потянулся было к её руке, но тут же отпрянул.

Будучи не столь застенчивой, Кристина сама взяла его руку и крепко стиснула её в своих ладонях. Взгляд, которым он её наградил, заставил её покраснеть и отвернуться. Тишина становилась всё более неловкой после эмоций, что бушевали между ними несколькими минутами раньше.

Эрик с лёгкостью вернулся к своей роли учителя.

— Вы хорошо поработали, вернув свой голос на прежний уровень после того, как не пользовались им на протяжении столь длительного времени, — заметил он. —

Звучание прекрасное. Только вот диапазон, кажется, пострадал, но это легко восстановить.

— Мне было очень трудно достичь даже этого — без ваших наставлений, — призналась Кристина.

— Вы... вы бы хотели, чтобы я снова начал вас учить? — неуверенно спросил Эрик. Действительно, на каких условиях они собираются возобновить знакомство?

— Если вы не возражаете, мой милый, я была бы вам очень признательна, — просияв, ответила Кристина.

Эрик закрыл глаза и глубоко вдохнул. Когда он снова их открыл, то увидел, что Кристина озадаченно смотрит на него.

— Что-то не так? — спросила она, поглаживая его руку.

— Простите меня, — сказал Эрик. — Просто я... не привык к нежностям. Когда вы называете меня «любовь моя» или «мой милый», у меня дыхание перехватывает. — Он слегка смущённо улыбнулся и отвернулся.

Кристина подняла руку и погладила его по лицу, нежно проводя пальцами по бледной, туго обтягивающей череп коже. Эрик закрыл глаза и неосознанно качнулся к ней.

— Уверена, вы устанете их слушать ещё до того, как я устану их произносить, любовь моя, — сказала она. — Если бы вы только знали, как сильно я скучала по вам, думая, что вы умерли, то вы бы меня поняли.

— Вряд ли настолько же сильно, как я скучал по вам, ошибочно полагая, что вы счастливо живёте со своим юным виконтом. Простите, графом, — пробормотал Эрик, осторожно обвивая рукой её талию. Увидев, что протестов не последовало, он привлек её ещё ближе и прижал к груди.

Кристина резко подняла голову.

— Как... откуда вы узнали, что я была с ним несчастлива?

— Вы же сами мне это сказали.

— Я?! Как я могла вам это сказать?

— Вы за пять лет написали мне целую кучу писем, Кристин. Если бы вы знали, как у меня болело за вас сердце, когда я их читал!

Она задохнулась.

— Вы читали... вы читали мои письма?! Эрик, это же личная переписка!

Он пожал плечами, уголок уродливого рта изогнулся в озорной усмешке.

— Дорогая моя, вы адресовали их мне, вы принесли их мне, вы оставили их мне в одной из моих собственных шкатулок — ну разумеется, я прочитал их! И нашел их весьма... эмн... любопытными и поучительными.

Кристина застонала и уткнулась лицом ему в плечо.

— Но некоторые из них были *слишком* личными! — посетовала она, умирая от стыда.

— О да, вот эти оказались самыми поучительными, — невозмутимо ответил Эрик. Он поцеловал её в макушку, поскольку Кристина всё ещё прятала лицо у него на плече. — Ну будет вам, Кристина, душа моя, не стоит расстраиваться. Вы ведь знаете, что я обожаю вас и всё, что с вами связано.

Кристина подняла лицо, тронутая его заявлением.

— Я чувствую то же самое по отношению к вам, Эрик.

Ее лицо, обращённое к нему, находилось всего в нескольких сантиметрах от его лица. Она плакала вместе с ним, пела с ним — и призналась, что обожает его. Ответить на всё это можно было только одним — и Эрик это сделал.

Он наклонился к ней и в первый раз за свою долгую, бурную и богатую событиями жизнь поцеловал губы любимой женщины.

Сначала поцелуй был очень осторожным — лишь нежное прикосновение губ, после чего Эрик сразу отстранился и уставился на неё, широко раскрыв глаза. Она позволила ему поцеловать её! Она позволила ему поцеловать её, как это делают влюблённые, и не умерла! Даже в обморок не упала.

Более того, понял Эрик, она ответила на его поцелуй!

Не успел он до конца обдумать эту мысль, как Кристина снова потянулась к нему и легонько коснулась губами его губ. Поцелуй становился всё более страстным, пока их губы не слились в жадном неистовстве. Кристина перебирала его редкие тёмные волосы, а затем обхватила пальцами его затылок и притянула ближе к себе, словно стремясь насытить Эриком своё истосковавшееся сердце. Прошло уже так много времени с тех пор, как её целовал любимый мужчина, — но вот так

её ещё не целовал никто, никогда в жизни. Поцелуи Эрика были неопытными и неискушенными, но её волновало уже само осознание того, что именно он сейчас прикасается к ней, и всё это вызывало чувства, которые никогда не будили в ней поцелуи Рауля.

Эрику казалось, что он тонет, но он даже подумать не мог о дыхании. У него голова шла кругом от силы этих новых ощущений: за один-единственный день он испытал то, о чём раньше не смел даже мечтать. Ему и прежде приходилось влюбляться, но быть любимым в ответ — это было совершенно новое чувство, приводившее его в экстаз. Когда-то он мечтал о том, чтобы в один прекрасный день получить возможность поцеловать Кристину, но на самом деле никогда не думал, что она это позволит. Теперь же не только он целовал её, но и она целовала его в ответ — целовала с такой страстью, словно боялась, что умрёт, если остановится.

Эрик чувствовал то же самое. Он не мог больше сидеть прямо — от поцелуев Кристины у него закружилась голова. Он откинулся на диван, увлекая её за собой и прижимая к своей груди. Ему пришлось прервать поцелуй, чтобы сделать вдох, но её нежная шейка оказалась так призывно близко, что он не смог удержаться и уткнулся в неё лицом. Эрик вдохнул аромат её кожи, попробовал её на язык — и почувствовал, как кровь закипела у него в жилах, когда Кристина издала невнятный звук и изогнулась дугой в его объятьях. Вот и ещё одно новое ощущение — теперь он знал, что такое быть желанным.

Это уже было слишком. Открытие, что Кристина его хочет, едва не лишило его остатков самообладания. Он был уже на волоске от того, чтобы полностью затащить её на диван, и даже потянулся к крючкам её платья... но в последнюю минуту ослабил хватку и отвернулся.

Кристина, кажется, почувствовала изменение его настроения и опустила голову ему на грудь, чтобы отдышаться. Эрик по-прежнему обнимал её и гладил по голове, пока они оба не успокоились. После чего помог ей сесть, взял её ладонь и прижал к своим губам, нежно улыбаясь. По крайней мере, он надеялся, что это выглядело нежно. Пока на нём была маска, ему не приходилось волноваться о выражении своего лица, и теперь, спустя долгие годы, приходилось лишь надеяться, что он не выглядит мрачным и угрожающим в тот момент, когда чувствует себя лишь влюблённым и беззащитным. Ошеломляющая близость того, что произошло несколько секунд назад между ним и Кристиной, заставляла его чувствовать себя ещё более обнажённым, чем после снятия маски.

Кристина, улыбаясь, взяла его руку, прижалась к ней щекой и заглянула в его сияющие золотые глаза.

— Боже мой! — было всё, что она смогла сказать. После чего слегка покраснела.
— Я... я... никогда ещё не чувствовала ничего подобного.

— Я тоже, — тихо сказал Эрик. — Думаю, я испытал всё счастье, которое только возможно в этом мире, именно сегодня.

Кристина лукаво взглянула на него.

— Пока ещё нет. Далеко не всё. — Больше она ничего не добавила.

В этот момент часы на каминной полке пробили шесть, и Кристина ахнула.

— О нет! — Она отпустила его руку и встала, расправляя складки на юбке и приводя в порядок волосы — страстные пальцы Эрика высвободили несколько прядей из шиньона, который она обычно носила.

— Любовь моя, мне ненавистна сама мысль о том, чтобы оставить вас, но я должна идти.

У Эрика упало сердце. Он знал, что не имеет на неё никаких прав, но всё же надеялся, что события этого дня не относятся к тем случаям, что происходят лишь один раз в жизни. Он попытался скрыть своё разочарование.

— Понимаю, — сказал он. Затем встал, держась от неё на некотором отдалении, и надел обратно маску. — Я благодарю вас, Кристина, от всего сердца за то, что вы сегодня для меня сделали.

Она засмеялась, не вполне уловив его изменившееся мрачное настроение.

— Поверьте мне, мой дорогой, я благодарна вам ничуть не меньше!

Это придало ему смелости поймать её за руку и спросить:

— Могу ли я увидеться с вами снова?

Кристина подошла к нему, смело подняла маску и наградила его ещё одним затяжным поцелуем.

— Если вы ко мне не придёте, моё сердце снова будет разбито вдребезги, Эрик. Вы просто обязаны прийти ко мне в гости.

— Когда?

— Завтра, если не возражаете. Утром я должна быть в Опере, у меня занятия с учениками, но после трёх я уже буду свободна. Вы придёте в это время? И останетесь на ужин?

Эрик на секунду замешкался, затем кивнул.

— Значит, завтра. — Он снова поднёс её руку к своим губам, после чего она ушла.

Кристина поспешила домой и извинилась перед горничной и поваром за то, что опоздала.

— Я встретила своего старого друга, и мы весь день проболтали, навёрстывая упущенное, — пояснила она. — Где мой маленький Эрик-Дааэ?

— Он в детской, госпожа, — ответила Аннеке.

Кристина кивнула.

— Тогда я сегодня вечером поужинаю вместе с ним, — сказала она. Она чувствовала себя немного виноватой за то, что не провела этот день с ним, как обычно, но ей настолько не терпелось рассказать ему об Эрике, что ждать до следующего дня она не захотела.

Горничная приподняла брови, услышав столь необычную просьбу, однако кивнула, ничего не сказав.

Кристина поспешила наверх, в детскую. Она легонько приоткрыла дверь и посмотрела на своего маленького сына, гадая, что подумает о нём Эрик, когда они встретятся. Сильно ли он похож на де Шаньи? Будет ли Эрику неприятно от этого живого напоминания о её браке с Раулем?

Эрик-Дааэ де Шаньи был маленьким и хрупким для своего возраста, копна тёмно-каштановых волнистых волос оттеняла пару живых тёмно-синих глаз. Он всегда гораздо больше напоминал Кристине её отца, нежели Рауля, и на этот раз она эгоистично порадовалась этому факту. Ему только-только исполнилось два, и он был ласковым и счастливым ребёнком — по крайней мере, до тех пор, пока всё делалось так, как он того хотел. Кроме того, он был очень стеснительным и замкнутым, решительно и упрямо отказываясь разговаривать с новыми людьми до тех пор, пока не узнает их как следует на протяжении нескольких недель.

Однако со знакомыми людьми он был невероятно ласков. Оторвавшись от своих кубиков, он увидел её.

— Маман! — воскликнул он, вскакивая и обхватывая её ноги. — Где вы были?

— Прости, дорогой, — сказала Кристина, поднимая его на руки и обнимая. — Я пропустила наши послеобеденные игры, да? Но ты не переживай, сейчас няня принесёт прямо сюда наш ужин, и пока мы будем есть, я расскажу тебе кое-что очень интересное! — Она коротко кивнула, отпуская няню.

Этого обещания оказалось достаточно, чтобы отвлечь мальчика от жалоб на её отсутствие. Компания матери за ужином в детской была очень редким удовольствием, и малыш был доволен.

— Ты обещала историю, — напомнил Эрик-Дааэ, садясь за свой легкий ужин, состоящий из супа и крекеров.

— Когда-то я знала одного человека, — начала Кристина. — Очень умного человека и великого учителя. Он научил меня петь в опере так, как поют ангелы. Он был моим хорошим другом, и я его очень любила, однако он был болен. Он думал, что умирает, и поэтому заставил меня уйти и выйти замуж за твоего папу.

— И он умер? — спросил мальчик, широко раскрыв синие глаза.

— Я думала, что да, — произнесла Кристина. — Я думала, что он мёртв, и хотя я была счастлива с твоим папой, я всё равно грустила, потому что очень сильно скучала по своему учителю. Но знаешь, что случилось?

— Что?

— Оказывается, он всё-таки не умер, и я снова увидела его сегодня. Вот где я была, когда я не пришла домой после занятий, — с ним. И он придёт сюда завтра, и ты сможешь с ним встретиться.

— О, — юный Эрик-Дааэ заметно приуныл. Кристина подумала, что знает, почему: его всегда пугала встреча с незнакомцами. Она наклонилась и с улыбкой прошептала: — А знаешь, мой друг владеет волшебством.

— Волшебством?

Она кивнула.

— Волшебством. Он может творить чудеса своим голосом; подожди — и сам увидишь. И у него есть особый секрет. И у меня тоже есть для тебя секрет, родной. Хочешь узнать, как его зовут?

Эрик-Дааэ кивнул.

— Его зовут Эрик, как и тебя. Видишь ли, когда ты родился, я полюбила тебя так сильно, что решила назвать тебя в честь моего друга и учителя, которого я тоже очень любила. Он мой самый любимый большой человек во всём мире. А ты — мой самый любимый маленький человек.

— И нас обоих зовут Эрик, — с удовольствием произнёс мальчик.

— Верно. И, может быть, когда-нибудь, если ты будешь очень хорошим мальчиком и не будешь так сильно дразнить няню, Эрик и тебя научит петь, как ангел. Ты хочешь завтра встретиться с месье Эриком?

Мальчик с нетерпением кивнул и зачерпнул ложкой побольше супа. Внезапно он о чём-то задумался, и ложка замерла на полпути ко рту.

— Вы сказали, что у большого Эрика есть секрет.

— Да, есть, — сказала Кристина. — Но об этом ты никому больше не должен рассказывать. Я тебе завтра скажу. А теперь — давай готовиться ко сну.

Кристина наслаждалась новизной ощущений — ей было непривычно самостоятельно готовить своего сына к укладыванию: как правило, всем этим занималась няня, после чего подавала ей накормленного, умытого и сонного малыша лишь для того, чтобы поцеловать перед сном. Однако сегодня она сама накормила, помыла и сама уложила в постель уже засыпающего ребёнка.

Юный Эрик-Дааз был рассудителен не по годам, однако во всех остальных отношениях он оставался совсем ещё малышом. Сейчас, лежа в кровати, он был похож на куклу с большими синими глазами и растрёпанными волосами.

— Маман, вы мне споёте?

— Что бы ты хотел услышать?

Он расплылся в улыбке:

— Спойте мне песню про бой быков!

Кристина рассмеялась.

— Хорошо, мой кровожадный маленький сын.

Она всегда надеялась привить сыну любовь к своей любимой опере, «Фауст», но он куда больше предпочитал волнующую жизнь матадора из «Кармен». Она пела эту арию тихо и намного медленнее, чем нужно, в надежде, что мальчик под неё уснёт.

Тореадор, смелее,
Тореадор, Тореадор!
Знай, что испанок жгучие глаза
В час борьбы блестят живей!
И ждет тебя любовь, тореадор,

Да, ждет тебя любовь!

Почти засыпая, Эрик приоткрыл один глаз — блеснула синяя щёлочка.

— Завтра побыстрее, маман, — попросил он.

Кристина усмехнулась. Его не обманешь.

— Да, дорогой. Завтра я спою её побыстрее. Спокойной ночи.

***

На следующий день в Опере Кристина была настолько радостной и оживлённой, что мадам Жири, проходя мимо репетиционного класса, где распевалась Кристина, окинула девушку оценивающим взглядом, после чего засунула голову в класс:

— Что сделало вас сегодня настолько счастливой, мадам де Шаньи? — спросила она с поддразнивающей беззубой улыбкой.

— Я встретила старого друга, мадам Жири, — ответила Кристина. — Кое-кого, кого я уже давно считала мёртвым, и вчера у нас состоялась очень приятная встреча.

— Да? И кто же это, мадам? — спросила мадам Жири, горя любопытством: она водила близкое знакомство с Кристиной почти все эти два года — с тех самых пор, как молодая графиня вернулась в Париж, — и не знала никаких «старых друзей», которых та могла бы иметь.

Кристина уже открыла рот, собираясь ответить (хотя не имела ни малейшего представления о том, что она собирается сказать), но была прервана громким тройным стуком.

Она нахмурилась. Мадам Жири с подозрением огляделась по сторонам.

— Здесь с вами кто-нибудь есть, мадам? — спросила она.

— Никого, насколько мне известно, — ответила Кристина.

Мадам Жири усмехнулась.

— Должно быть, это танцоры. Я на секунду даже вспомнила о Призраке Оперы! Он всегда именно так случал в дверь своей ложи, когда чего-нибудь хотел от меня.

— Вот как... — тихо сказала Кристина. Неужели Эрик прячется где-то в Опере?
— Может быть, он вернулся, чтобы развлечься парочкой трюков — просто по старой памяти? От него этого вполне можно ожидать, зная нашего Призрака Оперы...

Мадам Жири хохотнула:

— Ну уж нет! Он всегда был причиной каких-нибудь неприятностей, этот субъект. Так, однажды, я помню... — тут она остановилась и посмотрела на Кристину. Та, в свою очередь, изумлённо смотрела на неё.

— Вы знаете Призрака Оперы? — одновременно спросили они друг друга.

— Будьте уверены, уж я-то знаю. Кто, по-вашему, был смотрительницей его ложи все эти годы, когда он появлялся в нашей Опере? — сказала мадам Жири. — Разве не я принесла ему скамеечку для ног его дамы — тогда, несколько лет назад? А откуда вы знаете Призрака Оперы, мадам?

Кристина покраснела.

— Можете ли вы сохранить тайну, мадам Жири? Даже от директоров?

Мадам Жири кивнула:

— Конечно, мадам. Это будет далеко не в первый раз.

— Это я была дамой Призрака.

— Ах, я всегда это знала! — старушка восторженно улыбнулась. — Я с самого начала думала, что это были вы, особенно когда вы уехали с месье виконтом и Призрак исчез в то же самое время. Вы забрали его с собой, мадам?

Кристина покачала головой.

— Нет. Я думала, что Призрак покинул нас навсегда, однако вчера он неожиданно навестил меня.

— Ах, вот, значит, почему вы сегодня такая счастливая, — правильно догадалась мадам Жири.

Кристина покраснела.

— Да, поэтому. Только, пожалуйста, вы никому не должны об этом говорить, мадам. Даже малышке Мег.

Мадам Жири пренебрежительно отмахнулась:

— Тем, что я знаю об этом месте, но чего не знает моя дочь, можно заполнить книгу. Вы можете положиться на меня, мадам, я буду хранить ваши секреты так же, как много лет хранила секреты Призрака.

— Спасибо вам.

Мадам Жири ушла, и Кристина на несколько минут, пока не пришёл её ученик, оказалась предоставлена самой себе. Она вытащила нотный лист и только начала распеваться, как вдруг снова услышала стук. Резко замолчав, она посмотрела на потолок.

— Вы здесь, мой дорогой? — спросила она, улыбаясь. — Вы пришли, чтобы подслушивать, как я даю уроки?

Лёгкий и насмешливый голос Эрика прозвучал откуда-то из-под рояля:

— Я не смог устоять перед желанием приехать и посмотреть на ваши попытки научить этих маленьких жаб всему, чему я учил вас.

Улыбнувшись его играм с чревовещанием, Кристин нагнулась, заглядывая под рояль. Разумеется, там никого не оказалось. На этот раз голос Эрика прозвучал из её сумки с нотами:

— Конечно, если вы предпочитаете проводить свои уроки приватно, я всегда могу найти другие места в Опере, которые стоило бы навестить.

Кристина рассмеялась.

— Нет, нет, всё в порядке! Я лучше подержу вас рядом с собой, чтобы убедиться, что вы не начнете снова наводить ужас на дирекцию театра!

— Они этого заслуживают, — заметил Эрик, его голос прозвучал прямо за спиной Кристины. Она невольно обернулась, но никого не увидела. — Они по-прежнему не замечают природного таланта у себя под носом, отдавая предпочтение певцам настолько переученным, что от их природных голосов мало что осталось. У таких певцов, как Ла Карлотта и Каролус Фонта, осталась лишь репутация, благодаря которой их и рекомендуют. Директора предпочитают назначать на главные роли знаменитых певцов, а не тех, кто на самом деле умеет петь, — с отвращением произнёс он.

Кристина кивнула.

— Некоторые мои ученики подают определённые надежды, — сказала она. — Особенно тот, который придёт сейчас. Я рада, что вы здесь, Эрик; я бы хотела услышать ваше мнение о нём. Кажется, мы с ним зашли в тупик, я не знаю, как помочь ему подняться на следующий уровень.

— Я к вашим услугам, моя дорогая. И в этом, и во всём остальном, — бархатный голос Эрика прозвучал прямо возле её левого уха. Кристина быстро обернулась — и обнаружила рядом его самого. Эрик взял её руку и склонился, прижимая её к губам.

Она испуганно засмеялась, прижав руку к груди и унимая бешено бьющееся сердце.

— Очень бесцеремонно с вашей стороны — пугать меня вот так, — пожурела она его.

Он в ответ просто приподнял своё закрытое маской лицо и кивнул в сторону двери. Кристина обернулась к двери, но никого не увидела, а когда она повернулась обратно, Эрик уже исчез.

— Очень бесцеремонно, — пробормотала она, улыбаясь.

— Мадам де Шаньи? — спросила юноша, появившийся в дверях. — Вы что-то сказали?

— Э-э... Нет, Жан-Мишель. Заходите.

Урок пошёл как обычно, однако Кристина чувствовала разочарование Жана-Мишеля из-за отсутствия какого-либо прогресса с момента их последней встречи. Она применила все хитрости, которые помнила из собственных уроков — как с отцом, так и с Эриком, — но проблемы Жана-Мишеля отличались от того, с чем приходилось сталкиваться ей, и она не знала, как помочь ему выйти из этого тупика.

Вздыхнув, она отослала его к хормейстеру за другими нотами и, как только он вышел, обернулась к молчащей стене.

— Ну что? Вы видите проблему. Есть какие-нибудь предложения?

— Да, — ответил Эрик, его голос снова раздавался из её сумочки. — Достаньте отсюда верёвку.

Верёвку? У неё в сумке не было никакой верёвки. Нахмурившись, она засунула руку в сумку, вытащила оттуда короткую верёвку и вздохнула, покачав головой в притворном осуждении.

— Когда вы её сюда положи... ладно, не важно. И что мне делать с этой верёвкой?

Верёвка была длиной чуть меньше метра, её концы были связаны друг с другом так, что образовался круг.

— Пусть он во время пения растягивает её изо всех сил, — предложил голос Эрика из рояля.

Когда она обернулась к роялю, там никого не было, но тут в дверях снова появился Жан-Мишель. Она объяснила ему, что нужно делать с верёвкой, а затем начала играть одну из новых композиций, которые он принёс.

Разница была удивительна. Если раньше его голос имел приятный тембр, но был поверхностным, то теперь он звучал невероятно глубоко. Удовлетворённый и своей учительницей, и уроком, Жан-Мишель ушёл, широко улыбаясь.

— А теперь — откуда вы это знаете? — обратилась Кристина к потолку, ожидая прихода следующей ученицы.

— Ничего сложного, — произнёс невидимый Эрик из дверного проёма. — Голос певца является отражением его души. Месье Жан-Мишель — очень конфликтный молодой человек, как и большинство из них в его возрасте. Если вы дадите ему осязаемый символ конфликта, с которым он может бороться, пока поёт, это поможет ему очистить разум, и его голос тут же отразит эти изменения.

— Если голос певца является отражением его души, то это, безусловно, объясняет ваш голос, — поддразнила его Кристина. — Глубокий, многоуровневый, разносторонний, изменчивый, порой искажающийся...

Эрик хохотнул, звук исходил из дальнего угла комнаты:

— Осторожно, любовь моя, вы заставляете меня краснеть.

Остаток дня прошёл довольно сдержанно. Пару раз Эрик шептал кое-какие предложения на ухо Кристине, неслышимый её учениками, однако больше не появлялся до тех пор, пока последний из учеников не ушёл.

Уже складывая сумку, Кристина обернулась, чтобы забрать ноты, и едва не столкнулась с Эриком — он стоял прямо перед ней, высокий и элегантный в своём тёмном костюме и белой маске.

— Вы когда-нибудь перестанете пугать меня? — спросила она.

Эрик слегка склонил голову, обдумывая ответ, а затем отрицательно покачал ею:

— Нет, видимо, не перестану.

Он забрал её сумку, повесил себе на руку, а вторую руку предложил Кристине:

— Идём?

Кристина замешкалась, глядя на него.

— Вы теперь выходите на улицу прямо вот так, в маске? При дневном свете? — спросила она. Эрик, которого она помнила, был настолько осторожен, что выходил на улицу в основном лишь по ночам, независимо от того, надевал он на себя маску или цеплял фальшивый нос.

Он с небрежной элегантностью дёрнул плечом:

— Теперь, после войны, я уже далеко не единственный на улице человек с изуродованным лицом. Люди это замечают, но обычно не задают никаких вопросов. — Он взял шляпу с рояля (когда он успел её туда положить?), натянул её пониже на глаза и снова предложил ей руку.

Направляясь к выходу из оперного театра, они прошли мимо мадам Жири, которая как раз переходила из одной ложи бельэтажа в другую, протирая там зеркала. Она обернулась, увидела идущую под руку пару и восторженно прижала тряпку к груди, её лицо засияло. Она отвесила Эрику глубокий реверанс, Эрик в ответ слегка ей поклонился.

— О, сударь, как хорошо, что вы вернулись, — сказала она ему. — Вы теперь снова будете постоянно занимать свою ложу?

— Спасибо, мадам Жюль, пока не знаю. Поживём — увидим, — ответил Эрик с достоинством, но при этом дружелюбно.

— Я была так счастлива, сударь, когда мадам де Шаньи сказала, что вы вернулись. Дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится, господин Призрак, и я обязательно всё принесу.

Эрик снова поклонился.

— Спасибо, мадам. Вы сама щедрость, как и всегда.

Как только они вышли из здания, Кристина обратила к нему смеющийся взгляд.

— Вы когда-нибудь собираетесь сказать ей, что вы не призрак, а настоящий, живой человек?

— О, она знает, — отмахнулся Эрик. — Мадам Жюль Жири всегда была намного умнее, чем считают окружающие. Я был рад прочитать в ваших письмах, что вы с ней подружились.

Кристина улыбнулась и ничего не ответила. Гуляя с Эриком при свете заходящего солнца, она обнаружила, что люди, замечая его маску, действительно иногда приподнимают брови, но никто ничего ему не сказал. Когда они добрались до её квартиры, она позвала Аннеке.

— Эмн... Я не подумала, как вас представить, — смущённо пробормотала она своему спутнику. — Я ведь даже не знаю вашу фамилию, Эрик, не правда ли, как глупо с моей стороны?

— Вовсе не глупо, поскольку у меня её нет, — ответил он. — А что касается знакомства — думаю, стоит говорить так близко к истине, насколько это возможно. Это гораздо легче, чем следить за достоверностью лжи. Уж я-то знаю.

Аннеке прибежала из кухни.

— Да, мадам?

— Аннеке, это мой друг месье Эрик, он раньше был моим учителем пения. Он останется у нас на ужин. Сообщите, пожалуйста, об этом кухарке.

Аннеке сделала реверанс.

— Конечно, мадам. — Она слегка заколебалась, глядя на маску Эрика. В воздухе повисло напряжение.

Эрик выпрямился и пристально посмотрел ей прямо в глаза.

— Вы хотите задать вопрос, Аннеке? — спросил он, понизив голос.

— О! Простите, сударь... Мне просто интересно... Видите ли, сына хозяйки тоже зовут Эрик, и я подумала...

Кристина засмеялась, снимая напряжение.

— Да, я назвала его в честь своего учителя, потому что думала тогда, что мой учитель мёртв. А он, оказывается, вовсе не умер, и теперь пообещал снова учить меня пению. А сейчас, если не возражаешь, я бы хотела, чтобы ты пошла к кухарке и передала ей, что мы хотим поужинать в семь часов, а затем принеси нам

чай в гостиную. После этого, пожалуйста, поднимись в детскую и попроси няню привести Эрика-Дааэ к нам в гостиную — думаю, примерно на полчаса. И, Аннеке, не говори ей ничего про маску месье Эрика. Няня может раньше времени рассказать об этом Эрику-Дааэ, а я хочу сама всё объяснить сыну.

Услышав, что Кристина говорит о маске в такой сухой и прозаичной манере, Аннеке явно перестала испытывать неловкость по этому поводу. Присев в реверансе, она убежала исполнять поручение хозяйки. Когда Кристина провела Эрика в гостиную, он заметил:

— У меня возник резонный вопрос, *что именно* вы собираетесь рассказать сыну о моей маске? Предположим, он захочет увидеть моё лицо? Я не привык к маленьким детям, Кристина, обычно они и так меня боятся, им даже видеть меня для этого не обязательно. — Он положил сумку с нотами на рояль и продолжил: — Мне даже думать не хочется о том, чтобы искалечить психику вашего сына на всю оставшуюся жизнь. — Эрик говорил сухим тоном, однако в его голосе чувствовалась тревога.

— Предоставьте это мне, — Кристина повернулась к нему и взяла его ладони в свои. — Я знаю, что он научится любить вас. Я больше волнуюсь, что *вы* не сможете его полюбить, потому что он сын Рауля.

Это был первый раз, когда кто-то из них столько открыто затронул тему её брака — да и вообще коснулся одной из тех более серьёзных тем, о которых она писала в своих письмах. Именно поэтому Кристина смотрела на Эрика с определённым волнением.

Однако Эрик в ту самую ночь, когда читал её письма, уже решил, каким будет его ответ, когда она заговорит о своём браке. Читая о её жизни с Раулем, он уже достаточно покопался в своей душе и чувствах и пришёл к определённым выводам. Теперь он был спокоен. Эрик медленно заключил её в свои объятия, готовясь отпустить её в ту же секунду, если она проявит малейшее недовольство. Однако она охотно прильнула к нему — такая реакция до сих пор его удивляла.

— Имею ли я право укорять вас за этот брак, если это именно я отослал вас к нему? Могу ли я винить вас за то, что ваш муж осуществил свои супружеские права? Не имеет никакого значения, кто был отцом вашего сына, — он ведь всё равно ваш. — В его голосе послышался мягкий смех, когда он продолжил: — Я сомневаюсь, что даже де Шаньи мог испортить ребёнка, в котором течёт ваша кровь. Как я уже говорил вам вчера, я люблю в вас абсолютно всё. Уверен, что ваш сын тоже попадает в понятие «всего».

— Спасибо, Эрик, — сказала Кристина. Она откинула голову назад и привстала на цыпочки, чтобы приподнять маску и подарить ему краткий, но искренний поцелуй.

Первый поцелуй перерос в следующие, как вдруг звук шагов в коридоре заставил их отпрянуть друг от друга. К тому времени, как Аннеке открыла дверь и вошла с чайным подносом, Эрик уже сидел за роялем, а Кристина с невинным видом раскрывала папку с нотами. Эрик начал играть, пока Аннеке разливала чай.

— Спасибо, Аннеке, дальше я сама, — сказала Кристина. Когда горничная ушла, они с Эриком посмотрели друг на друга, словно пара нашкодивших детей, и рассмеялись.

Эрик красиво смеялся; Кристина никогда раньше этого не слышала. Время от времени от него можно было услышать циничный смешок, однако весёлый Эрик, свободно смеющийся в её присутствии, — это было что-то новое. И это новое ей очень понравилось.

— Пожалуй, сейчас нам лучше ограничиться чаем и музыкой, — ровным тоном заметил он. — Иначе мы можем закончить тем, что спровоцируем скандал среди ваших слуг.

Покраснев, Кристина согласилась и принесла ему чай.

— Расскажите мне о своём сыне, — попросил Эрик, отставив чашку на стол и продолжив рассеянно наигрывать какой-то весёленький мотивчик. Кристина подозревала, что он сочинял его прямо на ходу, даже не задумываясь.

Она придвинула стул к роялю и села рядом. Сделав глоток чая, она задумалась.

— Он очень стеснительный, — начала она. — Ему требуется много времени, чтобы привыкнуть к другим людям. Он любит музыку, и даже оперу, но каких-либо способностей к ней ещё не проявляет. Хотя об этом судить ещё слишком рано — ему даже трёх лет ещё нет, хотя когда он говорит, то кажется старше.

— Какие оперы ему нравятся?

Кристина улыбнулась.

— «Кармен». Он в восторге от корриды.

Эрик как-то странно наклонил голову, и Кристине показалось, что он поморщился под маской.

— Бизе? — презрительно спросил он. — А что насчет Гуно? Моцарта? «Дон Жуан», «Волшебная флейта»?

Она покачала головой.

— Нет, он в основном любит Бизе.

Эрик вздохнул.

— Это, несомненно, влияние де Шаньи. — Он закончил свою мелодию и сделал паузу, чтобы дать отдохнуть рукам и размять запястья. — Мне потребуется пара недель, — извинился он. — Кавех уверял, что пианино нам в квартире не понадобится, поскольку мы не собирались надолго оставаться в Париже. Хотел бы я посмотреть, сможет ли он протянуть без воздуха столько времени, сколько заставил меня обходиться без фортепиано, — мрачно сказал он.

— Вы всегда можете приезжать и пользоваться моим, в любое время, когда захотите, — предложила Кристина. Она допила чай и отставила чашку.

Жёлтые глаза сверкнули.

— Будьте осторожны со своими предложениями, Кристина, я ведь могу поймать вас на слове.

Она встала и подошла к нему, положив руку ему на плечо.

— Эрик, я буду рада видеть вас в любое время, когда вам будет угодно.

Он снял её ладонь со своего плеча и на мгновение прижал к своей щеке под маской, после чего отпустил её и сменил тему:

— Что бы вы хотели услышать, моя дорогая?

— Что-нибудь из вашего. — Кристина отошла на пару шагов и встала возле рояля.

— Хорошо. — Эрик закрыл глаза и на мгновение застыл, будто в молитве, а затем разразился звонкой, взлетающей ввысь мелодией, от красоты которой захватывало дух, пока он не добавил низкую, диссонирующую гармонию. Кристина закрыла глаза, чтобы лучше услышать, как диссонанс постепенно поднимается ввысь, а лёгкая мелодия опускается — пока они не встретились в середине. После долгой паузы Эрик начал вторую часть, которая оказалась вариацией первой мелодии, но на этот раз с очень напряжённой, сложной гармонией. Это песня о любви, внезапно осознала Кристина, открыв глаза. Более того, это *его* песня о любви *к ней*. Взгляд Эрика не отрывался от её лица, когда он передавал ей через музыку все свои мысли о прошлом и надежды на будущее.

— Это было прекрасно, Эрик, — произнесла она, когда в комнате воцарилась тишина. Её голос слегка дрожал.

У Эрика засветились глаза, он начал было подниматься к ней, но тут раздался стук. Няня — полная, румяная женщина в белом фартуке — открыла дверь.

— Ваш сын, мадам. Аннеке сказала, что вы просили его привести. — Она открыла дверь пошире, и маленький Эрик-Дааэ оглядел комнату огромными, испуганными голубыми глазами.

— Эрик-Дааэ! Входи, дорогой, — счастливо сказала Кристина. — Спасибо, няня, вы можете идти. Я позову вас, когда надо будет его забрать.

Няня легонько подтолкнула мальчика, чтобы он зашёл в комнату, после чего закрыла за собой дверь.

— Эрик-Дааэ, иди сюда, — сказала Кристина. — Я хочу поговорить с тобой пару минут, прежде чем ты познакомишься с моим другом.

Не отрывая глаз от сидящего за роялем незнакомца в маске, мальчик нырнул в объятия матери и прижался к ней. Эрик отвернулся к роялю и снова начал наигрывать тот самый весёлый мотивчик, который звучал во время их разговора несколько минут назад.

— Ты помнишь, мы вчера вечером разговаривали, и я рассказала тебе о моём учителе? Так вот, это и есть месье Эрик, человек, который научил меня, как надо петь. Он может своим голосом творить чудеса. Может быть, попозже вечером он тебе что-нибудь из этих чудес покажет. Ты этого хочешь?

Осторожный кивок.

— А видишь его маску?

Ещё один кивок, нерешительность постепенно уступала место любопытству.

— Это часть его тайны. Помнишь, я тебе говорила, что у месье Эрика есть секрет?

На этот раз кивок был более энергичным. Ребёнок, судя по всему, был не защищён от любопытства.

— Его секрет — это его лицо. Видишь ли, лицо месье Эрика не похоже на лица других людей. Его лицо настолько необычно, что он — единственный человек в мире, у кого есть такое лицо.

Эрик-младший уставился на Эрика-старшего откровенным любопытствующим взглядом. Тот продолжал играть, напряжённо слушая их разговор, но со стороны казалось, что он совершенно не обращает внимания на маленького мальчика.

Хотя сын Кристины сумел задеть струны его души; не считая тёмных волос, он выглядел в точности как Кристина. Эрик представил себе Кристину маленькой девочкой с широко раскрытыми синими любопытными глазами — и не мог не улыбнуться при этой мысли. Он неожиданно понял, что в то время, когда Кристина была в возрасте Эрика-Дааэ, ему самому было уже далеко за двадцать, он жил в Персии и за деньги пускал в ход пенджабское лассо. Острый укол сожаления заставил его на мгновение запнуться, но от тут же возобновил игру.

Кристина тем временем продолжала:

— Месье Эрик носит маску, потому что люди порой не знают, как реагировать на такое необычное лицо, как у него. Я помню, как я сама удивилась, когда впервые его увидела. — В её голосе звучала ностальгия, когда она рассказывала сыну: — Мне было настолько любопытно, что у него под маской, что в тот момент, когда мы вместе пели, я протянула руку и сорвала её! И это было очень грубо с моей стороны. Месье Эрик очень разозлился, а я сильно пожалела, что была такой жестокой.

Она послала Эрику виноватую улыбку, и тот, не прерывая игры, коротко кивнул в ответ.

— Некоторые люди даже пугаются, когда видят лицо Эрика, потому что он очень сильно от них отличается, — продолжала она. — Но на самом деле его совершенно не надо бояться; он просто необычный, вот и всё. Ты хочешь с ним сейчас познакомиться?

— А я смогу увидеть его необычное лицо?

— Спроси это у него самого. Хотя... милый, он хорошо знает оперы, и если ты попросишь, он тебе что-нибудь сыграет.

Эрик-Дааэ соскользнул с колен матери и подошёл к роялю. Он пристально смотрел снизу вверх на Эрика, пока тот не закончил играть и не повернулся к нему.

— Эрик, это мой сын, Эрик-Дааэ, — официально представила их друг другу Кристина, хотя в этом и не было необходимости.

— Здравствуй, — Эрик серьёзно поприветствовал малыша.

— Вы знаете оперы? — спросил Эрик-Дааэ.

— Да, знаю.

— А «Песню Тореадора» знаете?

Эрик с весельем глянул на Кристину и начал играть. Он взял на себя партию Эскамильо, а Кристина стала петь Кармен, хотя эта партия была для неё низковатой и не особо ей нравилась; остальные партии они пели вместе. Раньше Кристина всегда опускала середину сольной арии Эскамильо, в которой коррида описывалась во всех кровавых подробностях. Закончили песню они вместе.

Эрик-Дааэ был в восторге. Его мать никогда раньше не пела эту часть! На последних строках он присоединился к ним, хлопая на каждом слове.

— Вы именно этого хотели, юный Эрик-Дааэ? — спросил Эрик.

Малыш, сияя, энергично кивнул. Он взобрался на скамейку рядом с Эриком, а затем перелез к нему на колени.

Кристина открыла рот. Эрик-Дааэ никогда не вёл себя настолько раскованно с незнакомыми людьми.

Эрик был ошарашен. Что он должен делать с этим ребёнком на коленях? Он нерешительно протянул руки к клавиатуре, заключая мальчика в невольные объятия, и снова начал играть.

— А хочешь сыграть эту песню вместе со мной? — спросил он.

Эрик-Дааэ кивнул.

Эрик взял ладошку мальчика в свою и раскрыл его пальцы. Затем положил маленькую ручку Эрика-Дааэ на клавиатуру, с весельем отметив, что мальчик может охватить только три или четыре клавиши. Что ж, по большому счёту, большего для этого песни и не потребуется. Нажимая по очереди на пальчики Эрика-Дааэ, Эрик стал брэнчать узнаваемый мотив.

— Так, а эту мелодию ты знаешь?

— Да! «Sur le Pont d'Avignon»! (2) — воскликнул малыш и посмотрел на мать: — Маман! Я могу играть!

— Я вижу, милый. Это было чудесно, — поаплодировала Кристина.

Внезапно Эрик-Дааэ посмотрел на маску Эрика.

— А можно мне увидеть ваше необычное лицо, месье? — спросил он.

Эрик замер. До сих пор ребёнок хорошо к нему относился, но он знал, что стоит только юному Эрику-Дааэ увидеть его лицо, как он с криком убежит к матери. Эрик в панике посмотрел на Кристину.

Она в ответ просто улыбнулась.

Эрик вздохнул. Что ж, всё хорошее когда-нибудь кончается.

— Хорошо, юный сударь, — сказал он, протягивая руку к завязкам маски. — Но вы должны пообещать никому не рассказывать о моём лице. Вы сможете сохранить это в тайне?

— Да, месье.

Эрик приготовился услышать вопли ужаса, развязал маску и обнажил своё лицо.

Глаза Эрика-Дааэ расширились, а рот потрясённо приоткрылся. Он заметил, что у Эрика нет носа, и невольно протянул руку, чтобы потрогать свой собственный.

Эрик ожидал детского плача в любую секунду. И был весьма удивлен, когда Эрик-Дааэ потянулся любопытной рукой к его лицу, чтобы пощупать очертания скул. Крошечные пальцы двигались по его выступающему лбу, по тому жалкому недоразумению, что заменяло ему нос, и ниже — к уродливым губам. Один палец оказался чрезмерно близко к его правому глазу, и Эрик отпрянул, чтобы избежать попадания в глаз.

— Что скажешь, Эрик-Дааэ? — тихо спросила Кристина. — Разве его лицо не особенное?

Мальчик энергично кивнул:

— Да, маман! — Он снова пощупал своё собственное лицо: маленький прямой носик, гладкий лоб. После чего с лёгким недовольством спросил: — А почему моё лицо получилось не таким?

— Если бы у других людей были такие лица, как у месье Эрика, то он бы не был особенным, — прозвучал разумный ответ Кристины. — Он — единственный человек в мире, который выглядит вот так.

Этот ответ, судя по всему, удовлетворил её сына, а в силу юного возраста он уже вскоре потерял интерес к лицу Эрика. Соскользнув с его колен, Эрик-Дааэ подошёл к матери.

— Маман, я хочу есть, — заявил он.

Кристина, улыбнувшись, позвала няню, чтобы та забрала его и накормила ужином.

— Ну что ж, кажется, всё прошло довольно хорошо, — оживлённо сказала она, как только её сын ушел.

Эрик, снова тщательно спрятав лицо под маской, согласился.

— Я понятия не имел... — он замолчал, покачав головой. — Почему он меня не испугался? Люди всегда меня боятся. Особенно дети. Дети всегда боятся моей головы мертвеца.

— Ну, он ещё маленький. И ему пока ещё не с чем сравнивать ваше лицо, — заметила Кристина. — Он никогда не видел мертвецов.

Он кивнул.

— Тем не менее, я ожидал истерики. Её отсутствие оказалось приятнейшим сюрпризом. — Он оторвался от клавиш, и Кристина увидела следы слёз, скатывающихся из-под маски. — Он замечательный, Кристина. Вы сегодня очень хорошо его обработали, моя дорогая.

— Вы сами очень хорошо его обработали, — сказала она. — Я видела, что в его глазах, когда он смотрел на вас, горело преклонение перед героем, — поддразнила она, желая разрядить обстановку.

Это сработало. Эрик усмехнулся.

— Спел ему немного из Бизе — и стал для него героем? Должно быть, кровь де Шаньи оказывает куда большее влияние, если он столь легко внушаем. — Его жёлтые глаза сверкнули.

— Ну, не знаю. Возможно, он унаследовал это от меня. Я, как известно, тоже была очень легко внушаема в своё время, — ехидно ответила Кристина. — Я когда-то приняла мужчину за ангела только потому, что он пел через стены моей гримёрной!

Эрик рассмеялся.

— Тушэ, — сказал он.

---

(2) «Sur le Pont d'Avignon» — французская детская песенка про мост в Авиньоне, известная ещё с XV века. (Прим. пер.)

Ужин вышел ужасно неловким. Из-за присутствия Аннеке, прислуживающей им за столом, Эрик не мог снять маску. Он осторожно приподнимал её нижний край для каждого глотка, стараясь во время еды не показывать слишком большой участок лица.

Хотя Аннеке, судя по всему, хотела загладить своё поведение при знакомстве и была к нему очень предупредительна. «Ещё вина, сударь?», «Не хотите ли побольше картофеля, сударь?». Кристина была довольна служанкой и с трудом скрывала улыбку.

После ужина они вернулись в гостиную, и Кристина спросила:

— Вы многое обо мне знаете, поскольку читали мои письма, но я очень мало знаю о вас — совсем чуть-чуть о вашей жизни до нашего знакомства и вообще ничего после того, как мы расстались. Вы не расскажете мне?

Тогда Эрик рассказал ей о своём детстве, которое он провёл в одиночестве, в компании лишь наёмной служанки, будучи заточённым в дальнем крыле дома родителей неподалёку от Руана. Мать навещала его один раз в неделю или около того, а отец вообще никогда не появлялся.

Когда ему было девять лет, рассказывал Эрик, его мать умерла, и даже тогда к нему никто не пришёл. Единственным человеком, которого он видел, была служанка, которая всегда была в ужасе от его демонической внешности; Эрик провёл с ней наедине почти год. Но однажды она сделала ошибку, используя плетё, чтобы попытаться изгнать демона из его плоти, и он оттолкнул её от себя. К сожалению, в этот момент они находились на верхней ступени лестницы; старая служанка упала вниз и погибла.

Испугавшись, Эрик убежал. В город пришли цыгане, и он, очарованный их музыкой и лёгкими нравами, сбежал с ними. Показывая себя за деньги, он путешествовал с ними четыре года, обучаясь их трюкам, языку и музыке.

А потом цыгане поехали назад, в район Руана, и Эрик, опасаясь показывать своё лицо так близко от места своего рождения (где, он был уверен, ходило про него много слухов), вновь сбежал и направился на восток.

Весь следующий год он провёл, скитаясь с места на место. Сначала он бродил от ярмарки к ярмарке, показывая лицо за деньги и приобретая все полезные навыки, какие только мог. Как только он слышал о ком-либо, кто обладал выдающимся мастерством архитектора, каменщика или музыканта, так сразу же отправлялся в нужный город. Он находил особое удовольствие, изучая мастерство каменщика, поскольку в детстве ему сказали, что его отец был каменщиком по профессии.

Получив новые навыки, он отправлялся дальше. Некоторое время спустя он прекратил показывать себя за деньги и начал зарабатывать уже своими талантами.

Будучи подростком, он оказался в России, где его схватили несколько беглых английских солдат. Они его истязали, как зверя. Эрик не стал подробно рассказывать об этом происшествии Кристине, упомянув лишь, что случившееся оставило шрамы и на его теле, и в его душе. Спасли его цыгане: услышав, как он напевает под нос цыганские песни, они поняли, кто он такой.

Предводитель цыган, предками которого были вожди кланов из индийского Пенджаба, оказался экспертом в использовании пенджабского лассо. Он научил Эрика обращаться с ним. Эрик оставался с цыганами столько, сколько потребовалось, чтобы как следует освоить лассо, после чего отыскал каждого из той восьмёрки солдат и задушил их.

Лассо стало его излюбленным оружием, и вскоре в искусстве владения им он опередил своего учителя.

Рассказывая об этом, он старался не встречаться со взглядом Кристины, и его ровный, низкий голос ни разу не дрогнул. Он чувствовал странное облегчение, рассказывая ей об ужасах своего прошлого, которое держал внутри себя на протяжении стольких лет. Он начал понимать, почему религиозные люди ходили на исповедь.

Кристина крепко держала его за руку даже тогда, когда он рассказывал об удушениях.

Вместе с цыганами он путешествовал по Индии, а ближе к двадцати годам оказался в Персии. И вот там он быстро покатился по наклонной. В первый раз он убил не одного человека, а сразу восемь, поэтому для него не составило никаких затруднений убить и девятого... а там и десятого, и следующих. В Персии он занимал высокое положение, став — помимо всего прочего — ещё и придворным архитектором. Именно тогда он познакомился с Кавехом. Он подружился — настолько, насколько это было разрешено мужчине, — с любимой дочерью султана. Она была обручена, но ещё не вышла замуж и всё ещё жила во дворце отца. Ей было скучно. Эрик развлекал её беседами (при этом оба они всегда закрывали свои лица, а рядом присутствовали гигантские евнухи-телохранители), а когда ей и это наскучило, он показал ей свои навыки по умерщвлению людей. Когда эти его таланты обнаружил шах, Эрик стал убивать за деньги. Именно тогда, по настоянию кровожадной маленькой султанши, он впервые начал убивать ради развлечения. К этому моменту последние угрызения совести уже давно перестали его мучить.

Эрик рассказал о том, как Кавех спас его жизнь, когда дворец был закончен и шах приказал казнить архитектора, и о своём последующем побеге в

Константинополь. Находясь в Константинополе, он стал сильно тосковать по Франции и в конце концов отправился обратно на родину. Там он почти год работал обычным строительным подрядчиком, пока одно из его сооружений не попало на глаза молодому архитектору, который выиграл конкурс на строительство нового оперного театра.

Став помощником Гарнье, Эрик помог спроектировать и построить Парижскую оперу. Когда Париж оказался во власти Коммуны, он ухитрился внедриться в руководство коммунаров, что дало ему возможность продолжить работу над своей любимой Оперой. Он построил себе дом на пятом подвальной этаже, и, когда Коммуна распалась, а коммунаров начали арестовывать, он укрылся там. В своём подземном доме он тихо сидел несколько лет, зная, что за связь с коммунарами его немедленно арестуют, если только найдут. Жандармов не волновало, что он не верил в дело Коммуны и использовал коммунаров лишь для собственной выгоды, — если бы его нашли, его бы казнили вместе с ними.

Эрик планировал провести остаток своей жизни там, в подвалах Парижской оперы. Он не хотел, чтобы его снова увидели, он больше не хотел иметь ничего общего с другими людьми. Лишь одно он хотел испытать в своей жизни, наполненной болью: один раз — лишь один раз! — он мечтал побыть с женщиной.

Он путешествовал по всей Европе, но самое близкое его общение с женщиной заключалось в том, чтобы демонстрировать трюки чревоущия маленькой султанше, и при этом между ними всегда стоял массивный евнух. У него не было иллюзий относительно своей способности привлекать женское внимание; несколько раз он пытался — но безуспешно. Его постоянно окружала аура угрозы и опасности, которая пугала всех женщин, подходящих к нему ближе, чем на два метра. Обычно они тут же отстранялись от него с испуганными взглядами.

Однако в кошельке у него были деньги — и он жил в Париже, в конце концов. Эрик решил, что без проблем сможет просто-напросто купить женскую благосклонность, о которой давно мечтал, но всё вышло совершенно не так, как он планировал.

Его голос дрожал от стыда, когда он открывал Кристине ту часть своего прошлого, которой стыдился больше всего и которая привела его и без того пошатнувшийся разум в состояние полного безумия. Он уже выжег дотла свою совесть всеми совершёнными убийствами, но в остальном он оставался относительно здоровым. Однако после первого и единственного опыта с женщиной его и без того слабые связи с реальностью порвались за пару лет.

Первая женщина, к которой он подошёл, вначале согласилась, но затем потребовала, чтобы он показал своё лицо, прежде чем оказать ему свои услуги. Эрик отказался и нашёл другую женщину.

Вторая согласилась. Дождавшись, пока он окажется в незащищенном состоянии, она сорвала маску с его лица. Эрик в ярости впечатал её в стену. Она в страхе отступала от него, называя его дьяволом, и бросила в него свои четки. Эрик ловко перехватил их в воздухе и начал приближаться к ней, всё ещё рыча от ярости. Тогда она набросилась на него — его лицо до сих пор носило на себе следы её ногтей. Наконец, придя в полное иступление от унижения и кровожадного бешенства, Эрик задушил женщину её же четками.

Эта смерть мучила его больше, чем любая другая, поскольку ему пришлось убить женщину при помощи её же собственного символа веры, а не своим лассо. Эрик избавился от её тела и сам был близок к тому, чтобы присоединиться к ней в Сене. Однако в последний момент решил, что жить дальше будет куда более страшным и вполне заслуженным наказанием. Поэтому он побыстрее завершил последние дела, которые удерживали его наверху.

После чего скрылся под землёй, как животное.

Больше он никогда не осмеливался подойти к женщине. Он кричал, изливая свои страдания Всемогущему, но раскаяние не помогало ему выбраться из чёрной ямы депрессии. Эрик боялся, что Бог, даже если Он существует, не станет обращать внимание на угрызения совести человека, который убил женщину её же четками. Со временем стыд Эрика по поводу этого поступка постепенно угас, сменившись горечью.

Он изливал свои чувства в любимую оперу «Дон Жуан Торжествующий», вкладывал туда всю свою жизнь, наполненную болью — болью, которую причиняли ему те, кто ненавидел его за вещи, над которыми он был не властен, — и десятилетиями горечи, греха и отчаяния.

У него осталось мало четких воспоминаний о том времени, спокойно сказал он Кристине. Ему не хотелось вспоминать чудовище, как называл его даже лучший друг Кавех. Сейчас всё это казалось каким-то расплывчатым пятном — все эти убийства, угрозы, шантаж... Он терпеть не мог вспоминать о том, как он обращался с Кристиной, — ложь, запугивания, похищения и манипулирование. Если бы он мог что-нибудь изменить в последних двенадцати годах своей жизни, он бы оставил Кристину в покое и никогда не обращал на неё внимания. Он не принёс ей ничего, кроме страданий, и осквернил любимую часть той темноты, что заполняла его душу.

— Во всей этой тьме вы были для меня единственным лучиком света. Я забыл многое из тех лет, но я помню каждую нашу встречу, каждый разговор. Даже те, которых стыжусь больше всего. Поверьте, я не хотел причинить вам никакого вреда, но с моим образом жизни и характером это было, наверное, неизбежно.

Сидевшая рядом Кристина серьёзно слушала его рассказ и молча держала его за руку.

Эрик решил, что сейчас она снова его оттолкнёт и предаст, его голос стал более жёстким:

— Так что же вы думаете обо мне сейчас, моя дорогая?

Кристина догадывалась, что прошлое Эрика было наполнено насилием, но до какой степени — этого она не знала. Она вдруг осознала, как ей невероятно, несказанно повезло, что он не убил её в тот момент, когда она впервые сорвала с него маску. Все эти его загадочные ремарки и наполненные горечью предупреждения о «любопытных женщинах» лишь сейчас обрели смысл в свете того, что он рассказал ей о проститутке. Даже то, как он царапал своё лицо её ногтями — одно из наиболее ужасающих воспоминаний о том времени, — теперь легко объяснялось его прошлым опытом, потому что именно это с ним и сделала та проститутка. Его история была самым мрачным и ужасным из всего, что она когда-либо слышала, но теперь благодаря ей Кристина могла отчётливо увидеть его боль, стыд и почти осязаемое горе из-за того, что она с ним сделала... как и его отчаянное желание быть прощённым. Если уж она смогла простить ему те преступления, которые он совершил по отношению к ней, то сможет простить и другие злодеяния — и ту женщину, и других людей, которых он убил.

Глаза Кристины наполнились слезами, скрыть которые она и не пыталась. Она ответила:

— Эрик, как я уже сказала вам много лет назад, я считаю, что вы самый несчастный и самый благородный из мужчин.

— Но вы до сих пор не сказали, что любите меня, — с горечью заметил он.

— Я люблю вас, Эрик, и сейчас, пожалуй, даже больше, чем когда-либо, потому что вы позволили мне лучше вас узнать.

— Но как? — спросил он. — Как вы можете любить вора? Чудовище? Убийцу женщин?

Она беспомощно пожала плечами.

— Любовь моя, я не имею права судить вас за прошлое, и я никогда не считала вас чудовищем. То есть, по крайней мере, — добавила она, заставляя себя быть до конца честной, — не очень долго.

Да, она была в ужасе после того, как сорвала с него маску, но этот страх продолжался лишь до тех пор, пока Эрик не начал играть своего «Дон Жуана

Торжествующего». Его музыка, наполненная болью и мукой, заставила её сделать первый шаг на пути к пониманию. Так же, как и услышанное сегодня рациональное объяснение той мрачной реке безумия, которое охватило его после всех совершённых преступлений.

Эрик заплакал. Он соскользнул с дивана и встал на колени перед Кристиной, зарывшись лицом в её юбки. Кристина развязала его маску, чтобы гладить его по редким волосам, пока он рыдал у неё на коленях, оплакивая долгие годы своих страданий. Она легонько погладила его по плечам, рассеянно отметив, что они стали намного более мускулистыми, не такими, какими она их запомнила: тонкими и костлявыми, как птичьи крылышки.

Наконец Эрик успокоился и вытер слезящиеся глаза, используя маску вместо носового платка.

— Сможете ли вы простить меня за то, что я сделал?

— Это не я должна вас прощать, Эрик. Возможно, вам следует как-нибудь сходить к священнику и исповедоваться ему; мне же вас прощать не за что.

— Все священники — алчное вороньё. Мне нужно знать, сможете ли вы простить меня! — Всё ещё стоя на коленях, он поднял к ней своё обнажённое лицо. — Сможете ли вы посмотреть Эрику в лицо и сказать ему, что вы прощаете его за прошлое? — спросил он дрожащим от рыданий голосом. Эрик по старой привычке называл себя в третьем лице, когда чувствовал, что недостойн называться настоящим человеком.

— Да, мой дорогой. Я вас прощаю. — Она стойко выдержала его взгляд.

— Можете ли вы сказать ему, что любите его? — спросил Эрик, отчаянно сжимая её руки.

Кристина печально улыбнулась тому, что он снова использовал обращение в третьем лице, прекрасно зная, что таким образом он пытается дистанцироваться от своей человечности. Она протянула руку и погладила его по впалой щеке.

— Я люблю вас, Эрик.

Он закрыл глаза и, не смея дышать, задал следующий вопрос:

— Можете ли вы сказать ему... — но тут он покачал головой и умолк. — Нет, нето.

— Что, любовь моя?

Он снова покачал головой.

— Нет... нет, не надо. Я слишком многого прошу. — Он снова опустил голову, словно стыдясь.

— Эрик, пожалуйста, не закрывайся от меня. Что ты хотел спросить? — настаивала Кристина.

Он расправил свои худые плечи, как будто пытался приободриться, откашлялся и снова посмотрел на неё.

— Скажи, что ты выйдешь за меня, — сказал он. Теперь он уже не говорил о себе в третьем лице.

Это был уже не столько вопрос, сколько требование, вызов. Никаких обращений в третьем лице, никакой дистанции — только лишь мужчина, делающий предложение любимой женщине...

Лицо Кристины засветилось от радости, когда она приняла вызов:

— Я выйду за тебя замуж, Эрик.

...и принимающий её ответ.

Даже не став тратить время на то, чтобы подняться с колен, Эрик стащил Кристину с дивана прямо в свои объятия. Стоя на коленях, они цеплялись друг за друга и плакали вместе, смешивая слёзы и поцелуи — как уже делали когда-то раньше. Однако на этот раз не было обещаний умереть, не было душераздирающего расставания; была только уверенность в жизни, которую они проведут вместе.

Глава 11. Надежды и будущее

Этим вечером Эрик уходил из квартиры Кристины с такой лёгкостью на сердце, что ему казалось, будто он вот-вот взлетит. Он знал, что не сможет уснуть; он не мог вернуться домой, потому что ему было просто необходимо спеть. Если он не споёт, то взорвётся. Было только одно место, куда он мог пойти.

К тому моменту, когда он достиг улицы Скриба, Эрик уже едва ли не бежал. Он больше не носил с собой огромный железный ключ, которым открывалась потайная боковая дверь в Оперу, но ему потребовалось не много времени, чтобы взломать замок и спуститься к своему бывшему дому.

Внутри было пыльно и затхло. Эрик зажёл газовый рожок и принялся очищать и настраивать орган. Здесь не было видно следов присутствия мышей, но из-за воздействия пыли и сырости инструмент был грязен и ужасно расстроен. Эрик

провозился с ним большую часть ночи, но в конце концов всё было закончено, и Эрик, трепеща от предвкушения, сел играть.

Ах, он уже и забыл, какое блаженство, какую свободу давала ему игра на органе! Множество клавиш, рычажков и педалей — он оказался на небесах. Даже не осознавая этого, Эрик начал со своего «Дон Жуана Торжествующего» — и вдруг понял, что опустошающая боль и отчаяние этой музыки больше ему не подходят. Впервые за долгие годы его сердцем владели надежда и радость. Ему пришлось на ходу менять мелодию, чтобы это отразить, и в итоге он провёл за игрой и пением в подвале всю оставшуюся часть ночи.

Уже перед рассветом Эрик потёр уставшие глаза и огляделся вокруг так, словно только что очнулся от оцепенения. «Дон Жуан Торжествующий» всё-таки не завершён, подумал он про себя. Мне необходимо сочинить вторую его часть — «Дон Жуан Спасённый»!

Но его старый дом пришёл в упадок, и это его отвлекало. Здесь на протяжении пяти лет не было ни души, вокруг царил беспорядок, всё было покрыто пылью. Эрик принялся ходить по дому и слегка прибираться: поставил книгу на полку, повесил упавший на пол плащ, подобрал и сложил разбросанные по полу бумаги.

В шкафу он нашёл вещь, о которой совсем забыл. Взяв с полки небольшой кусок раскрашенной резины, Эрик рассмеялся.

Он вспомнил, как хвастался Кристине много лет назад, что сделал маску, благодаря которой сможет походить на любого другого человека. С тех пор столько всего произошло, что это воспоминание начисто стёрлось из его памяти, особенно после того, как он вполне успешно вернулся в общество людей, пряча лицо под своей обычной маской из белого шёлка. Люди в той маленькой деревушке в Провансе считали его просто богатым чудаком, а парижане были слишком вежливы, чтобы вслух обращать на это внимание. Эрик уже давно обнаружил: если он сам воспринимает маску как нечто само собой разумеющееся, не придавая этому особого значения, то другие люди, как правило, поступают точно так же.

Улыбаясь, он отнёс резиновую маску в ванную и смыл с неё пыль. Дождавшись, пока она высохнет, он снял белую шёлковую маску и зафиксировал на лице резиновую. После чего скрепил тонкие завязки на затылке и прикрыл их волосами.

В кои-то веки ему захотелось посмотреться в зеркало.

Эрик повернулся и оглядел комнату. Увидел гроб и поморщился. Неужели он на самом деле был настолько ненормален? Воспоминания о его психическом расстройстве — то, как им владели парализующий страх и убийственная ярость,

как он забился сюда, в подвалы, словно крыса в клетку, — привели его в смущение.

Неважно. Переезд с Кавехом в Прованс уже изменил его к лучшему, и теперь настало время для следующего шага. Эрик подошёл и взялся за один конец гроба. Тот оказался тяжёлым, но Эрик всегда отличался силой, а после восстановления здоровья стал ещё сильнее, чем он и воспользовался. У него не возникло никаких проблем с тем, чтобы вытащить гроб из дома. Только вот что с ним делать?

Ха. Это же *его* гроб. Легонько улыбнувшись своим мыслям, Эрик загрузил гроб в лодку и направил её вдоль берега, пока не доплыл до маленькой пещеры, где они с Кавехом установили надгробие. Вытащив гроб из лодки, он перенёс его в пещеру, оставив рядом с могильным камнем. Эрика позабавила идея оставить пустой гроб рядом с надгробием, на котором красовалось его имя. Возвращаясь в свой дом, он испытывал удовлетворение, думая о символизме этого поступка. Эрик, который жил под Оперой и спал в гробу, был мёртв; теперь здесь находился новый Эрик, стоявший на пороге новой жизни.

Неожиданно почувствовав усталость, он засунул белую шелковую маску в карман, прекратил уборку и вернулся к лодке. Переправившись через озеро, он начал долгий путь обратно на поверхность.

На улицах было ещё мало людей, но те, что встречались ему по пути, не обращали на Эрика никакого внимания. Он довольно улыбался, а ещё больше обрадовался, когда один встречный джентльмен поприветствовал его кивком.

Когда Эрик пришёл, Кавех снова только-только садился завтракать. Увидев высокого незнакомца, который без предупреждения вошёл в их столовую, он вскочил на ноги и начал возмущаться:

— С-сударь! Кто вы... что... кто вы такой?

— Успокойся, Кавех, это я, — обронил Эрик. — Нравится моя новая маска?

Кавех ошарашенно сел, уставившись на него. Новая маска закрывала лишь центральную часть лица Эрика, оставляя его лоб и подбородок открытыми. Теперь у Эрика появился красивый аристократический нос, а его впалые щеки скрывались под новыми — правильно сформированными, округлыми. Маска заканчивалась чуть ниже носа и была сделана таким образом, чтобы свести к минимуму деформацию верхней губы. Нижняя губа была искорежена не так сильно, поэтому до неё маска не доходила. Одним из достоинств внешности Эрика всегда были его зубы — ровные и белые, они прятались за его искривлёнными губами, — и теперь он продемонстрировал их в озорной улыбке.

Эрик всё равно был уродлив; исправить это не было никакой возможности. Лоб его слишком сильно выдавался вперёд, подбородок был тонким и костлявым, а взгляд жёлтых глаз приводил в дрожь. Но благодаря маске он выглядел как обычный уродливый человек, а не как гротескный, отвратительной живой труп, и разница была настолько разительной, что Кавех глазам своим не верил.

— Эрик, я... это удивительно! Я не могу в это поверить! Где ты взял эту маску?

Эрик уселся за стол и принялся накладывать себе еду.

— Я сделал её уже давно, когда надеялся, что Кристина выйдет за меня замуж. А поскольку она, наконец, согласилась, я вчера вечером отправился в Оперу и отыскал её.

— Что ж, она выглядит очень реалистично... — тут Кавех уронил вилку. — Что ты сказал?!

Эрик улыбнулся, скромно опустив глаза в тарелку.

— Кристина приняла моё предложение о замужестве. — Он снова посмотрел на друга сияющими глазами. — Она действительно так сказала, дарога: «Я выйду за тебя замуж, Эрик». Ах, до чего же она милая, славная девушка!

Кавех усмехнулся и встал, протягивая Эрику руку:

— Поздравляю, Эрик! Я очень за тебя рад.

Эрик встал и, сияя, ответил на рукопожатие.

— Будешь свидетелем на моей свадьбе, Кавех?

— Почту за честь, друг мой. Только у меня есть один вопрос: какой фамилией ты собираешься осчастливить свою невесту?

Свет в глазах Эрика погас, он нахмурился и опустился обратно в кресло.

— Знаешь, Кавех, иногда я тебя действительно ненавижу.

— Знаю, знаю, — доброжелательно ответил Кавех. — Но лучше подумать об этом сейчас, чем потом, не правда ли?

— Нет, лучше подумать об этом после того, как я выплыву. Я слегка устал — ночью я был слишком занят, упокаивая навеки призрака, так что на сон времени не хватило. — Он потёр глаза. — Прости меня, старина, но сейчас я вряд ли гожусь для компании.

Эрик спал, как пресловутый мертвец, до полудня. Кавех и Дариус ушли; единственной, кто ответил на звонок Эрика, когда тот потребовал горячей воды, была робкая молодая горничная.

Умывшись и побрившись, Эрик задумался над проблемой с фамилией. Можно найти священника, который его крестил, — он, несомненно, видел его лицо. Если только его вообще крестили, цинично подумал Эрик. Вполне может случиться, что его родители решили, что он в любом случае попадёт в ад, и не стали беспокоить себя, нарекая его христианским именем. Может быть, в местной церкви найдутся и другие записи?

Он подумал, что наверняка сможет вспомнить имя своей матери, но вот отца он не помнил совершенно. Возможно, он сумеет найти дом своих родителей, однако из-за случайной смерти старой служанки он боялся ареста.

Если только... его взгляд упал на резиновую маску, невинно лежащую рядом с умывальником. Эрик кивнул — зачатки плана начали обретать более чёткие формы. Это будет немного неправомерно, но он знал, что следует сделать. Он узнает всё, что необходимо для того, чтобы жениться на Кристине, и заодно в очередной раз подразнит своего друга. Одним выстрелом двух зайцев. Эрик усмехнулся про себя, надевая белую шёлковую маску.

Он уедет прямо сегодня. Сейчас он вернётся к Кристине и скажет ей, что некоторое время его не будет в городе. Он снова вызвал горничную:

— Когда Дариус вернётся, передайте ему, что я попросил упаковать мой чемодан на неделю, — велел он. Вряд ли это займет так много времени: Руан расположен недалеко, но всё же лучше перестраховаться.

— Да, сударь, и здесь для вас оставили сообщение, — ответила она, протягивая ему поднос с запиской.

— Спасибо, — сказал Эрик, забирая записку и отпуская горничную взмахом руки.

«Мой дорогой Эрик,

Рискуя показаться чрезмерно дерзкой, хочу просить, не придёте ли вы снова к нам на ужин сегодня вечером? Мой сын постоянно спрашивает о вас с того момента, как я сообщила ему о нашей помолвке.

Наша помолвка. Как это прекрасно звучит!

С любовью,

Кристина.»

Взгляд Эрика потеплел, когда он прочитал записку. Засунув её в карман, он тут же отправился за плащом.

Когда он добрался до квартиры Кристины и позвонил в колокольчик, дверь открыла Аннеке.

— О, входите, сударь! — Она широко улыбнулась. — Я сейчас же пойду и скажу мадам, что вы здесь. И, сударь, если мне позволено будет сказать, могу я вас поздравить?

— Спасибо, Аннеке.

Эрик обрадовался, что Кристина уже рассказала обо всём прислуге. Он почему-то опасался, что она захочет сделать эту помолвку тайной. Горничная забрала его плащ и проводила его в гостиную. Эрик сразу же сел за рояль и начал наигрывать один из пассажей «Дон Жуана Торжествующего», над которым работал прошлой ночью.

— Эрик! — в дверях появилась сияющая Кристина и тут же направилась к роялю. Эрик поднялся и встретил её на полпути. Она прильнула к нему, и несколько секунд они стояли, обнявшись.

— Я рада, что вы получили мою записку, — сказала она, отстраняясь. — Значит, вы останетесь на ужин?

— К сожалению, нет, — ответил он с невольным сожалением. — Я должен собрать вещи для небольшой поездки. Боюсь, мне придется покинуть Париж на несколько дней.

— О... — у Кристины вытянулось лицо. — Куда вы поедете?

— У меня есть одно дело в Руане, его необходимо сделать для того, чтобы мы смогли пожениться. Надеюсь, я буду отсутствовать всего лишь несколько дней.

— А что это за дело?

Эрик неловко пожал плечами. На самом деле, ему не очень хотелось говорить ей правду, с другой стороны, он и так уже рассказал ей о себе почти всё — так почему бы не открыть и это?

— Я должен поехать туда, где я родился, и попытаться узнать свою фамилию, — сказал он наконец. Он был рад, что его лицо закрывает белая маска: наверняка под ней он ужасно покраснел. — Я знаю, где жили мои родители, но понятия не имею, какая у них была фамилия; моя мать никогда мне её не называла. Нам будет трудно найти священника, согласного нас поженить, если у меня не будет фамилии, которую я смогу вам дать.

— О, ясно. — Очевидно, об этом Кристина не подумала. Она опустилась на диван.

Эрик сел рядом с ней, взяв её ладонь в свою.

— Кроме того, я бы хотел дать вам немного времени на тот случай, если вы захотите передумать. — Он заглушил её немедленный протест и продолжил: — Сейчас ваш сын наследует титул графа де Шаньи, а следовательно, у него будут власть, деньги и престиж. Если только его мать не выйдет замуж за безродного, безликого бродягу, и особенно если после этого она вернётся на сцену, — добавил он с блеском в глазах. — Тогда положение Эрика-Дааэ может измениться. Другие де Шаньи могут с лёгкостью попытаться оспорить его титул или даже лишить его наследства. Вам следует это учитывать.

Кристина кивнула, легонько сжав руку Эрика.

— Я уже обдумала это, Эрик, ещё до того, как рассказала прислуге о нашей помолвке. Я прошлой ночью почти не спала из-за раздумий! Мой сын может стать графом де Шаньи, когда ему исполнится двадцать один год, и я, конечно, не хочу лишать его статуса, который он получит вместе с титулом. Но в наши дни титулы Бонапарта всё равно уже не имеют такого значения, как раньше. Он также является сыном оперной певицы и внуком шведского крестьянина. Его никогда не будут уважать те, чьи родители имеют длинную родословную. Ему всё равно придётся узнать, как самому зарабатывать себе на жизнь. И если у него появится отчим, который является музыкантом мирового уровня, архитектором и Бог знает кем ещё, вряд ли это особо повредит его статусу.

Эрик напрягся. По правде говоря, он ещё не задумывался о будущем настолько, чтобы осознать, что после свадьбы он станет отчимом юному Эрику-Дааэ. Это будет всё равно что самому стать отцом! Какая ужасная мысль.

Хотя мальчик ему понравился, и сын Кристины в любом случае занял бы особое место в сердце Эрика. Тот факт, что юный Эрик-Дааэ не испугался его лица, оказался для него таким неожиданным благословением, что его сердце дрожало от облегчения.

Он с благодарностью поцеловал Кристину и стал наслаждаться оставшейся частью своего краткого визита.

Глава 12. Открытия прошлого

Эрик сел на ночной поезд из Парижа, и к рассвету был уже в Руане. Он полагал, что сумеет вспомнить, как добраться до дома, где он вырос, — прошло уже больше тридцати лет, но у него была очень цепкая память на детали.

Первым делом Эрик зарегистрировался в местной гостинице. При этом он сообщил фальшивое имя, стараясь не улыбаться при мысли о том, какой была бы реакция Кавеха. Он договорился об аренде лошади, а затем поднялся наверх и распаковал чемоданы. Вытащил старую персидскую форму и с сожалением посмотрел на неё, но потом всё-таки отложил в сторону. Лучше не выделяться здесь слишком сильно, особенно на первых порах. После чего переоделся в чистый костюм и стал причёсываться. Хм. Надеть парик или не стоит?

Не стоит, решил он. Голова всё равно будет прикрыта. Эрик сунул руку в сумку и вытащил последнюю вещь: одну из любимых каракулевых шапок Кавеха. Надев её слегка набекрень, он посмотрел на своё отражение в зеркале. Он не был таким смуглым, как Кавех, но благодаря жёлтым глазам и каракулевой шапке он, по крайней мере, не походил на француза. Если он будет говорить с акцентом Кавеха и добавлять в речь отдельные словечки на фарси, то легко сможет выдать себя за него.

В дверь постучала служанка:

— Сударь, ваша лошадь готова, — объявила она.

— Спасибо, — отозвался Эрик. Открыв дверь, он с удовлетворением отметил, что взгляд горничной остановился на его шапке, а не на лице. Эта поездка будет пробным испытанием для его новой маски.

День был очень благоприятным для верховой поездки. Эрик, напрягая память, поехал по той дороге, по которой ребёнком убегал из этих мест. Здесь мало что изменилось за тридцать лет. Дом своего детства он вспоминал с трудом, однако, увидев герб на парадных воротах, он сразу же осадил лошадь, ошеломлённо разглядывая рисунок.

Он знал этот герб. Он видел его раньше.

Правда, не на этих воротах. В детстве он лишь один-единственный раз оказался снаружи дома — в тот вечер, когда сбежал, опасаясь, что его найдут. Он тогда прокрался задворками поместья, и этих ворот не видел вообще ни разу.

Что же означает этот герб на воротах?

Эрик направил коня прямо к воротам и привстал в стременах, чтобы разглядеть здание. Всё остальное выглядело в точности, как он запомнил, когда ребёнком глядел в окна. Не было никаких сомнений, что перед ним — дом его детства.

Нахмурившись, он развернул коня и направился обратно в город. Краткий визит в городской архив поможет ему всё прояснить.

Он горел желанием узнать, почему на воротах дома, в котором он вырос, сейчас красуется герб семейства де Шаньи.

Клерк городского архива оказался маленьким и серым: серые волосы, серые глаза, серый костюм. Он носил маленькие очки в проволочной оправе (серой), и теперь глядел на Эрика поверх этих очков.

— Да, сударь?

В совершенстве имитируя музыкальный персидский акцент Кавеха, Эрик представился:

— Я Кавех Таллис, *дарога* — начальник полиции — Мазендерана в Персии. Я надеюсь, что вы поможете мне разыскать одного француза, в котором заинтересован персидский шах.

Скучающее лицо клерка озарилось любопытством: иностранный акцент Эрика, не говоря уже об изложенной истории, поразил маленького человечка как нечто экзотическое и увлекательное в этом сонном маленьком городке.

— Конечно, конечно, сударь! Каким образом я могу быть полезен?

— Я знаю только имя француза, но не знаю фамилии. Мне известно, что он родом из этого города, а также известно, где расположено имение, в котором он родился и провёл своё детство. Надеюсь, вы поможете мне установить его фамилию?

— Конечно, сударь. Я знаю все основные семейства в округе. Как зовут вашего француза?

— Эрик. Пишется через «k». (3)

— Эрик, хм... — Клерк закатил глаза кверху, словно пытался найти информацию у себя в мозгу, используя для этой цели зрение. — Эрик, Эрик, Эрик. Где он родился, сударь, и когда?

— Полагаю, ему сейчас лет сорок пять или около того. Он родился в большом поместье в трёх милях к востоку отсюда; там ещё такие кованые ворота, украшенные гербом.

— Ах да, поместье Шаньи! Я знаю его.

— Да, — осторожно сказал Эрик. — Думаю, так и есть. И принадлежит оно, как я понимаю, семейству, носящему фамилию Шаньи?

— О да, благородное семейство, сударь. Первый владелец этого дома был очень богатым человеком, и титул ему был дарован самим Наполеоном. Поэтому он и стал первым графом де Шаньи, так-то вот.

— Вы ведь говорите не о том графе де Шаньи, которого звали Филипп? — спросил Эрик. — Видите ли, я однажды встречался с ним в Париже, — поспешил он объяснить, каким образом начальник персидской полиции знаком с парижским графом.

— О, Филипп был племянником первого графа, — пояснил клерк. — А титул был дарован графу Эрику.

— Графу Эрику? — уточнил Эрик, нахмурившись. Совпадение было очень странным.

— Да. Кажется, он был Мастер-масоном (4) до того, как пошёл на службу Императору.

— А дети у него остались?

— Да, но только дочери, поэтому после смерти старого графа титул перешёл к его брату.

— И когда именно семья Шаньи купила это поместье? — уточнил Эрик. Ситуация становилась всё более запутанной.

— Купила, сударь? Ничего подобного. Это поместье было даровано старому графу Эрику вместе с титулом. Оно принадлежит семейству Шаньи не меньше пятидесяти лет.

Неприятная мысль, зародившаяся в уме Эрика, заявляла о себе всё настойчивее. Если дом принадлежал старому графу Эрику в то время, когда он сам жил в нём... Возможно ли, что он является сыном старого графа? Незаконнорожденный сын, наверное, факт рождения которого — особенно в сочетании с его лицом — и привёл к тому, что его всю жизнь прятали от окружающих?

Был только один способ это выяснить.

— А кто у них семейный священник? — спросил он. — И где я могу его найти?

---

(3) Эрик уточняет букву, поскольку французский вариант имени Эрик пишется как «Egis» и читается с ударением на второй слог. Наш же герой носит имя «Erik» (ударение на первый слог) — именно поэтому Кристина в романе интересовалась, не швед ли он по происхождению. (Прим. пер.)

(4) А вот и объяснение профессии отца. «Master mason» дословно значит «мастер-каменщик», и это же звание является ступенью в масонском ордене. Отец местного Эрика был масоном третьей (высшей) степени, а вовсе не каменщиком. (Прим. пер.)

Глава 13. Исповедь с покаянием

Отец Арно прожил долгую и насыщенную жизнь. К духовному сану он пришёл через бурную и беспутную юность; и теперь, в годы заката, любил тихую церковную жизнь с её маленькими секретами и драмами — да, он никогда не разглашал подробности личной жизни, которые ему доверяли на исповеди, однако это не мешало ему получать от них некоторое удовольствие.

Теперь он был уже стар, и вряд ли что-то могло его удивить. Поэтому стоявший перед ним высокий и очень уродливый иностранец ни капельки его не смущал. А вот что его озадачивало — так это пара сверкающих жёлтых глаз, хмуро глядевших на него исподлобья. Где он уже видел раньше эти глаза?

— Вы отец Арно? — требовательно спросил незнакомец.

— К вашим услугам, сударь.

Высокий иностранец поклонился.

— Я дарога Таллис из Персии. Клерк из городского архива сказал, что вы можете помочь мне разыскать одного француза, который, по-видимому, связан с семейством де Шаньи.

— Я помогу вам, сударь, насколько это в моей власти.

— Скажите, вы крестили *всех* детей последнего графа Эрика де Шаньи?

Арно заметил странный акцент, который незнакомец сделал на слове «всех», это его насторожило. Он медленно кивнул.

— Да, так и есть.

— У графа были сыновья?

Священник попытался уклониться от ответа:

— Если бы у него был сын, то после его смерти титул перешёл бы к сыну, а не к брату, разве не так?

Иностранец пожал плечами.

— Если сын был незаконнорожденным — то нет. Француза, которого я ищу, тоже зовут Эрик, он родился и провёл своё детство в доме старого графа. Я не знаю его фамилии. И сейчас у меня есть основания полагать, что он, возможно, был незаконнорожденным сыном графа.

Наконец священник мог ответить честно:

— У старого графа не было ни одного незаконнорожденного ребёнка, сударь. За это я могу поручиться. — Теперь он был уверен, что знает, кого ищет этот перс. Проблема состояла в том, что большая часть этой информации была получена им конфиденциально, и он не имел права делиться ею с посторонними — и уж тем более не с иностранцами.

— Тогда что вы скажете об истории этого француза? Он родился в доме старого графа, был наречён тем же христианским именем, что носил граф, а затем его держали в отдалении от остальных членов семьи до тех пор, пока он не сбежал.

— Вы уверены, что это был дом графа Эрика? Здесь есть и другие крупные поместья.

— Я уверен.

— Боюсь, я не смогу помочь вам, сударь. Извините.

Этот иностранец задавал слишком много вопросов, на которые отец Арно не мог ответить. Лучше будет, если он поскорее уйдёт.

Высокий незнакомец нахмурился.

— Вы всё знаете, не так ли? — спросил он.

— Я знаю многие вещи, сударь, но я не вправе обсуждать их с посторонними. Я не могу помочь вам в поиске.

Священник начал отворачиваться, но незнакомец мёртвой хваткой схватил его за плечи.

— Лучше скажи, что ты знаешь, старик, иначе можешь пожалеть об этом! — Его голос ожесточился, пальцы впились в тонкие костлявые плечи старика, яростные жёлтые глаза метали молнии.

Отец Арно перед лицом угрозы держался твёрдо и с достоинством.

— Мне очень жаль, сударь. Я не имею права разглашать подробности личной жизни тех семей, которым я служу. Пожалуйста, уберите от меня руки, сударь, вы повредите мои плечи. — Священник говорил без малейшего намёка на страх, и иностранец отдёргнул руки от его плеч, словно обжегшись.

Эрик изменил тактику. С извиняющимся жестом он отступил назад.

— Простите меня, святой отец. Мои поиски оказались тщетными, а ведь от их результата зависит очень многое. Хотя, я тут подумал... — он замолчал, лихорадочно обдумывая новую идею.

— Да, сударь?

Эрик решился. Во-первых, это доставит удовольствие Кристине, а во-вторых, тайна исповеди запечатает уста священника, и он никому не расскажет о том, что сейчас услышит.

— Я бы хотел исповедоваться вам, святой отец. Согласитесь ли вы меня выслушать?

Отец Арно озадаченно нахмурился.

— Я думал, что вы, будучи персом, являетесь мусульманином.

— Вовсе нет. — Эрик благоразумно не стал уточнять, к чему именно относится его отрицание, поскольку не был ни персом, ни мусульманином.

— Тогда я буду рад выслушать вас, сын мой.

Собравшись с духом, Эрик упёрся руками в разделяющую их перегородку и слегка неловко, переходя обратно с акцента Кавеха на свою собственную речь, начал говорить:

— Простите меня, святой отец, ибо я согрешил. Я никогда раньше не исповедовался.

По поведению Эрика было заметно, что то, о чём он собирается рассказать, выходит за рамки катехизиса и конфирмации и не соответствует общепринятым порядкам. Арно понял это и просто скрестил руки.

— Продолжайте, сын мой.

— Я не перс. Зовут меня не Таллис, и я вовсе не дарога. По правде говоря, за плечами у меня такое прошлое, что я, наоборот, стараюсь избежать любых контактов с полицией. Я позаимствовал имя своего друга Кавеха Таллиса, чтобы провести здесь, в Руане, личное расследование, не будучи при этом арестованным... Видите ли, я и есть тот самый Эрик, который родился в поместье де Шаньи. Учитывая особенности моей внешности, меня держали в отдалении от других людей, чтобы не напугать их. — Эрик остановился, не зная, о чём говорить дальше.

— Продолжайте. — Священник нахмурился. Кое-что из истории этого человека казалось достоверным и соответствовало той правде, о которой знал отец Арно, но кое-что другое здесь не сходилось. Он задал наводящий вопрос: — Какие именно особенности, сын мой? Вы не слишком хороши собой, но я видал и куда более некрасивых мужчин, чем вы.

— Очень в этом сомневаюсь, — сухо ответил Эрик. Он пожал плечами и продолжил исповедь, не желая снимать маску на данном этапе. — Когда я был юн, я случайно стал причиной смерти пожилой женщины, которая за мной ухаживала. Я сбежал. С тех пор я никогда не возвращался в Руан. Я не знал своей фамилии, но теперь этот вопрос имеет первостепенное значение, я должен узнать правду о своём происхождении. — Эрик замешкался, не зная точно, что именно священник ожидает от него услышать.

Арно мягко его подтолкнул:

— Это всё, в чём вы хотели признаться? В смерти служанки?

Эрик цинично хохотнул:

— О, если бы это было всё! Нет, отец, были и другие. Многие другие, бесчисленное множество. Видите ли, уехав из Руана, я попал в цыганский табор...

Священник ничего не говорил, лишь слушал, а Эрик рассказывал ему обо всех зверствах, которые он совершил за свою жизнь, а также о тех, которые совершались против него: избиения, пытки, террор, насмешки и презрение. По крайней мере, он рассказал обо всём, что мог вспомнить: он знал, что были и другие случаи, но, поскольку его ум был расстроен на протяжении нескольких лет, эти воспоминания были очень туманными. Он пояснил, что на публике носил маску из-за реакции людей на его внешность.

Он рассказал о «Розовых часах Мазендерана», когда он находился на пике своего могущества, и о том, как Кавех спас его жизнь, когда шах захотел казнить его. Он честно рассказал о том, как убил проститутку её же собственными чётками: при этом Эрик крепко зажмурился, не желая видеть выражения лица священника — он был уверен, что тот смотрит на него с ужасом и осуждением.

Если бы он открыл глаза, то увидел бы в глазах священника лишь сочувствие и сострадание.

Эрик рассказал о том, что ему довелось пережить в Опере — и да, даже о том, как он поступил с Кристиной. Он описал их воссоединение несколько дней назад и объяснил, что не может жениться на ней, не имея фамилии, которую он сможет дать своей жене. Вот почему он находится здесь — хотя, признался Эрик, отчасти это произошло благодаря совету Кристины. Именно поэтому ему вообще пришла в голову мысль для начала исповедоваться.

Когда Эрик закончил говорить, несколько минут в церкви стояла полнейшая тишина. Наконец, отец Арно глубоко вздохнул и вытер глаза.

— Эрик, сын мой, история, которую вы только что мне рассказали, — одна из самых трагичных и невероятных из всех, которые я когда-либо слышал, и всё же, поскольку она была рассказана мне во время таинства исповеди, я обязан ей поверить. Но только, если не возражаете, могу я задать вам несколько вопросов?

— Разумеется, святой отец, — ответил Эрик. Он чувствовал себя совершенно опустошённым после того, как вспомнил и рассказал о своих прошлых преступлениях.

— Вы исповедались о своих грехах, но раскаиваетесь ли вы в них? — Священник будто чувствовал, что Эрик близок к тому, чтобы произнести слова покаяния.

Эрик вспомнил свою душераздирающую боль и вину в тот момент, когда он рыдал на коленях Кристины, и медленно кивнул.

— Да, святой отец.

Голос Эрика передавал его эмоции так, как никогда не передало бы скрытое за маской лицо, и священник задумчиво кивнул. Эрик, вероятно, был близок к «идеальному раскаянию», как никто другой из тех, кого он видел прежде. Священник спросил:

— А эта молодая женщина, которая так много значит для вас... Вы говорите, что она ответила вам взаимностью и хочет выйти за вас замуж?

Эрик поднял голову и заморгал.

— Да. — Он отвернулся, его вдруг охватило чувство собственной никчёмности, он считал себя недостойным такого подарка судьбы.

— И она видела ваше обнажённое лицо?

— Да, видела. Она видела его, проливала над ним слезы и целовала его. И ещё она сказала, что любит меня. — В наполненной гордостью фразе Эрика слышалась нотка удивления, и священник улыбнулся про себя. Он всё больше убеждался в том, что перед ним стоит тот самый Эрик.

— Тогда мы должны сделать всё необходимое, чтобы убедиться, что ваша душа не запятнана, прежде чем вы женитесь на ней, — сказал священник, по-прежнему улыбаясь. — Мы должны обсудить вопрос о вашем покаянии.

Эрик приподнял бровь и с сарказмом спросил:

— И как же вы посоветуете мне искупить все эти убийства и пытки, святой отец? Мне говорили, что самоубийства церковь не одобряет.

Арно кивнул.

— Эрик, я не буду приуменьшать: вы тяжко согрешили перед Господом. Тем не менее, вы покались в своих грехах, и, насколько я вижу, искренне раскаиваетесь в совершённых преступлениях. Кроме того, за эти годы вы ужасно пострадали от рук других людей. Я бы сказал, что любое покаяние, которое я могу для вас назначить для искупления грехов, будет бледной тенью по сравнению с тем, что вы уже пережили, и с тем, что вы себе причинили. Поэтому за совершённые вами убийства и другие акты насилия я... ничего вам не назначу. Вы уже пострадали. Вы раскаялись. Вы изменили свой жизненный путь. Хотя за один грех мне всё-таки придется назначить вам епитимью.

— Это за какой? — спросил Эрик, сбитый с толку.

— Вы солгали священнику о своей личности. Это единственный грех, за который вы, кажется, не раскаиваетесь, поэтому я назначаю вам или пять раз прочесть «Аве Мария», или пожертвовать семь франков, чтобы помочь вам осознать ошибочность своего поведения.

Эрик в шоке смотрел через решётку на улыбающегося священника.

— Святой отец, я даже не знаю, что сказать.

Улыбка отца Арно стала шире.

— Начните с *«Ave Maria, grátia plena, Dóminus tecum...»* (5)

— Семь франков, вы сказали? — сухо спросил Эрик. — И тогда вы принимаете покаяние?

Эрик кивнул, оценив наконец юмор ситуации. Семь франков были сущей мелочью, и оба это знали.

— Принимаю.

Эрик выудил из кармана семь франков и по полке подтолкнул их к священнику. Отец Арно, стараясь не улыбаться, протянул к Эрику руку и произнёс слова молитвы о прощении. Когда он закончил фразой «... *ego te absolvo a peccatis tuis in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti*» (6), Эрик ощутил странную свободу. Он начал свою исповедь с единственной целью — связать старика необходимостью держать в секрете его реальную личность и внешность; он совершенно не ожидал и даже не надеялся получить прощение за свои грехи. Хотя теперь, когда это случилось, он чувствовал себя так, будто с него сняли невероятную тяжесть.

Он вздохнул, садясь прямо и расправляя плечи: чувство облегчения было таким огромным, что казалось почти осязаемым.

— Спасибо, святой отец.

— Итак, Эрик. Исповедь официально окончена, но хочу вас заверить, что всё, о чём мы дальше будем говорить, также останется в секрете. Я расскажу вам всё, что смогу, о той семье, о которой вы спрашиваете.

— Значит, вам действительно всё известно, — заключил Эрик.

Священник пожал плечами — вернее, приподнял одно плечо точно так же, как это обычно делал сам Эрик.

— Я знаю лишь немного. Хотя и об этом сейчас говорить не решаюсь. Как я могу знать, что вы именно тот, за кого себя выдаёте? Вы выглядите... иначе, нежели тот ребёнок, которого я крестил. — Он смущённо замолчал, а затем уточнил: — Лучше.

Эрик приподнял брови.

— Вы клянётесь никому ничего не рассказывать?

— Я клянусь перед лицом Господа никому ничего не говорить без вашего разрешения.

— И не падать в обморок тоже, — пробормотал Эрик, потянувшись к завязкам своей резиновой маски. Развязав их, он убрал маску от лица, открыв священнику свой истинный облик.

У отца Арно отвисла челюсть.

— Это больше похоже на то лицо, которое вы помните? — спросил Эрик.

Священник кивнул.

— Эрик! — в благоговейном ужасе произнёс он. — Это действительно ты!

Эрик кивнул.

— Итак, расскажите мне всё, что можете, святой отец. Начиная с того... — он заколебался, а когда закончил фразу, его голос звучал почти умоляюще: — Какая у меня фамилия?

— Карпентьер (7), — тихо произнёс священник. — Я крестил тебя под именем Эрик де Карпентьер. Теперь я могу свободно говорить о твоём крещении и наречении имени, поскольку знаю, что это действительно ты. И ты вовсе не бастард. Ты — законнорожденный старший сын графа Эрика де Шаньи и его жены, графини Марии Терезы. Граф Эрик всегда предпочитал, чтобы его называли по титулу — так же, как и остальные члены семьи, насколько мне известно, — но личная фамилия вашего семейства — Карпентьер.

Твоя мать послала за мной сразу же, как только ты родился, чтобы защитить тебя: она боялась, что отец убьёт тебя из-за твоего лица. Она хотела, чтобы ещё кто-то, кроме неё и повитухи, знал о твоём существовании и внешности, ибо твой отец объявил всем, что ты умер при рождении.

— И что же вы сделали, когда меня увидели? — любопытствовал Эрик. Вся эта история была для него болезненной, но жажда выяснить наконец, кем он является на самом деле, помогла ему преодолеть боль и вызвала новые вопросы.

— Я нарёк тебя именем и крестил, после чего договорился с твоей матерью и старым графом о том, что тебя будут воспитывать в полнейшей секретности. Я послал им служанку, которая должна была приглядывать за тобой.

— Ту, которую я убил, — глухо сказал Эрик.

— Защищая себя, да. И раз уж мы затронули эту тему, мой мальчик, я должен извиниться перед тобой за её суеверность. Если бы я знал, что она в итоге станет плохо с тобой обращаться из-за твоего лица, я бы послал кого-нибудь другого.

— Э-э... это... неважно, святой отец, это уже в прошлом, — сказал Эрик. Выслушивать извинения ему было неудобно. Такое случалось нечасто.

— Что правда, то правда. Остаётся вопрос, что ты собираешься делать с этой информацией?

— Делать? Я женюсь на Кристине, как только это будет возможно... То есть, при условии, что она всё еще будет этого хотеть после того, как узнает правду о моём происхождении. — Эрик наконец пришёл в себя и надел обратно резиновую маску.

— С чего бы ей отказываться? Выйти замуж за сына исконного графа де Шаньи уж наверняка более почётно, чем за бывшего Призрака Оперы, — заметил священник.

Эрик язвительно улыбнулся.

— О, я забыл вам сказать? Кристина — вдова покойного графа де Шаньи, Рауля. Их сын является нынешним графом — вернее, станет им, когда вырастет.

Отец Арно несколько раз моргнул.

— Ты имеешь в виду... твоя невеста — вдова графа Рауля?

Эрик кивнул.

— Да. Вы её знаете?

— Конечно, я её знаю, сын мой. Я почти пятьдесят лет являюсь их семейным священником, — сухо ответил Арно. Он покачал головой в изумлении. — Значит, ты и есть *тот самый* Эрик? Соперник графа Рауля, в честь которого она назвала своего сына?

— Да... — Эрик подозревал, чем могут быть вызваны такие вопросы, и постарался сразу же отместить любые ложные предположения: — Хотя мальчик, вне всяких сомнений, является сыном её мужа. Ещё несколько дней назад Кристина думала, что я мёртв, а я считал, что она до сих пор счастлива замужем. Я не хочу, чтобы вы думали, что мы с ней...

— О, я знаю это, сын мой, я знаю. Хотя совпадение удивительное, не правда ли? — Отец Арно прекрасно помнил, как несколько лет назад Рауль рассказывал ему на исповеди о том, что был разбужен посреди ночи своим, как он предполагал, соперником и что он стрелял в него темноте. Молодой человек не был уверен, в кого именно он стрелял: в Эрика, в кота или просто в две горящие звезды. Тогда отец Арно подумал, что юноша бредит, но теперь, оглядываясь назад, дело принимало совсем другой оборот.

— Это точно, — согласился Эрик, которого начинал забавлять юмор сложившейся ситуации, несмотря на дискомфорт, который доставило ему известие о том, что его бывший соперник является его же собственным кузеном!

— Могу предположить, что теперь вы захотите посетить адвоката семейства де Шаньи?

— Зачем?

— Как это зачем? Чтобы уладить все вопросы с передачей титула, конечно. Эрик, вы — полноправный граф де Шаньи, и унаследовали бы титул, если бы ваш отец признал вас. Имея на руках моё заявление как свидетеля и записи о крещении, вы легко можете вернуть себе титул, если захотите.

Эрик медленно покачал головой. Ему трудно было принять всё это сразу.

— Я должен обсудить это с Кристиной. Для меня титул ничего не значит, я всего лишь хотел узнать свою фамилию, чтобы жениться на ней. Пусть она сама решает, что делать с титулом, — ведь, если я потребую вернуть мне титул, то заберу его у её сына. Так что принимать решение должна она.

— Звучит справедливо, и помните — если вы решите заняться этим вопросом, я целиком и полностью в вашем распоряжении. Ваш отец поступил с вами ужасно, Эрик. Как семейный священник, я бы хотел исправить это, насколько это в моих силах.

Эрик поблагодарил священника, пожал ему руку и они вместе вышли из церкви. Оттуда Эрик направился прямо в свою комнату в трактире: ему надо было написать письмо.

***

«Моя дорогая Кристина,

Я добился удивительного успеха в поисках своего имени и семьи. Клерк из городского архива ответил на часть моих вопросов и направил меня к одному пожилому священнику, а тот уже ответил на все остальные. Вы, возможно, его знаете, это отец Арно. Кстати, Вы будете рады узнать, что я в конце концов ему исповедовался; более того, мне придётся пересмотреть своё прежнее мнение насчёт священников, которых я всех поголовно считал алчным вороньём. Один из них, по крайней мере, таковым не является, хоть он и назначил мне епитимью в виде довольно весомого штрафа. Денег у меня после этого осталось только на обратный билет до Парижа.

И всё же Вы будете удивлены, когда услышите мою историю; я и сам с трудом могу в это поверить. Такие совпадения обычно случаются только в книгах, но не в реальной жизни! Однако я расскажу Вам всё, что мне известно, и Вы сами решите, что с этим делать.

Моего отца звали Эрик де Карпентьер, а мать — Мария Тереза. Несмотря на то, что я очень рад узнать свою фамилию, к ней прилагается дополнительное — и слегка обременительное, во всяком случае, для меня — обстоятельство.

Эрик де Карпентьер был первым графом де Шаньи.

И я — его законнорожденный сын-первенец.

Отец Арно показал записи о моём крещении. Судя по всему, за ним послала моя мать, и крещение было совершено без ведома и согласия моего отца. Тот планировал просто убить меня и надеялся со временем получить другого сына, который будет действительно похож на живого человека (вместо имеющегося сына — хоть и живого, но похожего на мертвеца). К его разочарованию, все последующие дети оказались девочками. Он всё равно отказался признать меня, и после его смерти титул перешел к его брату, а от него — к сыну Филиппу. Они предпочитают именоваться по титулу, а не по семейной фамилии.

Судя по всему, любовь моя, Ваш покойный муж и его брат были моими кузенами.»

Кристина зажала рот рукой, читая неуклюжие каракули левши-Эрика. Закончив читать, она издала удивлённый смешок, вернулась назад и перечитала всё с самого начала.

Что и говорить, совпадение казалось слишком нелепым. Эрик — Шаньи? Эрик?! Эрик — двоюродный брат Рауля, осознала она. Что ещё более важно, он является законным наследником титула графа де Шаньи, и лишился он этого титула только лишь из-за своего уродства. Она продолжила читать.

«Как унижительно: я столько лет ругал это семейство на чём свет стоит — чтобы теперь узнать, что я сам к нему принадлежу! По-моему, я никогда не оправлюсь от стыда.

Я всегда думал, что мой отец был простым человеком, каменщиком. Моя старая нянька однажды сказала, что он «мастер-масон», — но священник объяснил, что отец сделал что-то полезное для Бонапарта и был удостоен звания графа; он не держал в руках зубила с тех пор, как ещё юношей поступил в армию Наполеона!

Отец Арно, судя по всему, считает, что я без особого труда смогу вернуть себе титул, если захочу, поскольку он может предоставить надлежащие церковные записи о моём законном рождении. Поскольку титул теперь принадлежит Вашему сыну, я оставляю это решение Вам. Что Вы предпочтёте — выйти замуж за истинного графа (ибо, если бы мой отец признал меня, титул никогда бы не достался ни Филиппу, ни Вашему мужу), но тогда Ваш сын снова станет виконтом? Или же предпочтёте, чтобы он сохранил титул, а Вы просто выйдете замуж за Эрика де Карпентьера? Для меня этот вопрос не имеет совершенно никакого значения; моё единственное желание в этой жизни — жениться на Вас и провести остаток своей жизни в Вашей восхитительной компании, целиком посвятив себя Вашему счастью. Сомнительная «честь» быть графом де Шаньи меркнет в сравнении с этой мыслью (как и всё остальное под солнцем). Ибо, в конце концов,

O toi, doux objet de ma flamme,

Toi seule y peux calmer le trouble de mon âme!

Tes accents

Tendres et touchants,

*Tes regards séduisants,
Ton doux sourire
Sont les seuls biens que je désire. (8)*

Я вернусь в Париж послезавтра утром. Завтра я хочу ещё раз поговорить с отцом Арно, после чего сяду на ночной поезд. Я напишу Вам, когда вернусь.

Мое сердце наполнено Вами, любовь моя; я нуждаюсь в Вас больше, чем в следующем вдохе, и невыносимо по Вам скучаю. Я не могу дождаться, чтобы снова увидеть Ваше прекрасное лицо и услышать Ваш чудесный гневный голос — а Вы будете ругаться, и очень сильно, когда я расскажу Вам, как именно всё это узнал. Я знаю, что будете, и Кавех тоже будет. Этот человек вообще рождён лишь для того, чтобы ругаться.

*До тех пор остаюсь
навекі ваш, Эрик.»*

Кристина улыбнулась, читая строки из «Орфея и Эвридики», которые он включил в письмо, и её глаза наполнились слезами. Иногда ей казалось, что она не заслуживает любви столь сильной и непреодолимой, как та, что предлагал ей Эрик... и всё же она ни за что не сможет его отвергнуть. Она просто станет достаточно сильной, чтобы вынести страсть такого человека, как он, — потому что она снова нашла его и никогда, никогда не сможет его отпустить.

Оставался вопрос с титулом, в котором Эрику было отказано из-за уродства. Решение созрело мгновенно: Эрику больше никогда не откажут в праве первородства из-за его лица. Для её сына титул виконта не будет унижительным, зато Эрик сможет наконец получить причитающиеся ему уважение и власть.

Кристина кивнула и подошла к письменному столу. После чего быстро составила письмо адвокату семейства де Шаньи:

«Уважаемый месье Кот,

Благодарю Вас за любезные поздравления по случаю моей помолвки. Однако только что мне стали известны кое-какие потрясающие новости о происхождении моего жениха, и эти новости заставят Вас внести некоторые изменения в Ваши записи.

Судя по всему, мой жених является законным графом де Шаньи, он — законнорожденный сын графа Эрика де Шаньи. В ближайшее время он свяжется с вами и подтвердит это юридической документацией. Что касается меня, то уведомляю Вас, что я полностью поддерживаю его притязания. Я совершенно удовлетворена тем, что мой сын Эрик-Дааз по достижению совершеннолетия станет виконтом.

Мы оповестим Вас о дате нашей свадьбы сразу же, как только определимся с этим вопросом. По понятным причинам мы желаем, чтобы Эрик был восстановлен в титуле графа де Шаньи до того, как мы поженимся. Спасибо за то, что уделяете внимание всем этим деталям, я с нетерпением жду встречи с Вами в ближайшее время.

С уважением,

Кристина Дааз де Шаньи.»

Кристина вызвала Аннеке и поручила ей немедленно доставить письмо адвокату. После того как горничная ушла, Кристина уселась за письменный стол, чтобы спокойно обо всём поразмыслить. Она вспомнила, как Рауль рассказывал ей о том, что ещё будучи ребёнком, он иногда приезжал в семейное загородное поместье неподалёку от Руана. Рауль был ей почти ровесником, так что к тому времени, как он стал приезжать в поместье, Эрика там уже давно не было. Хотя Филипп... Филипп был почти одного возраста с Эриком. У Кристины комок застрял в горле, когда она поняла, что Филипп, наверное, приезжал туда в детстве, чтобы играть со своими двоюродными сёстрами, и даже не подозревал, что у него есть ещё и двоюродный брат — прячущий лицо под маской, одинокий, заточённый в дальнем крыле дома.

Нет, она сделала правильный выбор. Эрик вернёт себе законный титул, и Кристина его полностью в этом поддержит. Она устала от того, что ему отказывали во всём хорошем на протяжении всей жизни — только из-за его лица. Хватит.

Эрик станет графом де Шаньи.

---

(5) «Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с Тобою...» – первые слова молитвы. (Прим. пер.)

(6) «... и я освобождаю тебя от твоих грехов во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». (Прим. пер.)

(7) В этом месте автор в кои-то веки демонстрирует превосходное знание исторического материала и реальных прототипов романа Леру. Фамилия Карпентьер выбрана отнюдь не случайно, это действительно настоящая фамилия графского семейства де Шаньи, ставших прототипами героев романа «Призрак Оперы», подробнее об этом здесь: <http://operaghost.ru/changi.html> (Прим. пер.)

(8) О ты, сладкий объект моей страсти,
Только ты можешь успокоить смятение в моей душе!
Твоя речь, нежная и трогательная,
Твои соблазнительные взгляды,
Твоя милая улыбка —
Единственное благословение, которого я жажду. (Прим. пер.)

Глава 14. Повторная исповедь

Эрик вернулся в парижскую квартиру, которую занимал вместе с Кавехом, и сразу же отправил записку Кристине, приглашая её на ужин. Ему было что рассказать обоим — и ей, и Кавеху, — а повторять всё дважды ему не хотелось. Вернувшись в Париж, он снова надел белую шелковую маску, решив сделать Кристине приятный сюрприз и впервые надеть новую маску в день их свадьбы.

Делать ему пока было нечего, а пальцы чесались снова прикоснуться к клавишам, поэтому он поехал в Оперу и остаток дня провел в своём старом доме в подвалах, работая над новой пьесой, «Дон Жуан Спасённый».

Эрик потерял счёт времени, играя и лихорадочно записывая, дело уже близилось к вечеру, когда он вдруг обнаружил, что рядом с ним, улыбаясь, стоит Кристина. Эрик ахнул и выронил перо, оставив неровный красный прочерк поперёк двух нотных станков.

— Ты... ты меня напугала, — пробормотал он.

Кристина довольно рассмеялась.

— Так тебе и надо, после того как ты сам столько раз неслышно подкрадывался и пугал меня, — ответила она, затем подошла к нему сзади и положила руки ему на плечи. — Я так рада, что ты вернулся, Эрик!

— Правда? Тогда поприветствуй меня, — попросил он, соскальзывая со скамьи и обвивая руками её талию, привлекая её к себе для поцелуя. За первым поцелуем последовали и другие — до тех пор, пока Эрик не решил, что его уже достаточно поприветствовали.

Несколько минут им потребовалось на то, чтобы перевести дух. Эрик наклонил голову, прикоснувшись к ней лбом:

— Я рад тебя видеть, моя дорогая, но что ты здесь делаешь?

Она пожала плечами, нежно поглаживая его по шее и затылку.

— Мне было любопытно снова увидеть твой старый дом, ведь прошло столько времени... А когда я спустилась к Тропе Коммунаров, то услышала, как ты играешь, и просто пришла, чтобы увидеться с тобой. Тебя так долго не было!

Эрик усмехнулся.

— Согласен, а ведь это всего лишь несколько дней! Но теперь... — Он наклонился и коротко поцеловал её, после чего снова выпрямился и сел на скамейку перед

органом. Сверкнув на неё загадочным жёлтым взглядом, Эрик обратился к ней с вызовом из далёкого прошлого: — Давайте же споём что-нибудь из оперы, Кристина Дааэ!

Он начал наигрывать дуэт из «Отелло», как тогда, давным-давно, когда она сорвала маску с его лица. Кристина улыбнулась и приняла игру, пропев: «*Chi è là? Otello?*»

«*Sì*, — ответил Эрик, спросив: — *Diceste questa sera le vostre preci?*»

Они продолжали петь, но вся ненависть, ревность и страх, которые присутствовали во время их первого дуэта, растворились, оставив вместо себя лишь страсть и напряжение. Оба ожидали момента обвинения... и неизбежного разоблачения, которые должно было за этим последовать.

Кристина с надеждой пела: «*Ch'io viva ancor; ch'io viva ancor; ch'io viva ancor...*»

Вот оно.

«*Giù!* — прогремел Эрик. — *Cadi, giù, cadi, prostituta...*»

«*Pieta!*» — взмолилась Кристина, протянув руку к маске. Сорвав её с лица, она отступила, когда Эрик поднялся со скамейки.

Эрик закончил линию Отелло: «*Muori!*» (9)

Сверкнул жёлтыми глазами, он схватил Кристину за плечи, по-прежнему держа её так, чтобы она видела его обнажённое лицо.

Напряжение мгновенно исчезло, когда Кристина взглянула на него с мягкой улыбкой:

— Нет, Эрик. На этот раз не смерть, а жизнь. — И она наклонила к себе его лицо, чтобы поцеловать.

Её губы скользнули по его лбу, спустились по костлявой щеке к острому подбородку; легонько, словно крылья бабочки, коснулись его искорёженных губ; на мгновение задержались на его маленьком, жалком подобии носа. Она поцеловала веки глубоко посаженных золотых глаз и вернулась к выпуклому лбу, после чего снова скользнула к его губам. Из-под крепко зажмуренных ресниц Эрика скатилась одинокая слеза, и Кристина поймала её языком.

Эрик обнял её и прижал к себе так, что она покраснела. Он наклонился, чтобы снова поцеловать её, и запустил руку в её волосы, удерживая вблизи, чтобы она не могла отодвинуться. Кристина и не пыталась; вместо этого она придвинулась

ещё ближе, крепко его обхватила и прильнула к его губам. Осознав, насколько Кристина доверяет ему и принимает его, Эрик едва не задохнулся от счастья. Только когда он почувствовал, что сейчас потеряет контроль от нахлынувшего желания, он, наконец, закончил поцелуй. По-прежнему обнимая Кристину, он мягко прижался щекой к её волосам.

В этот момент до него дошла ирония ситуации, и он выдавил из себя смешок:

— А теперь представь, насколько бы лучше всё сложилось, если бы ты сделала то же самое, когда мы впервые пели этот дуэт!

Плечи Кристины затряслись, и Эрик подумал, что она заплакала.

Ослабив хватку и отступив назад, он с облегчением увидел, что Кристина смеётся вместе с ним. Она покачала головой:

— Эрик, во имя всего святого, что мне с тобой делать?

— То же самое, только побольше? — услужливо подсказал он.

— Я серьёзно! — запротестовала она, но её смех опровергал это утверждение.

— Я тоже, — заявил Эрик. — Пой со мной, Кристина, и целуй меня как можно чаще, и тогда я стану кротким, как ягнёнок.

Кристина с сарказмом приподняла бровь.

— Кротким, как ягнёнок, вот как? Если это был пример вашей кротости, сударь, то ваша страсть должна быть поистине ужасающей!

Эрик не знал, что ответить; он открыл рот и тут же закрыл его, покраснев.

Кристина послала ему озорную улыбку и запечатлела лёгкий поцелуй на костлявой щеке, после чего подала ему белую маску и сменила тему:

— Нам, наверное, пора идти? Ты всё здесь закончил?

Эрик оглядел дом, который был для него клеткой дольше, чем он помнил, и кивнул.

— Пожалуй, да. А что? — поддразнил он Кристину. — Ты боишься, что я снова начну изображать здесь призрака? — Он завязал маску обратно.

— Я не боялась этого, пока случайно не спустилась сюда после занятий и не услышала, что здесь снова, как прежде, гремит музыка! — возразила Кристина. — И потом... «Отелло», Эрик? Почему «Отелло»? — Она покачала головой.

Он только улыбнулся под маской и предложил ей руку.

— Это очень болезненное воспоминание, и я хотел, чтобы ты помогла мне его залечить, — пояснил он. — Ты справилась с этим превосходно. Спасибо.

— Мне самой это доставило удовольствие, — весело ответила она, взяла его под руку, и они покинули подвалы.

— Не только тебе, моя дорогая, — пробормотал Эрик себе под нос, направляя лодку через озеро к проходу, который вёл к выходу на улице Скриба; при этом он не отрывал глаз от блистательной красоты Кристины. — Не только тебе.

---

(9) Приведённый здесь дуэт, как и в оригинальном романе, является одной из финальных сцен оперы «Отелло», когда Отелло приходит и обвиняет любимую жену Дездемону в измене. Недобросовестный советник заставил его поверить, что у Дездемоны любовная связь с Кассио, его капитаном. Сцена заканчивается тем, что Отелло убивает свою невинную жену.

Дездемона: Кто здесь? Отелло?

Отелло: Да. Молилася ли ты перед сном сегодня?

(Затем они поют о смерти Кассио, и Дездемона продолжает защищать капитана, заявляя о своей невинности. Отелло угрожает жене смертью, но она поёт...)

Дездемона: Хочу я жить, хочу я жить, хочу я жить...

Отелло: Умрёшь ты, умрёшь, ты изменила!

Дездемона: Молю!

Отелло: Смерть! (Прим. автора)

***

Позже вечером, перед ужином, Эрик, Кристина и Кавех сидели в гостиной на съёмной квартире Перса. Эрик стал рассказывать им о своей поездке. Почти сразу после начала его повествование было вполне ожидаемо прервано.

— Ты сделал... Что?! — в негодовании воскликнул Кавех.

— Одолжил твою личность для того, чтобы провести расследование.

— Ты хочешь сказать, что назвался персом? — Кавех всё ещё надеялся, что дело зашло не так далеко. Напрасно.

— Я сказал им, что я — Кавех Таллис, дарога из Мазендерана.

— Что? Зачем? Почему? — возмутился Кавех. — Во имя всего святого, зачем было это делать?

Эрик спрятал улыбку. Он знал, как отреагирует Кавех на это известие; он предвкушал это несколько дней. Беглый взгляд на Кристину подсказал ему, что она удивлена, но при этом ей слегка смешно. Она не имела ни малейшего представления обо всех тех историях, которые объединяли их с Кавехом, а потому явно не ожидала такой бурной реакции Перса.

— Последний раз, когда я находился в том районе, я кое-кого случайно убил. И не хотел, чтобы меня за это арестовали спустя столько лет. О, ещё я позаимствовал твой голос и твой акцент, — добавил он голосом Кавеха, к вящему удовольствию Кристины.

Дариус, наливая чай, промахнулся мимо чашки, услышав, как Эрик говорит в точности голосом его господина, — и тут же замаскировал смех кашлем, когда нефритовые глаза Кавеха с возмущением уставились на него.

Кристина захихикала. Кавех едва не закипел от ярости.

— Что-нибудь ещё? — спросил он наконец.

— По правде говоря, да, — ответил Эрик, вытряхивая на пол из чемодана каракулевую шапку Кавеха. — Надеюсь, ты её не потерял?

— Это моя любимая, Эрик! — зашипел Кавех.

— И я могу понять, почему! — Эрик, дразнясь, покрутил шапку в руках, демонстративно повосхищался, после чего бросил её своему другу. — Она довольно красивая, я благодарен за возможность ею попользоваться. И не только ею, по правде говоря. Выдав себя за тебя, я смог завершить своё расследование без какого-либо вмешательства полиции.

Кавех успокоился и покачал головой.

— Рад, что сумел помочь, — сказал он, сочась сарказмом.

— И я рад, дарога, и я, — весело ответил Эрик.

— Итак, что случилось? Что ты узнал? — спросил Кавех; его любопытство всё-таки пересилило гнев.

Эрик посмотрел на Кристину.

— Вы получили моё письмо?

— Да, получила, — ответила она, её глаза искрились весельем. — Ваши новости были... мягко говоря, удивительны.

— Какие новости? Что ты обнаружил, Эрик? — Кавех уже едва сдерживался.

Эрик сжалился над ним:

— Помнишь, старина, как ты меня оскорблял, ругал, читал мне нотации, помыкал мною? Так вот, всё это время ты имел дело с аристократом.

— Что?

Эрик откинулся назад, вытянув свои длинные ноги.

— Перед тобой сидит сын графа.

— Нет! — Кавех неверяще заморгал.

— Да. И это ещё не всё, — продолжил Эрик. — Скажите ему, Кристина.

— Похоже, господин Таллис, что Эрик является действующим — и законным — графом де Шаньи.

Глаза Кавеха стали ещё шире. На какую-то долю секунды он застыл в шоке, после чего резко откинул голову назад и разразился смехом. — Вы серьёзно?

— Серьёзны, как могила, — невозмутимо ответил Эрик.

Кавех расхохотался ещё сильнее. Он беспомощно ткнул пальцем в Эрика и откинулся на спинку стула, смеясь так, что на глазах выступили слёзы.

— Ты! Де Шаньи! — хохотал он.

Эрик начал хмуриться.

— Это не смешно, — отрезал он.

Кавех кивнул, всё ещё смеясь.

— О, не скажи! После всех твоих ругательств и проклятий в адрес этой семьи... и теперь ты — один из них! Эрик, это самая забавная вещь из всех, что я слышал за свою жизнь.

— Я очень рад, что тебе нравится, — язвительно заметил Эрик.

— О, да! — ответил Кавех, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Это лучшее из всего, что я когда-либо слышал. Какая ирония!

— Когда ты окончательно успокоишься, — отрезал Эрик, — может быть, мы начнём обсуждать, что нам предстоит делать по этому поводу?

Широко улыбаясь, Кристина передала Эрику сложенный лист бумаги.

— Вот. Пока господин Таллис пытается взять себя в руки, я хочу показать вам это.

Это было письмо от её адвоката, полученное этим утром.

«Уважаемая мадам де Шаньи!

Ваше письмо я прочитал с огромным удивлением и неослабевающим интересом. После чего внимательно изучил семейный архив и обнаружил довольно старое письмо, которое, действительно, подтверждает претензии Вашего жениха. Я уже начал готовить документы, необходимые для внесения тех изменений, о которых Вы просили. Однако я не могу дать делу официальный ход, пока не увижу документов Вашего жениха и не смогу подтвердить законность того письма.

Если он согласится приехать сюда завтра, я проверю его документы. Если они окажутся в порядке, то семья не сможет выставить никаких возражений, и я обновлю записи, отразив его восстановление в титуле графа де Шаньи.

Ещё раз примите мои поздравления, а также искренние пожелания здоровья и счастья.

*С уважением,
Фонтэн Кот.»*

— Вы уже написали обо всём вашему адвокату? — спросил Эрик. — Ещё до того, как мы всё обсудили?

Кристина пожала плечами.

— В своём письме вы сказали, что оставляете решение за мной. Я решила, что вы больше не должны жить без своего законного титула. Быть виконтом — достаточно большая честь для моего сына, по сути он ничего не лишается. Гораздо важнее, что вы, наконец, получите то, чего заслуживаете, Эрик.

Он пожал плечами.

— Теперь, когда мы с вами можем быть вместе, это для меня не имеет такого уж значения. Хотя, насколько я понимаю, ваше положение будет намного лучше, если вы повторно выйдете замуж за графа, а не за какое-то безымянное, безликое ничтожество. Кстати о свадьбе, у вас есть какие-нибудь идеи насчёт того, как скоро мы сможем пожениться? И где?

— Я попросила господина Кота завершить передачу титула до нашей свадьбы, так что люди будут считать честолюбивой выскочкой меня, а не вас, — сказала Кристина, в её голубых глазах плясали смешинки.

— Пф... — фыркнул Эрик. — Если бы вы были честолюбивой, то не мечтали бы о возвращении на сцену, моя дорогая.

— Интересно, что скажут люди, если я выйду замуж за другого графа де Шаньи — и всё же вернусь к пению на сцене? — спросила Кристина.

— Будут радоваться, что вы не упускаете напрасно такой удивительный подарок судьбы? — предположил Кавех.

— Радоваться они будут только в том случае, если им от этого будет какая-то польза, — Эрик снова помрачнел.

Кристина и Кавех обменялись веселыми взглядами.

— Кажется, я уже слышу там голос Призрака Оперы, Эрик, — заметил Кавех. — Мне что, снова придётся следить за тобой?

Эрик хохотнул:

— Удачи в этом деле, друг мой. — Он повернулся к Кристине. — У вас есть предпочтения относительно места венчания? Я мечтал о свадьбе в церкви Мадлен, но теперь, думаю, я бы предпочел, чтобы нас обвенчал отец Арно. Что скажете?

— Да, я буду рада, если он нас обвенчает, он так вам помог. — Внезапно Кристина рассмеялась, приятный звук прокатился по довольно мрачной гостиной. Эрик посмотрел на неё, вопросительно наклонив голову, и она объяснила: — Я только что поняла, что мы с вами являемся кузенами, Эрик; кузенами через брак.

Кавех усмехнулся:

— А ты ещё жаловался постоянно, что у тебя нет семьи, — поддразнил он.

— Полагаю, теперь я должен радоваться, что оказался двоюродным братом вашего мужа, а не родным, — произнёс Эрик. — Поскольку на вдове кузена жениться можно, а вот на родной невестке — уже нет.

***

На следующее утро Кристина представила семейному адвокату своего жениха — высокого мужчину в маске. Маска слегка озадачила месье Кота, однако он был

слишком хорошо воспитан, чтобы делать какие-либо замечания по этому поводу. На этой встрече присутствовал также чиновник из муниципалитета, и оба они принялись скрупулёзно изучать записи о крещении Эрика и письмо отца Арно, после чего чиновник коротко кивнул и вышел из комнаты.

— Что ж, всё это, конечно, весьма необычно, месье де Карпентьер, но все бумаги, насколько я могу судить, в полном порядке. Письмо священника и записи о крещении подтверждают ту информацию, которую мадам де Шаньи — старая графиня — посылала моему отцу более сорока лет назад, когда он ещё был их адвокатом.

Молодой человек — судя по всему, унаследовавший бизнес от своего отца — пролистал стопку бумаг. Он нашел то, что искал, и поднял вверх, показывая им.

— Вот. Поскольку сестры графа Филиппа отказались от своей части наследства в пользу братьев, то они не имеют юридических прав возражать против вносимых изменений, — сказал он. — Мадам де Шаньи уведомила меня, что вы желаете как можно быстрее разобраться с этим делом, так что титул полностью перейдёт к вам до свадьбы. Я немедленно обновлю семейные записи и проинформирую других членов семьи.

— Спасибо, сударь, — ответил Эрик.

— Один вопрос, господин де Карпентьер, и он... довольно личный, — попросил адвокат.

Эрик склонил голову набок.

— Вы хотите знать о маске.

Господин Кот кивнул.

— Прошу прощения, сударь. Мне просто интересно, не стала ли именно маска причиной того, что ваш отец не признал вас своим первоочередным наследником.

Эрик на мгновение замешкался, пытаясь поймать взгляд Кристины. Она выглядела обеспокоенной, брови нахмурились. Он вглядывался в её глаза, словно пытаясь отыскать в них подсказку, затем наконец кивнул и повернулся к адвокату.

— Мое лицо от рождения обезображено. Я ношу маску, потому что окружающих моя внешность несколько смущает. — «Мягко говоря», добавил про себя Эрик. Сидя в кресле, он слегка наклонился вперёд, чтобы полностью завладеть вниманием собеседника. — Месье Кот, я планирую значительно увеличить ваше

жалованье, чтобы компенсировать те дополнительные труды, на которые обрекли вас я и моя невеста. Уверен, что это также поможет оплатить неудобство, которое причинит вам необходимость держать в секрете всё, что касается моей маски, сударь, поскольку во всём мире ещё только пять человек знают причину, по которой я её ношу. — Эрик встал, возвышаясь над невысоким кряжистым поверенным, и угрожающе шагнул по направлению к нему. Наклонив голову, он пригвоздил адвоката к месту тяжёлым взглядом. — Каждому из этих пяти человек, сударь, я могу доверить свою жизнь. И если слухи о моём уродстве просочатся за стены этого кабинета, господин Кот, будьте уверены, я узнаю, где вас найти.

Жёсткая угроза в его голосе заставила адвоката побледнеть. Он тут же встал и принялся, запинаясь, уверять Эрика в собственной благонадёжности и многолетней преданности семейству де Шаньи.

Когда они вышли из офиса и пошли по улице, Кристина взяла Эрика под руку.

— Пять человек? — спросил она. — Вы гораздо более доверчивы, чем я думала.

Он пожал плечами и принялся перечислять, загибая тонкие бледные пальцы:

— Вы, из-за вашего ненасытного любопытства шесть лет назад... — Он с вызовом посмотрел на неё, но Кристина не стала ничего говорить — в конце концов, это была правда. — Кавех и Дариус, поскольку именно они вытащили мою брентную оболочку из Оперы, когда я уже умирал, и заботились обо мне, пока я не поправился. Уже три. Отец Арно четвёртый, поскольку он крестил меня в младенчестве, а ваш сын является пятым.

— И вы бы доверили жизнь моему сыну, серьёзно? — Кристина рассмеялась.

— Он ведь ни с кем не разговаривает. Пока человек, задающий ему вопросы обо мне, не споёт ему что-нибудь из Бизе, я в абсолютной безопасности.

***

Вторую половину дня Эрик провёл в доме Кристины, играя поочередно то с её сыном, то на рояле. Он навестил Эрика-Дааэ в детской и развлекался, заставляя игрушечных животных говорить с мальчиком на разные голоса. Тёмно-синие глаза Эрика-Дааэ широко раскрылись от изумления, когда его игрушки ожили и начали исполнять короткие отрывки из опер, которые он слышал от своей матери.

— Вам двоим здесь весело, господа? — спросила Кристина, наблюдая за тем, как Эрик управляет небольшим деревянным жирафом, заставляя его петь душераздирающе прекрасным фальцетом партию Аиды в финальном дуэте с

Радамесом. «Он поёт партии сопрано куда лучше, чем когда-либо пела Карлотта», — подумала она с затаённой улыбкой.

— Да, маман! — ответил Эрик-Дааэ. — Месье Эрик волшебник, он заставил моих животных разговаривать со мной!

— Да, такое волшебство у него хорошо получается, — спокойно заметила Кристина. — Ты, наверное, будешь рад, если месье Эрик станет жить с нами, не так ли?

Эрик-Дааэ несколько раз кивнул:

— Да, маман! И он сможет спать в моей комнате!

Кристина сжала губы и бросила быстрый взгляд на Эрика, который закашлялся, чтобы скрыть смех.

— Ну, я сомневаюсь, что месье Эрик захочет этого, сынок. Я уверена, что он предпочтёт взрослую комнату... Но мы, наверное, всё-таки должны обсудить это, прежде чем он переедет к нам.

— Определённо, — хрипло сказал Эрик. Затем откашлялся и заговорил громче: — А кроме того, мы должны обсудить и другой вопрос. Я бы предпочёл, чтобы вы и ваша семья переехали ко мне, а не наоборот.

Кристина приподняла брови.

— Ах, — кивнула она, — вы правы, нам нужно всё обсудить. — Она опустилась на колени, чтобы поговорить с сыном. — Дорогой, мы с месье Эриком сейчас спустимся вниз, чтобы обсудить кое-какие вещи. За тобой мы пойдём чуть позже, и, возможно, он снова тебе что-нибудь сыграет.

Мальчик оживился.

— Ещё корриду?

Эрик вздохнул:

— Возможно. А может, лучше что-нибудь о сражениях?

— Да! — прозвучал восторженный ответ мальчика.

— Слава Богу, — вполголоса простонал Эрик, когда они с Кристиной начали спускаться по лестнице в гостиную. — Может быть, нам удастся приучить его хотя бы к Гуно.

Кристина усмехнулась.

Когда они зашли в гостиную, Эрик сел за рояль и начал рассеянно наигрывать какую-то мелодию.

— Эрик? — окликнула его Кристина. — Я думала, мы кое-что обсудим.

— Хм? О, прошу прощения. Старая привычка: если в комнате есть рояль, я обязательно должен сидеть за ним. — Он встал и присоединился к ней на диване. Кристина взяла его за руку, и некоторое время оба молчали. Эрик начал первым:

— Если вы собираетесь через пару месяцев вернуться на сцену, то, по крайней мере, оперные сезоны мы должны проводить здесь, в Париже. Таким образом, осени и зимы мы могли бы проводить в Провансе или, может быть... Я также знаю одно прекрасное поместье возле Руана, которым я теперь, можно сказать, владею...

— На самом деле, этой квартирой вы теперь тоже владеете, — напомнила ему Кристина.

— Так и есть. — Эрик откинулся назад и вытянул свои длинные ноги в притворном самодовольстве. — Ещё, моя дорогая, мы должны обсудить судьбу Кавеха.

— Месье Таллиса? А что с ним?

Взгляд Эрика стал отсутствующим.

— У меня есть определённые обязательства по отношению к нему, и я не могу просто так бросить его, обретя счастье. И не стану этого делать. Если бы вы только знали, сколь многим я ему обязан... — Эрик затих, погрузившись в воспоминания.

— Эрик?

— Ой. Да, — спохватился он. — Я хочу сказать, если бы вы переехали к нам, мне бы не пришлось беспокоиться о поиске нового жилья для Кавеха. Он небогатый человек, и если я не буду оплачивать свою часть расходов на ведение домашнего хозяйства, уровень его жизни станет ниже. Значительно ниже. Ему придётся снять куда меньшую квартирку, где он будет жить только лишь со своим слугой. — Эрик посмотрел на неё, слегка замявшись. — Не говоря уже о том, что... ну, мне будет его не хватать.

— Неужели? — заметила Кристина, забавляясь. Ей было очевидно, что эти двое являются близкими друзьями, несмотря на все их провоцирующие высказывания и постоянные поддразнивания друг друга. — Трудно, наверное, в таком признаваться.

— Ну, — уклонился Эрик, — я привык к этому старому зануде.

— Он, кажется, тоже вас любит... вопреки своему здравому смыслу, я думаю.

Эрик наклонил голову.

— Ну, я уверен, что он считает меня в чём-то полезным. Например, я плачу жалованье слугам. Хотя сомневаюсь, что он по-настоящему ко мне привязан.

— О, думаю, что привязан. Любой друг солжёт, что вы умерли, бросившей вас девушке, — сказала Кристина. — Но только настоящий друг поможет ещё и установить надгробие.

Подозрительный взгляд Эрика заставил её хихикнуть.

— Откуда вы знаете?

— Разве я забыла упомянуть, что у нас с месье Таллисом состоялась более чем информативная встреча, пока вы были в Руане? — невинно спросила она.

Эрик застонал, прислонившись затылком к дивану и закрыв рукой глаза.

— Я обречён.

Она сняла его руку с глаз и поцеловала её.

— Вы не обречены, любовь моя. Как насчёт того, чтобы пригласить месье Таллиса и его слугу поселиться здесь, с нами, после того как мы поженимся? Эта квартира достаточно большая, чтобы сюда свободно вместились ещё несколько человек. А Руанское поместье, как вы говорите, огромно.

Эрик задумался.

— Если мы поступим так, тогда нам придётся продать коттедж в Провансе, поскольку он слишком маленький для всех нас. Жаль, мне нравилось жить в Провансе.

Кристина покачала головой.

— Почему бы просто не добавить к нему пристройку? Мы могли бы зимовать там, если вы пожелаете. И я знаю, что вы можете спроектировать красивую пристройку даже во сне.

— Это можно, — задумчиво заметил Эрик. — Я так давно этого не делал... С удовольствием этим займусь.

— Значит, с этим вопросом уладили, если только месье Таллис согласится. Надеюсь, он любит детей.

— Думаю, переехать к нам будет лучшим решением с его стороны. Если только он согласится, это уж точно. Не исключено, что он захочет избавиться от меня после всех этих лет. — Эрик самокритично пожал плечами. — Пожалуй, мне будет приятно теперь предложить ему своё гостеприимство — после того, как я столько лет прожил у него. Что касается детей, я предполагаю, что он не будет против. У него в Персии когда-то была своя семья. — Золотые глаза Эрика блеснули. — Мы всегда сможем оставить его нянчиться с Эриком-Дааэ.

Кристина рассмеялась.

— Эрик-Дааэ будет цепенеть в его присутствии как минимум месяц. Наверное, для него будет лучше тоже получить свою собственную «взрослую» комнату.

— Кстати о комнатах...

— Да?

Эрик заколебался, не зная, как лучше поднять этот вопрос. Он вспомнил её жалобное письмо о первых днях замужества, когда она обнаружила, что дворяне не делят постель со своими жёнами. К тому моменту, как они поженятся, он тоже будет дворянином. Какой же линии поведения она от него ожидает в связи с этим? Он отчаянно надеялся, что она примет его как мужа во всех смыслах этого слова, но предложить это, учитывая собственную внешность, он не смел.

— Эрик?

Он снова откашлялся.

— Сколько... э-э, сколько комнат вы собираетесь здесь подготовить? — спросил он. Её ответ подскажет ему, собирается ли она разделить с ним свою комнату или приготовить для него отдельную.

— Полагаю, две, — сказала Кристина, подумав, что месье Таллис наверняка захочет привезти с собой своего слугу.

У Эрика упало сердце. Две комнаты: одна для Кавеха и одна для него. Значит, она не хочет, чтобы он жил с ней в одной комнате.

— Ясно, — ответил он бесцветным голосом и отвернулся, не желая, чтобы она увидела боль в его глазах. Затем его голос ожесточился: — Без сомнения, я должен потребовать уединения!

Кристина увидела его реакцию, и её плечи опустились.

— Простите, Эрик, — прошептала она. — Мне следовало предположить... — «что вы захотите разделить со мной мою комнату», хотела она сказать, но промолчала. Она вздохнула. Значит, три комнаты вместо двух: по одной для месье Таллиса и его слуги, и одну для Эрика. Он собирался стать графом де Шаньи, так почему бы ему и не желать все сопутствующие этому титулу атрибуты, включая и свою собственную спальню?

Она беспомощно махнула рукой, не зная, что сказать.

— Иногда я забываю о своём положении. — Её родители жили в одной комнате и спали в одной кровати вполне счастливо, пока мать не умерла; порой ей было трудно всё время помнить, что теперь она является графией и должна вести себя в соответствии с обычаями дворянских семей, включая и тот, что муж и жена должны спать в отдельных комнатах.

— Нет, нет, — рявкнул он, подняв руку в защитном жесте. — Это я позволил себе неслыханную наглость. — Его голос сочился сарказмом, он встал и продолжил: — Разумеется, я бы никогда не пожелал вторгнуться к вам без приглашения.

Оставив её на диване, он направился обратно к роялю и заиграл что-то очень старое и знакомое, чего Кристина давно от него не слышала. Хотя теперь это больше походило не на крики мучительной агонии, а на горькие и яростные раскаты. Наверное, это другая часть его «Дон Жуана Торжествующего», которую она пока ещё не слышала, поняла Кристина, только теперь осознав, что он играет именно эту оперу.

Она так и продолжала сидеть на диване в одиночестве, чувствуя себя брошенной. Почему он так разозлился? Даже если она сделала необоснованное предположение, что он будет жить в одной комнате с ней, злиться так не было никакой причины. А в том, что он зол, не было никаких сомнений, достаточно было взглянуть на него за роялем. Его поза выглядела угрожающей, он был раздражён невероятно.

Кристина с болью рисовала в своём воображении ещё один такой же брак, какой был у неё с Раулем. Эрик тоже будет посещать её спальню только тогда, когда захочет любовной связи, а сразу после этого будет оставлять её в одиночестве?

Она что, будет видеть его только во время совместных обедов и тогда, когда он почувствует любовное влечение? При этой мысли сердце её сжалось. Она была так одинока! Увы, если Эрик так рассердился от одного только предположения о том, чтобы разделить с ней комнату, то вряд ли она может ожидать чего-либо другого.

Одинокая слеза скатилась по её лицу, и она отвернулась от играющего на рояле Эрика. Она не позволит ему увидеть, как она плачет над своими разрушенными иллюзиями, фантазиями глупой девчонки. Да, она была замужем, овдовела, у неё есть сын, но только теперь Кристина вдруг поняла, что она ещё очень молода. Она в два раза младше Эрика. Почему вообще такой одарённый, умный и властный человек, как Эрик, хочет жениться на таком ребёнке, как она?

Слёзы продолжали катиться, но она безжалостно подавила подступающие к горлу рыдания. Эрик заслуживает лучшего, чем постоянно собирать разбитые осколки её надежд. Надо постараться взять себя в руки, пока он отвлекся на музыку.

Она вытерла слёзы ладонью и встала, вызывая Аннеке.

— Чай, пожалуйста, Аннеке, — попросила она, когда горничная появилась. Эрик продолжал играть, даже не глядя в её сторону.

Когда Аннеке вернулась с чаем, Кристина наполнила чашки, затем выпрямилась и глубоко вздохнула, успокаивая дыхание перед тем, как принести чай Эрику к роялю. Она надеялась, что он не заметит её слегка покрасневшие глаза.

Золотые глаза сверкнули на неё так, что она застыла.

— Чай? — прорычал он. — Вы приговариваете меня к фиктивному браку, а затем думаете, что меня можно успокоить чаем? — Он соскользнул со скамьи и встал к ней спиной, высокий и неподвижный. Его руки были сжаты в кулаки; Кристина видела, как они дрожат.

— Простите, я просто подумала...

— Вы подумали, что можно просто так пнуть вашего бедного верного пса Эрика, а затем предложить ему чашку чая, и он приползёт обратно. — Он горько засмеялся. — Вы очень хорошо знаете меня, мадам, поскольку так оно и есть.

Он повернулся вполоборота, ровно настолько, чтобы взять чашку и поднести её к губам.

— Вы знаете, что Эрик смирится с чем угодно ради того, чтобы назвать вас своей женой! Но это было жестоко, мадам, очень жестоко с вашей стороны — подарить Эрику надежду так, как вы это сделали!

— Что? Что я сделала? — Кристина была уже на грани, вряд ли ей удастся долго удерживаться от рыданий. Особенно если он будет вот так снова говорить о себе в третьем лице.

Он вдруг повернулся к ней лицом — так резко, что пролил чай себе на руку. Зашипев от боли, он отставил чашку.

— Когда Эрик осмелился мечтать о том, чтобы иметь жену и дом, как у любого нормального человека, вы согласились... только пока он не зашёл слишком далеко! Стоило только завести разговор о нормальных супружеских отношениях — таких же, какими наслаждаются все супружеские пары — как вы тут же решили выделить Эрику отдельную комнату! Не дай Бог вам придётся терпеть труп в своей постели!

Рыдания всё-таки вырвались прежде, чем она смогла их сдержать. Уткнувшись лицом в ладони, Кристина отвернулась, чтобы он её не видел. Плач был настолько сильным, что её затрясло.

Стоявший за её спиной Эрик сложил руки на груди и нахмурился под маской. Что означает её плач? Поскольку рыдания не утихали, он забеспокоился.

— Кристина?

Она ничего не ответила, и зрелище её худеньких пожимающих плеч поразило его в самое сердце. Его гнев моментально рассеялся, он подошёл к ней сзади — близко, но не касаясь.

— Кристина, я... Ох, простите меня! Я чудовище, я знаю, но простите меня, пожалуйста! Если вы хотите, я буду спать в отдельной комнате и буду вам благодарен только за то, что вы позволяете мне находиться в одном с вами доме!

— О, Эрик! — Кристина с рыданием обернулась и бросилась в его объятия. Уткнувшись лицом в его плечо, она крепко его обняла. Эрик обнял её в ответ и прижался лицом к её волосам.

— Пожалуйста, простите меня, любовь моя, — умолял он хриплым шёпотом. — Вы же знаете, какой у меня ужасный характер.

Кристина издала полусмех-полурыдание и кивнула, не отрываясь от его плеча.

— Мне следовало убить себя, прежде чем срываться на вас, — пробормотал Эрик, преисполнившись ненавистью к самому себе. Воссоединившись с Кристиной, он поклялся себе никогда больше на неё не кричать, и вот она снова рыдает в его объятиях.

Он плотнее прижал её к себе, поглаживая её волосы, пока она не успокоилась. Кристина несколько раз судорожно вздохнула и затихла. Тогда он осторожно приподнял её лицо кончиком пальца, чтобы прочитать его выражение. Горе и замешательство. Эрик вздохнул, вынимая платок.

— Вот, позвольте вам помочь, — пробормотал он, нежно вытирая её лицо. — Простите меня, Кристина, — повторил он.

Она забрала у него платок, вытерла глаза и покачала головой.

— В этом нет необходимости, — тихо сказала она. — Это была моя вина. Эрик, мы, кажется, неправильно поняли друг друга.

— Неправильно? Объясните, — попросил он, его голос звучал очень тихо.

Кристина покачала головой.

— Дело в том, что я... ожидала того, чего не имела права ожидать. Вот и всё.

Грудь Эрика приподнялась от резкого вдоха.

— С этим понятием я знаком очень близко, мадам, поверьте, — сухо ответил он. — Чего же вы ожидали? Скажите мне.

— Я ожидала... нет, я надеялась, что вы не будете настолько восхищены своим новым положением в обществе, что не захотите делить со мной одну спальню.

— Че... — он был так поражен её словами, что невольно отпрянул. — Чего?

— Я надеялась, что у нас будет общая спальня, но потом вы упомянули о необходимости уединения... а потом так разозлились из-за мысли об отдельной комнате, что привели меня в полное замешательство.

Эрик заморгал.

— Вы хотите сказать, что желаете делить со мной спальню?

— Конечно, дорогой мой! Если вы читали мои письма, то должны помнить, как я была расстроена... ну, тем, чего не делал мой муж. Я была так одинока, Эрик, всё время, но особенно по ночам. Я с таким нетерпением ждала избавления от этого одиночества, что ваше требование отдельной спальни стало для меня грубым пробуждением.

Эрик наконец с облегчением улыбнулся.

— Нет, любовь моя. Вы сказали, что нужно подготовить две комнаты для нашего переезда. Одну для меня и одну для Кавеха.

— А как же его слуга? Мы же не собираемся выставить Дариуса за порог, я надеюсь?

Эрик открыл рот и закрыл его.

— Дариус — слуга. Я... я думал, что для него комнату будет готовить прислуга, а не вы.

— Но у меня нет прислуги, мой дорогой. Только няня, горничная и приходящий повар. Я, может быть, и графиня, но я выросла в бедности. Я не настолько горда, чтобы иногда не постелить себе самой постель.

Эрик крепко обнял её, уткнувшись закрытым маской лицом в её волосы.

— Вы имеете в виду... что вы не станете мне говорить... что вы не собираетесь... что вы не позволите мне...

— Не позволю вам что? — Кристина откинула голову назад, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Не позволите мне осуществить супружеские права? — с трудом закончил Эрик. — Я не виню вас, — добавил он поспешно. — Ведь, действительно, какая женщина смогла бы пустить такого, как я, в свою постель?

Кристина протянула руки к его затылку и развязала маску, позволив ей упасть на пол.

— Я пушу, любовь моя. Я никогда не смогу назвать вас красивым, но ваше лицо мне дорого, потому что оно ваше. Я люблю вас, Эрик, и когда-нибудь вы поймёте: это значит, что я люблю вас целиком, и лицо, и всё остальное.

Мертвенно-бледное лицо Эрика озарилось слабой надеждой.

— Значит, вы утверждаете, что желаете разделить со мной одну спальню? Что вы даже позволите мне...

Кристина улыбнулась и встала на цыпочки, чтобы прикоснуться губами к его впалой щеке.

— Я позволю вам осуществить любые супружеские права, какие захотите — пообещала она. — Только, пожалуйста, обещайте, что после этого не оставите меня в спальне в одиночестве.

Эрик испустил длинный облегчённый выдох. Он даже не осознавал, что задержал дыхание.

— Никогда, — пообещал он. — Так легко вы от меня не избавитесь, никогда в жизни.

Он наклонился, чтобы поцеловать её. И ещё раз поцеловать. И ещё...

— Кроткий, как ягнёнок, говоришь? — поддразнила его Кристина через несколько минут, когда положила голову ему на плечо, чтобы отдышаться.

— Прости, любимая, — сказал он. — Признаюсь, все эти разговоры о супружеских правах несколько затмили мой разум. — Он грустно улыбнулся и отвернулся, чтобы глотнуть чая и успокоить бешеное сердцебиение.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — призналась Кристина. — Когда мы целуемся, Эрик, ты заставляешь меня чувствовать такое, чего я никогда прежде не чувствовала. Хотя была замужем!

Он фыркнул.

— Вряд ли это хороший способ отвлечься от темы, мадам.

Он сел за рояль и начал играть. Эта мелодия была вариацией предыдущей, только с оттенком страсти, а не грусти. Кристина заметила разницу и озорно улыбнулась.

— Пожалуй, нам стоит назначить дату венчания как можно быстрее. Месье Кот сказал, что ваш титул вступит в официальную силу через считанные дни. Устроим свадьбу сразу, как только поступят новости от него?

Эрик с восторгом посмотрел на неё:

— Я немедленно напишу отцу Арно; мы сможем пожениться через неделю! Вы кого-нибудь хотите пригласить?

Кристина задумалась, пока Эрик продолжал играть.

— Я бы хотела пригласить обеих Жири и, возможно, Сорелли с её семьёй. Как насчёт вас?

Некоторое время он играл, не отвечая, потом сказал:

— Кавех согласился стать моим свидетелем, и я бы хотел, чтобы Дариус тоже присутствовал. Кроме них — никого.

— Значит, маленькая свадьба, — подытожила Кристина. — Это хорошо. Крупные торжества приходится дольше планировать.

— О, я знал, что не даром влюбился именно в тебя.

Глава 15. Небольшая шалость

На следующий день Эрик получил господина Коте письмо с уведомлением о том, что титул теперь официально принадлежит ему. Льстивые поздравления поверенного по отношению к новому графу де Шаньи заставили Эрика ухмыльнуться. Улыбка не сходила с его лица даже тогда, когда он спешно направился к своему столу, чтобы написать пару писем.

Сперва — краткая записка Кристине с сообщением о новости, второе письмо было предназначено отцу Арно.

«Дорогой отец Арно,

Прежде всего, я хотел бы ещё раз поблагодарить Вас за помощь в вопросах, касающихся как моего наследства, так и моей души. Приношу Вам свою искреннюю благодарность.

Вашего письма и документальных подтверждений моего рожденья, которые Вы так любезно предоставили мне перед отъездом из Руана, оказалось достаточно, чтобы титул официально перешёл ко мне, и мой адвокат только что подтвердил этот радостный факт. Мадам де Шаньи настаивала, чтобы этот вопрос был урегулирован до нашей свадьбы, чтобы меня не считали «охотником за приданым». Она предпочитает, чтобы «охотницей за богатым женихом» считали её. Какой мужчина смог бы отказаться от любви такой восхитительной женщины? Что же касается свадьбы, святой отец, мы бы хотели, чтобы Вы обвенчали нас утром следующей пятницы, если Вы будете готовы.

Посещая Вашу церковь, я заметил, что в ней нет органа. По счастливой случайности я как раз владею одним прекрасным инструментом и, пока мы ожидаем Вашего одобрения, с удовольствием пожертвую его церкви. Взамен прошу лишь одного — позволить мне время от времени на нём играть; полагаю, Вы найдёте моё исполнительское мастерство приемлемым для выполнения этой задачи. По возможности, я бы хотел установить орган в церкви до нашей свадьбы, поскольку я сочинил свадебную массу, которую хотел бы исполнить для своей невесты.

В начале недели я собираюсь посетить поместье Шаньи, чтобы совершить все необходимые приготовления; могу ли я навестить Вас, когда приеду в Руан? С нетерпением ожидаю известий от Вас при первой же возможности.

С уважением,

Эрик де Карпентьер, граф де Шаньи.»

Затем Эрик приступил к выполнению весьма незавидной задачи — поговорить с Кавехом об их дальнейших жизненных планах.

— Кавех, ты хотя бы раз задумывался о том положении, в котором окажешься после моей женитьбы? — спросил он друга тем же вечером после пары бокалов коньяка.

Кавех кивнул.

— Я собираюсь вернуться в Прованс; возможно, продам наш коттедж и поищу домик поменьше. Ещё я подумывал насчёт того, чтобы остаться здесь, в Париже, и, может быть, поискать другую квартиру на улице Риволи. — Он поднял глаза и увидел, как сжимаются едва заметные под маской губы Эрика. — Эрик, не беспокойся о нас. Мы раньше прекрасно обходились без тебя, и сделаем это снова. Парижский климат теперь не будет так плохо сказываться на моём здоровье — поскольку теперь мне не придётся без конца разыскивать тебя по этим затхлым, пыльным старым подвалам...

— О чём, я тебя, кстати, никогда не просил — даже наоборот, — подчеркнул Эрик. — Однако, что касается твоей ситуации... Хочу поинтересоваться, не согласишься ли ты продолжить нашу договорённость на несколько иных условиях?

— Что ты предлагаешь?

— Ну, ты ведь понимаешь, что, став графом де Шаньи, я вдруг стал намного богаче, чем был две недели назад. Кристина говорит, что у меня есть не только парижская квартира, где она живёт сейчас, но и летнее поместье Шаньи, где я родился, неподалёку от Руана. Ещё у меня есть дом в Швеции, где она жила с этим глупым мальчишкой, моим кузеном. Есть также несколько замков, засоряющих чуть ли не половину Европы: один в Великобритании, один в Бельгии, один в Италии — подумай над этим. Мы с Кристиной обсуждали вопрос, где мы будем жить после свадьбы, и пришли к решению.

— И к какому же? Вы хотите, чтобы я стал сторожем одного из ваших грандиозных особняков, так, что ли?

Эрик покачал головой, наклоняясь вперёд.

— О нет, друг мой. Я не хочу, чтобы ты работал на меня. Мы с Кристиной хотели бы, чтобы ты переехал жить к нам!

Кавех нахмурился.

— Эрик, это плохая шутка, даже для тебя.

Но тот лишь покачал головой.

— Это не шутка, Кавех. Ты окажешь нам честь, если согласишься поселиться в нашем поместье. Мы с Кристиной будем рады видеть тебя нашим гостем так долго, как только ты пожелаешь.

Кавех фыркнул:

— Это же смешно, Эрик! Вы с Кристиной будете новобрачными, так с какой же стати ты хочешь делить свой дом с посторонним? Я думал, ты предпочтёшь побыть с ней наедине.

— Я приглашаю тебя разделить с нами поместье, Кавех, а не нашу спальню! Я не вижу, как твоё присутствие в столовой и в гостиной по вечерам сможет так уж сильно помешать нашей личной жизни... А если вдруг помешает, мы всегда можем уехать.

— Хорошо, но как насчёт моего мнения? Ты серьёзно просишь, чтобы я позволил себе жить на чужом обеспечении — так долго, как я захочу? Ты с ума сошёл? Если бы я был женщиной, то решил бы, что ты хочешь сделать меня своей содержанкой! Что ты вообще имел в виду под всем этим?

Эрик взмахнул рукой, пытаясь подобрать слова — попытка объясниться была для него очень трудной задачей, поскольку он привык на протяжении многих лет прятать свои чувства.

— Посмотри на это с другой стороны, Кавех. Ты столько лет заботился обо мне, давал мне пищу и крышу над головой, чуть ли не силой заставлял меня следить за собой... Теперь же ты получаешь шанс компенсировать свои затраты — так почему бы и не воспользоваться им?

— То есть ты предлагаешь мне быть у тебя «на содержании» за то, что я «содержал» тебя последние пять лет?

— Именно так. — Эрик кивнул и заулыбался.

При виде такой бесхитростности Кавех фыркнул.

— Что ж... если ты ставишь вопрос таким образом, разве я могу отказаться? — Его голос сочился сарказмом.

Эрик поёрзал.

— Дело в том, дарога... Мой долг перед тобой столь огромен, что я никогда не смогу его тебе вернуть. Я несколько лет жил в долгу перед тобой за... ну, за мою жизнь, скажем прямо, не говоря уже о крыше над головой и пропитании. И вот я наконец оказался в том положении, когда могу что-то сделать для тебя в ответ. Предлагая своё гостеприимство, я не имел целью оскорбить тебя, только лишь отблагодарить.

— Эрик, ты ничего мне не должен. И я сам — тоже не долг, который ты обязан видеть погашенным. Я держал тебя в своём доме вовсе не потому, что надеялся в будущем получить что-нибудь от тебя взамен, ты ведь должен это понимать!

— Я понимаю, Кавех, и благодарю тебя. И всё же ты — второй по важности человек для меня в этом мире, и я буду рад, если смогу наконец отплатить — хотя бы частично — за твоё великодушие. Даже если ты всю оставшуюся жизнь будешь жить только за мой счёт, я всё равно не рассчитаюсь с тобой за всё, что ты для меня сделал. Я должен тебе гораздо больше, чем можно купить за деньги. Ты мой лучший друг, Кавех. Мой *единственный* друг, если уж на то пошло. И я буду тебе несказанно признателен, если ты позволишь мне выразить свою дружбу таким образом. Не говоря уже о том, что мне нравится, когда ты рядом, и мне будет тебя катастрофически не хватать, если ты больше не будешь частью моей семьи. И вот теперь, когда ты практически вынудил меня сказать тебе всё это, будь уверен — если меня кто-нибудь об этом спросит, я буду отрицать сказанное до последнего вздоха!

Кавех усмехнулся.

— Что ж! Эрик, я понятия не имел, что ты испытываешь ко мне такую горячую привязанность! — поддразнил он друга. — Теперь, когда я понял твои истинные мотивы, то понимаю и то, как грубо было бы с моей стороны отказаться от твоего щедрого предложения. Однако я вынужден настаивать на одном условии.

— На каком? — спросил Эрик сквозь зубы. Он понимал, что Кавех после его признания наверняка будет над ним подшучивать и дразнить.

— Позволь мне уж как-нибудь самому зарабатывать себе на пропитание. — Голос Кавеха звучал твёрдо.

Эрик озадаченно поглядел на друга.

— И как именно? Ты же знаешь, я не хочу, чтобы ты работал на меня.

Кавех пожал плечами.

— Думаю, моя помощь тебе так или иначе пригодится. Ты знаешь, на что я способен, и знаешь, что я прекрасно умею становиться незаменимым! Я очень хороший детектив, телохранитель — мадам де Шаньи ведь собирается постоянно ездить в Оперу в любое время дня, не так ли? — даже политик. Признай, что я куда лучший дипломат, чем ты; если бы ты был лучше осведомлён о политической ситуации в той стране, где живёшь, то вряд ли попал бы в персидскую тюрьму, да ещё и под угрозой казни со стороны шаха! Всё, что я прошу, — это шанс заработать себе на хлеб с маслом, потому что в противном случае я буду чувствовать себя как паразит. — В этот момент он увидел, как в глазах Эрика зажёгся насмешливый огонёк, и зарычал: — Ни слова!!!

Эрик усмехнулся.

— Ладно, промолчу. Я согласен на твоё условие. Не думаю, что мне это действительно нужно, но согласен.

Кавех кивнул.

— Хорошо, значит, договорились. Уверен, Дариус тоже будет доволен: он начинает хандрить при мысли о том, что нам придётся покинуть наш счастливый дом. Я благодарю тебя и мадам Шаньи.

Эрик с облегчением улыбнулся:

— Всегда пожалуйста.

Кавех протянул руку:

— Это было щедрое предложение с твоей стороны. И я хочу, чтобы ты знал: я тоже испытываю подобную привязанность к тебе, друг мой. — Они торжественно пожали друг другу руки, после чего Кавех откашлялся и сменил тему: — Куда вы собираетесь отправиться в свадебное путешествие?

— О, я думал насчёт Мазендерана.

Кавех подавился напитком, и Эрик невинно поднял голову:

— Что такое?

— Ты хочешь, чтобы нас всех убили? — зашипел Кавех.

Эрик заморгал.

— Я пошутил, дарога. Пора бы тебе уже научиться расслабляться, старина. Иначе тебя как-нибудь удар хватит.

— Твоими стараниями! — парировал Кавех, вытирая рот платком. — Клянусь, Эрик, ты доведёшь меня до могилы.

— О, хорошо. Если ты уже смирился с этой мыслью, то не откажешься помочь мне завтра проверить одно дельце. Так, небольшая шалость.

— Что ты имеешь в виду под шалостью? — подозрительно спросил Кавех.

— О, надо решить маленькую проблему — востребовать обратно кое-что из моей собственности, вот и всё.

***

На следующее утро Эрик получил ответ от священника. Да, старик будет рад обвенчать их с Кристиной в пятницу утром, и да, он с удовольствием примет в подарок орган. А тем временем, не желает ли Эрик поручить ему завершение всех дел в Руане?

В ответном письме Эрик попросил отца Арно сообщить прислуге в поместье Шаньи о восстановлении им титула и предстоящем бракосочетании. Также он велел им подготовить дополнительные комнаты для его жены и её сына, не говоря уже о его друге, слуге друга и четырёх гостях, которые приедут на свадьбу.

Оставалась лишь одна проблема — достать орган Эрика из подвалов. Эту проблему он решил просто, надев резиновую маску и появившись вместе с Кавехом перед директорами.

— Эрик де Карпентьер, — представился он господам Ришару и Моншармену. — Граф де Шаньи. Вы, должно быть, помните моего друга месье Таллиса, который раньше был тесно связан с делами Оперы — а точнее, с моими кузенами Филиппом и Раулем, а также с Призраком Оперы.

— Конечно, месье де Шаньи. Чем мы можем вам помочь? — Ришар всегда старался выслужиться перед благородными господами.

Послав Кавеху предупреждающий взгляд, чтобы тот молчал, Эрик пояснил:

— Пять лет назад, когда Призрак Оперы похитил Кристину Дааэ, мой кузен Рауль отправился в подвалы, чтобы попытаться её спасти. Вы, возможно, не знаете, что мы оба с месье Таллисом тоже при этом присутствовали. Я не вправе рассказывать о том, что там произошло, за исключением того, что всё это привело

к гибели Призрака Оперы и бегству моего кузена вместе с мадемуазель Дааэ в Швецию.

— Мы полагали, что за последние годы всё это уже утихло, — пробормотал Моншармен. — Но какое это имеет отношение к нам?

— Я музыкант, господа, и я помню, что видел в доме Призрака Оперы возле подземного озера довольно приличный орган. Возле того самого озера, на берегу которого, как вы помните, нашли тело моего трагически утонувшего кузена Филиппа. И сейчас я предлагаю в качестве компенсации за смерть моего кузена забрать этот орган — и, возможно, что-нибудь ещё из вещей, которые могут там находиться.

Ришар и Моншармен переглянулись, приподняв брови.

— Но, сударь, мы никогда не были там, внизу. Мы не знаем, в каком состоянии находится этот орган и остальные вещи, мы даже не имеем ни малейшего представления, как найти дом призрака! — запротестовал Моншармен.

Эрик отмахнулся от этих возражений:

— О, это не имеет значения. Мы с господином Таллисом более чем хорошо знакомы с планировкой подвалов.

Директора вновь обменялись скептическими взглядами. На лице Эрика не отражалось никаких признаков нервозности, однако Кавех видел, как подёргиваются возле бедра его пальцы.

Кавех многозначительно прочистил горло.

— Господа, я уверен, что если вы согласитесь уважить просьбу графа, он сможет в дальнейшем отказаться от претензий на какие-либо *другие* компенсации.

На этот раз их взгляды друг на друга выглядели ошеломлёнными.

— О! — воскликнул Моншармен. — Э-э... верно. Что ж, сударь, мы можем...

— Можем ли мы переговорить наедине? — перебил его Ришар. Упоминание о претензиях на дальнейшие компенсации заметно его испугало. Это не *их* вина, что граф Филипп пошёл туда следом за своим влюблённым братом и в результате сам утонул в озере!

Эрик уступил просьбе, и они с Кавехом вышли в приёмную возле директорского кабинета.

— Они согласятся, — с уверенностью заявил Перс.

— Кавех, это было великолепно! У тебя есть полезный талант запугивать и добиваться своего угрозами! — Эрик зааплодировал. — Я впечатлён. Где ты обучился таким полезным навыкам?

Кавех ничего не ответил, лишь приподнял брови и невыразительно посмотрел на Эрика. Тот смутился.

— А.

По всей видимости, он сам оказал на Кавеха такое влияние, ещё в Персии.

Кавех улыбнулся конфузу друга и похвалил его в ответ:

— У меня, возможно, есть талант добиваться своего, Эрик, зато у тебя есть удивительный дар лгать, говоря правду! Что за околесицу ты там извергал! — Он скопировал позу Эрика и процитировал: — «Мы с моим другом тоже при этом присутствовали, но я не вправе рассказывать о том, что там произошло». О да, конечно! Эрик! — Кавех с удивлением и невольным восхищением медленно покачал головой.

— Ну, я ведь действительно не могу рассказать, — прагматично сказал Эрик. — Если хочу получить свой орган. И согласись, они не должны знать, что я присутствовал там, потому что я и был Призраком Оперы!

— Но ты же сказал им, что Призрак Оперы умер, — заметил Кавех.

Эрик невинно развёл руками:

— Ты с тех пор видел, чтобы я тревожил в амплуа призрака хоть какую-нибудь Оперу? И не забывай, там есть надгробие. Даже гроб.

— Пустой гроб и пустая могила! — упорствовал Кавех.

— Ну разумеется, они пустые. Ты же не дал мне умереть.

Разгорячённый Кавех уже собирался ему ответить, когда дверь открылась и появились директора.

— Месье де Шаньи, месье Таллис! — провозгласил Ришар. — Мы с партнёром обсудили этот вопрос — и готовы выполнить вашу просьбу. Когда вы желаете забрать этот орган?

— Как можно скорее, поскольку он должен быть установлен в Руане к утру пятницы. — Эрик со скучающим видом теребил завязки своего плаща.

Директора переглянулись.

— В таком случае, видимо, это должно быть сделано сегодня? — предположил Моншармен. — Ришар и я будем рады предоставить вам группу рабочих, чтобы они вынесли его для вас.

— Да, пожалуйста, я буду признателен, — решил Эрик. — Я ещё должен организовать его перевозку в Руан.

Директора и вызванные ими шестеро крепких мужчин сопровождали Эрика и Кавеха в подвалы. Эрик не колебался: он безошибочно провёл их вниз к берегу озера.

— Во имя всего святого, откуда вы так хорошо знаете путь, сударь? — спросил бригадир грузчиков, совершенно запутавшийся в лабиринте туннелей и лестниц, которыми вёл их Эрик.

Эрик и Кавех, который нёс фонарь, весело посмотрели друг на друга.

— Я раньше бывал здесь несколько раз, — сухо ответил Эрик.

Кавех кашлянул, чтобы скрыть смешок.

— Думаю, тебе следует поостеречься с таким-то кашлем, — вполголоса поддразнил его Эрик. — Здесь, внизу, нездоровый воздух, как я слышал.

Саркастический ответ Кавеха не заставил себя ждать:

— Тебе это известно лучше, чем кому-либо другому. — Он ухмыльнулся, перехватив взгляд Эрика; жёлтые глаза отражали свет фонаря, как у кошки.

К вечеру орган был уже на пути к церкви отца Арно в Руане.

— Ты, наверное, хочешь отправиться вместе с ним и убедиться, что его установят как полагается? — спросил Кавех, заметив тоскливый взгляд Эрика, наблюдающего за уезжающей прочь громыхающей повозкой.

— Разумеется, хочу. На самом деле, мне ничего не мешает это сделать. Арно говорил, что собирается посетить мой дом и навести там порядок в делах — я уже написал об этом управляющему, — но я бы хотел лично приехать и проследить, чтобы для Кристины всё было подготовлено идеально. — Он покосился на Кавеха. — Не желаешь поехать со мной?

— Всенепременно! — расплылся в улыбке Кавех. — Нельзя же упустить шанс увидеть дом твоего детства.

Эрик поморщился.

— Да уж, место невероятного счастья, — сказал он с сарказмом. — Очень хорошо. Я сегодня поставлю в известность Кристину, и выезжаем завтра.

Прибыв в Руан, они наняли экипаж и направились сразу в церковь, где Эрик встретил отца Арно. Священник был удивлен, но радушно их поприветствовал. Эрик представил своего иноземного спутника:

— Кавех Таллис, бывший дарога Мазендерана.

— Рад познакомиться с вами, месье, — с поклоном сказал Кавех.

Отец Арно широко улыбнулся, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. Имитация Эрика в прошлый его приезд была безупречна.

— Взаимно, месье. В какой-то степени мне кажется, будто мы с вами уже давно знакомы, — сказал он, кусая губы, чтобы сохранить самообладание.

Кавех раздражённо фыркнул, бросив быстрый взгляд на Эрика.

— Да, мне сказали, что *вам* меня уже представили некоторое время назад. Или кого-то, кто выдавал себя за меня.

— Верно, верно, — ответил священник, широко улыбаясь. — Итак, мой мальчик, каковы ваши планы теперь, раз вы приехали? — спросил он Эрика. — Отправитесь отсюда прямо в поместье, наверное?

Эрик кивнул.

— Конечно, но сначала я бы хотел осмотреть мой орган.

— Разумеется, разумеется. Вы не будете возражать, если я поеду в поместье вместе с вами? Хочу убедиться, что они исполняют всё то, что я велел им сделать от вашего имени.

— Да пожалуйста, — рассеянно ответил Эрик, уже увидевший орган. Подойдя к инструменту, он с тоской провёл пальцем по клавишам. После чего скользнул на скамью и начал играть. Отец Арно, услышав его игру, раскрыл рот.

— Я понятия не имел!.. — не договорив, он лишь покачал головой.

— Да, он хорош, — признал Кавех. — Но оно и не удивительно, столько лет прожить под оперным театром...

Арно хохотнул и подошёл к Эрику.

— Что ж, мой мальчик, вы удовлетворены тем, как его установили?

Эрик кивнул и продолжил играть, пока не закончил композицию. После чего с легким сожалением поднялся со скамейки и погладил боковую стенку органа.

— Обещаете, что я смогу приезжать и играть всякий раз, когда захочу, если не будет мессы?

Арно кивнул.

— Даю вам слово, сын мой, и примите мою благодарность. Это прекрасный инструмент.

Эрик вздёрнул подбородок.

— Ну разумеется! — Кажется, его обидело само предположение, что он мог владеть не слишком хорошим органом.

Кавех откашлялся.

— Эрик, нам пора ехать.

Священник, несмотря на свой довольно преклонный возраст, всё ещё оставался очень хорошим наездником. Он лишь посмеялся над предложением Эрика нанять экипаж, чтобы тот отвёз их в имение, и вскоре все трое мчались верхом по дороге к поместью.

Мажордом встретил их в дверях, подобострастно кланяясь, и тут же приказал мальчику-конюху забрать лошадей. Сам мажордом оказался маленьким, щуплым человечком с тонкими тёмными усиками. Он представился гостям (его звали Гийом) и стал приветствовать своего господина, слегка заискивая перед ним, пока Эрик не остановил его свирепым взглядом. Мажордом покорно отступил и спокойно представил остальную часть персонала.

— Я бы хотел осмотреть дом, начиная с комнат, которые я велел подготовить, — потребовал Эрик.

— Конечно, месье, — тут же ответил мажордом. Он провёл их вверх по лестнице и, пройдя длинный коридор, гордо распахнул дверь в конце: — Главная спальня, месье.

Комната была оформлена в классическом мужском стиле, с тёмно-красными покрывалом и портьерами. Шторы были закрыты, и в комнате было душно и темно, как в гробнице. Эрик поморщился.

— С таким же успехом я мог бы остаться в подвалах, — пробормотал он, обращаясь к Кавеху. — Гийом, откройте эти шторы. И окна тоже откройте. Если бы я хотел жить в могиле, то остался бы... эмн... в общем, просто откройте здесь всё.

Мажордом бросился исполнять приказ, игнорируя тот факт, что это была работа прислуги, а не его. Эрик одобрительно кивнул. После этого Гийом провёл их в соседнюю комнату.

— А это спальня госпожи, — объявил он.

Вспомнив свой спор с Кристиной, Эрик поджал губы, задумавшись. Эта комната была более женственной, оформленной в бледных тонах. Хотя она казалась намного светлее и просторнее, чем хозяйская спальня, и здесь тоже была...

— Это смежная дверь? — спросил он, указывая.

Гийом кивнул:

— Да, месье.

Эрик кивнул, довольный. Возможно, они с Кристиной смогут спать вместе в одной из комнат, а вторую использовать в качестве гардеробной. Поскольку здесь есть смежная дверь, вряд ли она станет возражать, а он не будет чувствовать себя, словно вор, крадущийся по коридору среди ночи, чтобы провести время с собственной женой!

Комната Кавеха, расположенная на том же этаже, но по другому коридору, оказалась чистой, просторной и хорошо обставленной. Они обменялись удовлетворительными кивками. Детская располагалась наверху, над главной спальней, и на неискушенный взгляд Эрика выглядела вполне приемлемо. Здесь до сих пор находились какие-то игрушки, в основном куклы, и Эрик вдруг понял, что это те самые игрушки, с которыми играли его собственные сёстры. Он резко отвернулся от двери.

— Очистить комнату от мусора, — жёстко приказал он. — У моего пасынка есть свои собственные вещи, и я не хочу, чтобы его тревожили вещи из прошлого.

Кавех перехватил взгляд священника, и они понимающе кивнули друг другу. Прошлое здесь тревожило вовсе не пасынка!

Гийом повёл их по остальной части дома, и наконец они дошли до дальнего крыла. Это место Эрик помнил: здесь он провёл первое десятилетие своей жизни. Он отвёл глаза от лестницы, где упала и умерла его няня, попытавшись его ударить. Он становился всё более и более беспокойным, пока они шли через эту часть здания, пока отец Арно не потянулся к нему и не взял его за руку. Эрик сердито посмотрел на него, но старик невозмутимо улыбнулся:

— Вы не возражаете, сын мой? Я немного устал: пришлось пройти больше, чем я привык.

Эрик что-то буркнул себе под нос, однако присутствие старого священника оказалось странно успокаивающим. Это напомнило ему, что на самом деле он исповедовался и получил прощение за тот несчастный случай, и что в первую очередь виновата была сама старуха, решившая, что он демон, и попытавшаяся его убить.

И всё же он был рад, когда они вернулись в другую часть дома. Ему хотелось просто снести всё это крыло, чтобы жить здесь с Кристиной в покое и чтобы его не преследовали мысли об изолированном детстве и первом совершённом убийстве.

Подождите-ка минутку. Этот дом принадлежит ему. Он может снести всё крыло, если хочет! И даже может спроектировать совершенно новое крыло, пока живёт здесь. Посветлев при этой мысли, он вдруг осознал, что сделал священник, и печально ему кивнул: — Думаю, теперь вашим ногам должно быть уже намного лучше, святой отец, — сказал он.

Заметив, что настроение Эрика значительно улучшилось, когда они покинули старое крыло, священник улыбнулся и кивнул:

— Я думаю, вы правы, сын мой. Благодарю за поддержку.

— Рад был помочь, — ответил Эрик, стараясь не улыбаться иронии священника, поблагодарившего его за поддержку, когда дело обстояло в точности до наоборот.

***

В письме Эрик предложил Кристине выбор: остаться в Париже и заниматься с учениками до конца недели, или присоединиться к Эрику и Кавеху в Руане, в поместье Шаньи, за три дня до свадьбы. Кристина, не теряя времени, оповестила

учеников, что она будет недоступна «в обозримом будущем» и что она свяжется с ними, как только вернётся в город.

Она ненадолго зашла в Оперу, чтобы отнести свои ноты, а также навестить мадам Жири и малышку Мег. Она попросила их обеих зайти вместе с ней в комнату для частных уроков и плотно прикрыла дверь.

— Что у тебя за секрет, Кристина? — нетерпеливо потребовала Мег.

Ее мать спокойно улыбнулась:

— Держу пари, я знаю, о чём пойдёт речь — теперь, когда он вернулся.

Кристина, слегка смутившись, хихикнула и сказала:

— Я позвала вас сюда, потому что хотела бы пригласить вас обеих на мою свадьбу в пятницу утром.

Мег вскрикнула от волнения, а мадам Жири лишь понимающе рассмеялась.

— Твоя свадьба? Кристина! За кого ты выходишь замуж? Я его знаю? Почему я не знала, что у тебя появился жених? Ты хранила от меня секреты! — все обвинения и вопросы Мег выпалила на одном дыхании.

— В пятницу утром, подумать только, всё произошло так быстро, вам не кажется?
— мадам Жири мягко поддразнила Кристину. — Я впервые увидела вас с ним всего неделю назад!

— С кем? Кто это? Он красивый? Скажи же, Кристина! Я должна знать! — умоляла Мег.

Кристина, сияя от счастья, сдалась и рассказала своей юной подруге всё, что та хотела знать:

— Его зовут Эрик де Карпентьер. Мы познакомились много лет назад и были друзьями, но только недавно снова нашли друг друга. Он вовсе не красив, — сказала она откровенно, — но он удивительный человек, и я очень его люблю.

— Ох! — проникнувшись романтикой момента, Мег сложила руки на сердце и испустила восторженный вздох.

Мадам Жири протянула руку Кристине, и та сжала её в ладонях.

— Я желаю вам всего самого лучшего, моя дорогая. — Не желая раскрывать своей дочери тайну Призрака Оперы, она сказала только: — Очень приятно, наконец, узнать имя этого джентльмена. Я надеюсь, что вы оба будете счастливы.

— Эрик? Твоего жениха зовут Эрик? Значит, ты назвала Эрика-Дааэ в его честь? Ты сказала, что знала его много лет назад. Как вы познакомились? — Любопытство Мег было неуголимым.

Кристина рассмеялась.

— Наша история наполнена случайностями и совпадениями настолько, Мег, что ты не поверишь даже половине из них, если я расскажу! Много лет назад он был моим учителем вокала, великим и талантливым человеком. Однако состояние его здоровья оставляло желать лучшего, и я узнала, что он умер — ещё до того, как мы с Раулем уехали из Парижа. Но оказалось, что он не умер, а наоборот, поправился. Недавно он приехал в Париж, и мы снова встретились и... ну... — Она беспомощно развела руками. — Мы женимся. В Руане, в пятницу утром. И я хотела бы, чтобы вы обе были нашими гостями на свадьбе.

— Ох, ну разве это не романтично! — воскликнула Мег.

— Безусловно, — согласилась мадам Жири. — Это замечательно, что вы с этим господином будете счастливы вместе — после того, как были разлучены столь долго. Да, — решительно кивнула она. — Мы будем рады прийти.

— Ах, прекрасно! — воскликнула Кристина. — Мы на это надеялись! Эрик всё устроил, вы сможете забрать свои билеты на поезд и выехать в четверг утром, и тогда уже к субботе станете нашими гостями в его руанском поместье.

— Он владеет поместьем в Руане? — спросила Мег, широко раскрыв тёмные глаза.

— По правде говоря, — пояснила Кристина, — он владеет *моим* поместьем в Руане. Это одно из самых странных совпадений. Эрик оказался законным наследником титула графа де Шаньи. Судя по всему, титул не должен был отойти той ветви семьи, которой принадлежал Рауль. — Кристина отступила назад и нахмурилась. — Однако запомните, что вам нельзя обращать внимание на его внешний вид. Внешность Эрика весьма своеобразна. — Она порывисто обняла подругу. — Просто подожди, пока вы с ним познакомитесь, Мег. Ты увидишь, как мы счастливы!

Мег рассмеялась.

— Не сомневаюсь! Маман, как вы думаете, господи Ришар и Моншармен нас отпустят?

Кристина хихикнула.

— Уверена, что да. Эрик им уже написал.

Она помахала обеим рукой и поспешила найти Сорелли, чтобы доставить приглашение и ей.

Лица директоров приняли довольно странное выражение, когда обе Жири пришли поговорить с ними о предоставлении выходных, чтобы присутствовать на свадьбе подруги.

— А кто... кто эта подруга? — спросил Моншармен.

— Кристина де Шаньи, урожденная Дааэ, — ответила мадам Жири.

Ришар судорожно сглотнул и взял со стола письмо. Оно было написано чёрными чернилами, но высокопарным стилем и слишком хорошо узнаваемой рукой, как если бы его писал ребёнок, ещё не обучившийся чистописанию.

— И мадам де Шаньи планирует выйти замуж за составителя этого письма? — спросил он испуганным шёпотом.

— Если письмо написано человеком, носящим христианское имя Эрик, то да, — ответила Мег.

Менеджеры с ужасом посмотрели друг на друга.

— Неужели это... он? — выдохнул Моншармен.

Ришар принялся обмахиваться письмом.

— Я узнаю его руку где угодно, Моншармен! Это он! Должен быть он! Подумать только, он был прямо здесь, всего два дня назад... — Он бросил письмо на стол и заскрежетал зубами. — Мы помогли ему вынести его вещи, боже правый! Из его собственного дома!

Моншармен застонал и опустился в кресло, положив голову на руки и массируя пальцами виски.

— Боже, что же нам делать? — простонал он.

Мадам Жири откашлялась.

— Мы здесь как раз затем, чтобы это выяснить, — напомнила она, — собираетесь ли вы отпустить меня и мою дочь на свадьбу или нет.

— О, господи! — пробормотал Ришар. — Как будто мы можем отказаться! Если мы не могли отказать ему раньше, когда он был всего лишь местным привидением, то как мы можем отказать ему теперь, когда знаем его социальный статус! Да, мадам, вы можете поехать. Да, ваша дочь может поехать. Но, пожалуйста, пожалуйста, не позволяйте ему снова возвращаться к его старым трюкам, умоляю!

— «Местным привидением»? Что вы имеете в виду? — спросила Мег.

Она не думала, что лицо Моншармена может стать ещё краснее, но это произошло.

— Что я имею в виду? — проревел он. — Что я имею в виду? Её подруга выходит замуж за Призрака Оперы, а у неё хватает наглости спрашивать меня, что я имею в виду! — Завершив эту тираду бессвязным криком ярости, он выбежал из кабинета.

Ришар уставился на обеих Жири ненавидящим взглядом.

— У вас на этом всё?

— Да, сударь, — быстро сказала мадам Жири, приседая в реверансе. — Идём, Мег. — Она закрыла отвисшую челюсть дочери, схватила её за руку и вытолкала из кабинета.

— Маман, — тихо позвала Мег, пока мать тащила её по коридорам Оперы. — Маман?

— Не сейчас, Мег, и не здесь, — приказала мадам Жири.

— Но Кристина... и Призрак Оперы?

— Я сказала, не здесь!

***

Из Оперы Кристина направилась к дому Сорелли, но арендодатель сообщил, что вся семья Пикард на неделю уехала из города. Расстроившись, она решила немного прогуляться по магазинам, чтобы купить несколько вещичек для свадьбы и другие предметы первой необходимости, которые необходимо будет взять с собой в Руан... и на медовый месяц.

Кристина рассматривала шляпки и размышляла о том, куда Эрик повезёт её в медовый месяц, когда услышала женский голос:

— О, смотри, это не Кристина ли, вон там?

Подняв голову, она увидела в нескольких метрах от себя Клеменс и Мартину, двух старших сестёр Рауля. Одна из них была брюнеткой, как Филипп, а другая блондинкой, как Рауль. Обе были одеты очень стильно — видимо, удачно вышли замуж. Кристина никогда не встречала их мужей.

Ни одна из сестёр не поддержала брак Кристины и Рауля. Не то чтобы она их обвиняла, поскольку это действительно был серьёзный мезальянс для графа или даже для виконта, — но Кристина до сих пор помнила их визит к Раулю в Швеции. Они кричали на него почти час, называя Кристину охотницей за состоянием и дрянной шлюхой. Рауль отправил их восвояси, и больше они никогда об этом не упоминали.

После смерти Рауля и возвращения Кристины в Париж обе женщины довольствовались тем, что посылали Эрику-Дааэ подарок на день рождения и раз в год наносили визит ему и его матери. Кристина видела их ровно в два раза с тех пор, как вернулась.

Она встретила их вежливо, но сердце её тревожно сжалось.

— Бонжур, Мартина. Бонжур, Клеменс. Как поживаете?

Мартина начала:

— О, мы в порядке, спасибо...

— Но мы слегка беспокоимся о вас, — прервала её Клеменс. — Мы получили вчера довольно странные бумаги от месье Кота и решили приехать в город, чтобы увидеться с вами и узнать, правда ли то, что он написал. Мы подумали, что это не может быть правдой, так как вы овдовели всего несколько...

— Другими словами, — прервала её в свою очередь Мартина, посылая сестре предупреждающий взгляд, — мы почувствовали, что будет лучше, если мы преподнесём наши поздравления лично и побольше узнаем об этом человеке.

— Значит, речь идёт о моём новом браке, — догадалась Кристина.

— Помимо всего прочего, — ответила Мартина. — Не могли бы мы отойти куда-нибудь на несколько минут, чтобы поговорить об этом в уединённом месте?

Вскоре все три женщины уютно устроились в экипаже Кристины, кучеру было приказано ехать вокруг парка, пока он не получит других указаний.

— Итак. Что это за история, будто мужчина, за которого вы выходите замуж, является Шаньи? Мы никогда не слышали о нём, не так ли, Мартина? — Клеменс не стала ходить вокруг да около.

— Тем не менее, это правда, — объяснила Кристина. Она рассказала им самую малость из того, что могла; однако они были семьёй и заслуживали того, чтобы узнать правду о том, почему они вдруг больше не являются дочерьми графа. — Он является старшим сыном вашего дяди, старого графа Эрика. Из-за своей болезненной внешности он практически не появлялся на людях, и все стали считать, будто он умер при рождении. Граф Эрик всегда ждал появления ещё одного сына, более здорового, но рождались только дочери. Когда ваш дядя умер, он передал титул вашему отцу, графу Филиберу, хотя по праву титул должен был перейти к сыну графа Эрика. — Кристина знала, что слова «болезненная внешность» буквально описывают суть проблемы, но при этом создают ощущение, будто ребёнок просто был слабым и болезненным. Она понимала — Эрик не захочет, чтобы эти две курицы узнали о его уродстве.

— Фантастическая история, — ответила Мартина, хмуро глядя на неё, — но почему мы об этом не знали?

Клеменс фыркнула.

— Это фантастическая история, да. И если вы спросите меня, то я скажу, что она слишком фантастическая, чтобы быть правдой! Кристина всё это придумала, потому что ей снова хочется почувствовать себя женой графа!

— Тише, Клеменс, — сказала ей Мартина. — Кристина, а почему он не объявился с этой историей раньше? Почему ждал так долго? Ему ведь сейчас, должно быть, слегка за сорок.

— Сильно за сорок, — поправила Кристина. — Он старше вашего брата Филиппа, упокой Господь его душу. Мой жених ничего обо всём этом не знал вплоть до недавнего времени. Он был очень болен, я в последний раз с ним виделась много лет назад. Я не знала, что он до сих пор жив, а он не знал, что я овдовела. Недавно мы встретились снова, и после этого он попросил меня выйти за него замуж, однако полагал, что не сможет дать мне достойного имени. Именно тогда он и отправился в Руан и узнал о своих родственных связях.

— А как же тогда насчёт Рауля? — потребовала Клеменс. — Сперва вы разрушили его жизнь, заставив жениться на оперной певице. Теперь я надеюсь, что вы будете, по крайней мере, верны его памяти.

— Клеменс! — запротестовала Мартина и успокаивающе положила руку на плечо младшей сестры.

У Кристины лопнуло терпение.

— Клеменс, я не испортила жизнь Рауля, и верность в нашем браке нарушала вовсе не я! Так что хватит. Я собиралась пригласить вас обоих на свою свадьбу, но, учитывая, кем вы меня считаете, я могу и передумать!

Клеменс в шоке резко закрыла рот. Рауль изменял? Её невинный, наивный младший братишка обманывал свою жену? Она никогда бы не подумала о нём такое; она и Мартина вместе с их тётёй прилагали большие усилия, чтобы вырастить Рауля набожным католиком с совестью ангела. Слова о том, что он грешил против своей жены, пусть та и была всего лишь оперной девицей, обескураживали.

Тем временем Мартина говорила, наклонясь вперед, чтобы обхватить ладонь Кристины:

— Пожалуйста, не обращайтесь внимания на мою сестру. У нас даже стало семейной шуткой, как человек с именем Клеменс может быть настолько беспощадным. (10) Я прошу вас, Кристина, простить её. Мы бы хотели приехать на вашу свадьбу и познакомиться с этим нашим давно потерянным кузеном.

Взгляд Кристины всё ещё был суровым. Она не отнимала ладонь из руки Мартины, но и не возвращала ей пожатие.

— Перед тем как просить о таких вещах, дорогая сестра, — мрачно сказала она, — вы, наверное, должны ещё узнать, что мой жених музыкант, и мы оба планируем, что я вернусь на сцену после того, как мы поженимся.

Мартина моргнула, услышав столь поразительную новость, но руку не убрала.

— Тогда он, должно быть, очень хорош, — мягко сказала она, продолжая ждать.

Кристина наконец смягчилась. Она кивнула и улыбнулась.

— Да. Он лучший музыкант в мире!

Клеменс, до сих пор дувшаяся в углу экипажа, наконец подняла взгляд и посмотрела Кристине в глаза.

— Прошу прощения за своё необдуманное замечание, — сухо сказала она. — Извините меня.

Фраза прозвучала довольно формально, но Кристина не стала заострять на этом внимание.

— Очень хорошо, — сказала она. — Если вы обе хотите присутствовать на нашей свадьбе, то я вас приглашаю. В пятницу утром в одиннадцать часов в Руане, венчание проводит отец Арно.

Женщины пообещали быть там, но Кристина подняла руку, обрывая их на полуслове.

— Я знаю, что вы обе думаете обо мне, — прямо сказала она. — И меня это не волнует, но должна предупредить, что если хоть одна из вас сделает или скажет что-либо, что заставит моего жениха чувствовать себя некомфортно, я вас прогоню. Вы меня понимаете? Ни одна из вас не произнесёт ни слова критики по отношению к его внешности, его титулу или даже к выбору им невесты, без серьёзных последствий. — Она послала им холодную улыбку и пояснила: — У моего жениха вспыльчивый характер и ни одной причины, чтобы любить вас. И джентльменом он был далеко не всегда.

Глаза Клеменс расширились, зато Мартина улыбнулась.

— Думаю, для нас это не составит труда, — ровно ответила она, многозначительно пихая младшую сестру локтем в бок. Она выглянула в окошко. — Я вижу, что мы сделали полный круг вокруг парка и вернулись к месту нашей встречи. Мы не будем больше вас задерживать, Кристина, наслаждайтесь покупками. До свиданья, будем рады увидеть вас в пятницу на свадьбе.

Кучер помог им выйти, и Кристина улыбнулась про себя, возвращаясь к покупкам. Ей было так хорошо от того, что она сумела противостоять этой парочке, жаль, что она не могла сделать то же самое несколько лет назад!

---

(10) Имя Клеменс происходит от слова *clemence* (фр.) — милосердие. (Прим. пер.)

***

На следующий день Кристина поднялась рано утром и села на поезд вместе с Эриком-Дааэ, его няней, Аннеке и Дариусом. Кавех предусмотрительно оставил ей своего слугу, чтобы Кристина могла путешествовать в безопасности. Эрик встречал её на вокзале; она открыла дверь едва ли не раньше, чем поезд остановился, и бросилась в объятия Эрика.

— О, я скучала по тебе! — прошептала она ему на ухо.

Он на мгновение прижал её к себе, а затем отпустил, коротко прикоснувшись к щеке.

— И я тоже. Но я бы предпочел уединиться дома, прежде чем показать тебе, насколько.

Кристина, слегка смутившись, рассмеялась и согласилась.

— А ещё я хочу увидеть дом! Рауль никогда не привозил меня сюда, поэтому я его никогда не видела.

Она поманила своего сына к выходу. Няня легонько подтолкнула его, и Эрик-Дааэ вышел. После чего направился напрямик к Кристине и спрятал лицо у неё в юбках. На протяжении всей поездки он не произнёс ни слова, все три часа в поезде панически прижимаясь к матери.

Эрик присел на корточки, чтобы оказаться на одном с ним уровне.

— Добрый день, молодой человек, — серьёзно поприветствовал он мальчика. — Я надеюсь, вы не возражаете, что я достал для вас новые игрушки. Я не знал, хватит ли вам своих, чтобы поставить целую оперу, а в моём новом доме довольно большая детская. Вы же не против новых игрушек, надеюсь?

Эрик-Дааэ, не мигая, рассматривал Эрика тёмно-синими глазами. Он молча покачал головой.

— Это хорошо. Надеюсь, вместе с теми, что вы привезли, будет достаточно. Та сцена битвы, о которой я вам рассказывал, потребует много дополнительных фигур. Возможно, нам придётся достать ещё несколько штук. — Эрик говорил очень серьёзно, как будто разговаривал с другим взрослым, обсуждая политику или что-нибудь столь же глубокое.

Эрик-Дааэ моргнул.

— А мы можем... можем достать быка? — робко спросил он.

— Быка?

Мальчик энергично закивал.

— Да. У меня нет быка. Чтобы Эскамильо мог с ним бороться.

Эрик опустил голову и подавил стон. Снова «Кармен». Он вздохнул.

— Да, молодой Эрик-Дааэ, я полагаю, мы сможем достать быка. Но сейчас я бы хотел отвезти вас с матерью в наш новый дом и показать его вам. Вы согласны?

Эрик-Дааэ кивнул. Он протянул руки к Эрику, чтобы тот его поднял. Кристина, встревожившись, придержала его.

— О, Эрик-Дааэ, милый, господин Эрик, возможно, не захочет тебя нести.

— Всё в порядке, Кристина, — тихо сказал Эрик. Он наклонился и поднял мальчика на руки. Эрик-Дааэ спокойно обхватил его за шею, и Эрик поразился тому, как приняло его это дитя. Было очень странно держать на руках маленького ребёнка (и не слышать при этом испуганных криков), но ещё более странно было смотреть на этого ребёнка и не видеть никакого отвращения — ничего, кроме напряжённого интереса к его лицу.

Эрик наслаждался, показывая Кристине дом, который теперь принадлежал ему. Сначала они прошли в детскую, поскольку Эрику-Дааэ не терпелось увидеть, какие игрушки купил для него новый друг.

— Ой! Маман! — Всё, что он смог сказать, когда увидел многочисленные игрушки, животных и старый сценический реквизит, который Эрик вынес из своего прежнего дома и привёз сюда для маленького мальчика. — О, маман!

— Мне кажется, он будет здесь вполне счастлив, — заметила Кристина, классически преуменьшая степень обоюдного восторга.

— Я на это надеялся. А теперь, могу я показать вам остальную часть дома?

Проходя через комнаты, Кристина раскрыла рот, когда увидела богатые, но потрёпанные гобелены и роскошную мебель, обитую бархатом, ворс на котором по большей части был протёртым.

— О, Эрик, это так... — Она покачала головой, не зная, как выразить свою мысль.

— Напыщенно? Вычурно? Безвкусно? Претенциозно? Помпезно? — предложил Эрик, фыркнув с отвращением.

Кристина хихикнула.

— Звучит так, будто ты проглотил словарь. Это очень... «старинное наследство», не так ли?

Эрик пожал плечами.

— Если не считать того, что было в моём доме, это всё, что у нас сейчас есть, моя дорогая. Видимо, старый граф Эрик купил эту мебель, когда впервые стал графом, более пятидесяти лет назад. После этого никто ничего не покупал, не менял и даже... — Эрик повозил ногой по ковру, который от начала до конца оказался протёртым насквозь, — не озаботился отремонтировать хоть что-нибудь. Но не волнуйтесь. Я собираюсь переделать здесь буквально каждую комнату, даже если на это уйдут годы. А начну я отсюда, — сказал он с отвращением, открывая дверь в спальню.

Кристина вошла, огляделась и поморщилась.

— Здесь слегка темновато, не так ли? — Она обратила сверкающий взор на своего жениха. — Ваш гроб здесь будет смотреться как дома!

Эрик закрыл глаза.

— Мой гроб, — размеренно сообщил он, — останется в моей могиле, которой он и принадлежит. Зато эта комната в конце концов будет переделана в такую, где мы оба сможем жить и вместе наслаждаться счастьем.

Кристина обвила его руками и на мгновение прижала к себе.

— Мне это кажется очень хорошей идеей, — улыбнулась она и указала на смежную дверь. — А что там?

Эрик подошёл и открыл дверь. Хлынувший через открытый проём солнечный свет осветил затемнённую спальню хозяев.

— Это будет ваша комната до пятницы, — тихо сказал он. — В пятницу вечером она станет *нашей* комнатой. — Он устремил взгляд на дальнюю стену, чтобы скрыть смущение. — До тех пор смежная дверь, конечно же, будет закрыта на замок.

Кристина ничего не сказала, лишь приподняла его маску и нежно поцеловала в щеку.

— А потом? — спросила она, слегка флиртуя.

— А потом она будет открыта, — ответил Эрик, — до субботы.

— Что произойдёт в субботу?

— В субботу мы сядем на поезд и укатим в наш медовый месяц, — сказал он.

— И куда же направится этот поезд?

— Сначала в Париж. Я подумал, что вам будет приятно проводить мадам Жири и её дочь обратно в город, так как нам всё равно по пути. А после этого — в Прованс.

— О! — воскликнула Кристина. — Значит, я наконец увижу твой дом?

Он кивнул.

— Полагаю, мне следует отвезти тебя в какое-нибудь экзотическое место — Италию, Грецию, возможно, — но правда заключается в том, что я объездил всю Европу и половину Азии, однако маленькая деревушка в Провансе является самым красивым местом из всех, что я когда-либо видел. Я уже всё организовал, и пока мы будем там, я сделаю в этом доме кое-какие улучшения.

— Вот как? Что-то ещё помимо декора, ты имеешь в виду?

Он мрачно кивнул.

— У меня там сейчас целое крыло сносят, я собираюсь полностью его перестроить.

Кристина приподняла бровь.

— Какое крыло? С ним что-то не так?

Он ответил странным тоном:

— С ним ничего плохого, за исключением одного. — Он встретился с ней пылающим взглядом. — Это то самое, в котором меня держали.

— Ох. Тогда я тебя не виню.

Глава 16. Ранний посетитель

За день до свадьбы Эрик встал рано и направился в музыкальный салон, чтобы завершить мессу, которую писал для свадьбы. Однако через час или около того его прервал дворецкий.

— Сударь, вас желает видеть одна дама, — Гийом замешкался, а затем пояснил: — Мадам Сильвия де Шаньи. Я провёл её в библиотеку.

— Сильвия? — спросил Эрик. — Кто это?

Он надеялся избегать до свадьбы каких-либо столкновений со своими новыми родственниками. Он не любил всех Шаньи в принципе и не хотел, чтобы одна из них штурмовала его дом и изводила его обвинениями в посягательстве на чужие права. Эрик вздохнул. Всё же, ради Кристины и её сына, ему придётся быть вежливым с Шаньи, хочет он этого или нет.

— Я не уверен, сударь, прошу прощения. Я работаю здесь всего лишь пару лет, — извинился дворецкий.

— Что ж, сейчас я занят и не могу отвлекаться, чтобы идти к ней. Лучше приведи её сюда, Гийом, — решил Эрик. — И не уходи далеко. Подозреваю, что надолго она здесь не задержится.

Гийом поклонился и отступил в коридор.

Дама, о которой шла речь, была стройной и довольно высокой, с грациозными движениями. В чёрных волосах виднелось несколько серебряных нитей, а глаза были большими, тёмно-золотистого цвета. Услышав, как Гийом зашёл в библиотеку, она повернулась к нему. Глядя в какую-то точку за его левым плечом, она спросила:

— Он примет меня?

— Да, мадам. Будьте любезны следовать за мной. — Гийом был слишком хорошо вышколен, чтобы оглядываться через плечо и выяснять, на что она так смотрит.

Она медленно последовала за ним, хмуря свой ясный лоб в сосредоточенном выражении. Гийом проводил её в музыкальный салон, где Эрик смотрел на клавиатуру рояля с таким выражением, будто инструмент его лично чем-то оскорбил.

— Мадам Сильвия де Шаньи, сударь. — Гийом вышел и остановился посреди коридора в ожидании.

Эрик встал.

— Мадам де Шаньи, чему я обязан удовольствием видеть вас прямо перед завтраком? — На часах не было ещё и восьми, её прибытие было неприлично ранним.

— Сударь, я бы хотела обсудить ваши притязания на титул графа. Простите меня за столь ранний визит, но я должна была добраться до вас прежде, чем вы приступите к своим ежедневным обязанностям.

Эрик нахмурился.

— На самом деле, с этим вы опоздали. Вы уже прервали мою первую обязанность, посвящённую этому музыкальному произведению. Но не важно. Присядьте и расскажите, что вы там хотели высказать о моих притязаниях.

Он ожидал возмущения и обвинений — и был удивлён, когда женщина села, залезла в ридикюль, висевший на её запястье, и вытащила оттуда старинный лист бумаги. Было заметно, что его складывали и разворачивали много раз. Она разложила его у себя на коленях.

— Как много вы знаете о своей семье? — спросила она.

— Мало, — коротко ответил Эрик. — Я знаю имена своих родителей и обстоятельства, связанные с моим рождением и детством. Мне известно, что у меня есть пара младших сестёр, но о них я ничего не знаю, даже имён. А что?

— Как звали ваших родителей?

— Эрик и Мария-Тереза де Карпентьер. Эрик был первым графом де Шаньи.

Сильвия быстро заморгала, но не успела сдержать слезы, блеснувшие в жёлто-карих глазах.

— Значит, это правда, — прошептала она. — Я всегда гадала!

Эрик нахмурился.

— Что правда?

— Умоляю, скажите, под каким именем вас крестили?

— Эрик, в честь отца, хотя он и отказался меня признать. А теперь ваш черёд объясняться, сударыня. — Тон Эрика давал понять, что вопросов он больше не потерпит.

— Сударь, я ваша сестра, — просто сказала она.

Эрик встал и отошёл на другую сторону комнаты. Повернувшись к ней спиной, он спросил:

— Чего вы от меня хотите? Денег? Хотите, чтобы я отказался от титула графа? Чего?

Сильвия высоко задрала подбородок и повернулась в сторону голоса Эрика.

— Что ж, раз вы спрашиваете, то я хочу, чтобы вы сели обратно и выслушали меня. — Её тон был таким же решительным, как и у Эрика, и он заметил сходство. — Ничего больше.

— Очень хорошо. — Он снова сел и уставился на неё. — Я слушаю.

— Я не знаю, с чего начать. Я хотела бы расспросить вас о детстве, но не хочу показаться невежливой. Я получила некоторые сведения от отца Арно, но большая часть того, что я знаю, написана в этом письме. — Выражение её лица было задумчивым, а взгляд, казалось, проходил прямо сквозь него — словно глаза были сосредоточены на чём-то за его спиной.

Эрик оглянулся через плечо, но ничего не заметил. Должно быть, она смотрит так, чтобы не разглядывать его лицо, решил он. Наверное, лучше сразу начать с худшего. Он спросил её прямо:

— Вы не хотите спросить, почему я надел маску?

Она удивлённо моргнула.

— Вообще-то, нет. Я не знала о вашей маске. Я слепа.

Эрик открыл рот. Редко кому удавалось вот так застигнуть его врасплох, но она казалась такой уверенной в себе и двигалась столь ровно, что он даже ничего не заподозрил. Он напомнил себе, что она выросла в этом доме, и с момента её ухода здесь ничего не изменилось. Это также объясняло тайну, почему она смотрела поверх его плеча: она просто не знала, где находятся его глаза.

Сильвия разгладила письмо и продолжила говорить, будто и не заметила, что он потерял дар речи от изумления.

— Если вы носите маску, то это, полагаю, из-за того, что ваше лицо изуродовано. Мать написала мне об этом в письме незадолго до смерти. Вот почему я приехала сюда. Я подумала, что вы, возможно, захотите его прочитать.

Она передала письмо. Эрик взял его дрожащей рукой.

— Не могли бы вы... — начала Сильвия и сглотнула. — Не могли бы вы прочесть его вслух? Прошло много лет с тех пор, как я могла прочитать его самостоятельно, а это письмо не из тех, что можно доверять чужим глазам, так что и попросить других прочитать его мне я не могла. Пожалуйста.

Эрик прочистил горло и начал.

«Моя дорогая Сильвия,

Я знаю, что умираю. Доктор пытается скрыть это от меня, но я знаю правду. Я не возражаю. Я не хочу больше жить, ибо тайное знание, которое я вынуждена хранить, сжигает меня изнутри. Последние двадцать пять лет я прожила во лжи, и теперь должна открыться кому-нибудь прежде, чем умру, иначе я никогда не обрету покоя.

Сильвия, ты не старший мой ребёнок. Я знаю, что пожилые слуги наверняка сплетничали о том, что у меня был сын на два года старше тебя, который умер при рождении, но правда заключается в том, что он не умер. Мне так стыдно признаваться в этом тебе, Сильвия, тебе, которая всегда любила и уважала меня. Но я не могу сойти в могилу, оставив между нами эту ложь.

Ты так красива, моя дорогая девочка. Когда ты родилась, я плакала от счастья, видя, как ты прекрасна. Повитуха была заметно изумлена тем, как я восхищалась твоей красотой, но она не знала той правды, что скрывалась за моими возгласами.

Видишь ли, твой брат родился более чем живым, но ужасно изуродованным. Его лицо... Я так и не смогла его забыть. Оно было похоже на череп, обтянутый бумажно-тонкой, серовато-жёлтой кожей. У него не было носа, а глаза почти нельзя было разглядеть — так глубоко они сидели в этих ужасных глазницах. На висках отчетливо выделялись синие вены, а в его щеках, казалось, вообще не было плоти, будто кожа была натянута на сами кости.

Остальное его тело было таким же: кожа, обтягивающая кости. Он был настолько уродлив, Сильвия, что, увидев его, я закричала, подумав, что он умер и начал гнить уже в моей утробе! Но потом он открыл рот и завопил, а я закричала ещё громче при мысли, что нечто, выглядевшее настолько мёртвым, в действительности может жить и дышать.

Сейчас же я почти не могу писать, ибо слёзы стыда застилают мне глаза и падают на бумагу. Я настолько неправильно обращалась с этим ребёнком, Сильвия, я допустила столько ошибок, что буду очень удивлена, если после смерти вдруг окажусь в раю. О, если бы я могла увидеть его сейчас, хотя бы раз, и рассказать ему, как я обо всём сожалею! Но спустя столько лет извинения, скорее всего, будут бессмысленны.

Видишь ли, когда я пришла в себя, то поняла, что твой отец никогда не признает сына, который похож лишь на крошечный труп. Он мог бы даже попытаться убить ребёнка, особенно если никто о нём не узнает, кроме повитухи и меня. Ребёнок мог быть уродливым и отвратительным, но он не заслуживал того, чтобы умереть за это! Я сговорила с повитухой, чтобы она послала за священником. Им оказался молодой отец Арно. Он зашёл в дом и узнал, как обстоят дела, а затем мы вместе с ним отправились к твоему отцу, чтобы обсудить случившееся.

Твой отец был в ярости. Я была права, решив, что он попытается убить малыша. Он обвинил меня в уродстве ребёнка, но присутствие отца Арно удержало его от насилия. Однако священник не сумел убедить твоего отца, чтобы он признал мальчика своим или назвал его наследником. Хотя отец Арно, выяснив первое имя твоего отца, окрестил ребёнка под именем «Эрик». (В глубине души, думаю, отец Арно, скорее всего, наслаждался этим поступком! Я

помню, как он улыбался, делая это, а повитуха хихикала.) После этого мы с ним предприняли все усилия к тому, чтобы существование мальчика осталось в тайне, отведя для его содержания неиспользуемое крыло дома. Отец Арно нашёл для него няню, которая не выдала бы тайну о существовании или о внешности Эрика. Я позаботилась о том, чтобы ещё до её приезда на ребёнка надели маску: ей так или иначе придётся увидеть его лицо, когда она будет купать или кормить его, но ей не было никакой необходимости смотреть на него постоянно.

Ты родилась, когда Эрику было два года, и мы решили тебе о нём не говорить; твой отец сказал, что чем меньше людей знают о нём, тем лучше. Это было ещё одним решением, о котором я сожалею. После твоего рождения я снова стала бояться за жизнь Эрика; я была очень рада, что ты родилась девочкой, ибо уверена — твой отец убил бы Эрика, если бы ты оказалась мальчиком.

Я боялась, что мой следующий ребёнок будет мальчиком, поэтому предприняла некоторые шаги, чтобы защитить Эрика. С помощью отца Арно я отправила письмо с информацией о рождении Эрика господину Коту-старшему, семейному нотариусу. Я попросила его хранить это дело в тайне до смерти моего мужа, когда я планировала объявить Эрика нашим сыном и наследником, несмотря на его внешность. (Я также сообщила мужу об этом письме — оно остановило бы его руку и обеспечило бы Эрику безопасность, даже если бы у нас в какой-то момент родился ещё один сын.)

Однако, когда мальчику было девять лет, произошёл несчастный случай, что-то вроде драки между ним и его няней. Мы нашли её лежащей без признаков жизни у подножия лестницы, а Эрик бесследно исчез. Мы думаем, что его могли похитить цыгане, находившиеся в том районе, но муж запретил мне заниматься его поисками. «Туда ему и дорога, хорошо, что избавились», — так он считал, ведь теперь, когда его маленькая грязная тайна исчезла, он чувствовал себя в большей безопасности.

После этого, к своему стыду, я попыталась забыть, что у меня когда-то был сын. Но не смогла, и только в последние годы поняла, что люблю его. Он был ужасно уродлив, Сильвия, но у него был самый прекрасный голос из всех, что я когда-либо слышала. Он любил музыку и пел, как ангел. Мне всегда казалось, что красота, которая отсутствовала в его лице, была стократно отдана его голосу.

Я понятия не имею, что с ним стало. Я ничего не слышала о нём с тех пор, как он исчез в возрасте девяти лет. Я не знаю, жив ли он или мёртв, но, Сильвия, где-то там может жить твой старший брат. Если ваши пути когда-либо пересекутся, я прошу тебя, передай ему мои извинения и сообщи, что я очень сожалею обо всём, что когда-либо делала с ним — или позволяла делать другим.

Скажи ему, что я любила его со дня его рождения и до дня моей смерти. Если бы я могла увидеть его сейчас, я бы схватила его за руки и попросила прощения за всё, что мы, его родители, с ним сделали!

Сильвия, ты и Сесиль были моим спасением, моей благодатью, и я рада, что Господь дал мне второй шанс вырастить детей. Мы с отцом были не очень-то счастливы вместе, но вы обе подарили мне большие радости, чем я того заслуживала. Я люблю вас обеих так же, как люблю Эрика, и я молюсь о том, чтобы он когда-нибудь сумел вернуть себе то, что ему полагается. Я молюсь,

чтобы у тебя когда-нибудь родилась дочь, которая подарит тебе столько радости, сколько ты подарила мне. Спасибо, что прочла это, Сильвия. Ты можешь показать это письмо отцу Арно, если захочешь проверить информацию. Кроме того, господин Кот всё ещё должен хранить моё письмо в своих бумагах.

Моя дражайшая Сильвия, я не думаю, что проживу ещё долго; эта тайна так долго пожирала меня изнутри, что избавиться от неё будет для меня облегчением. Я прощаюсь с тобой и прошу Божьего благословения для тебя и для Сесиль. Надеюсь, вы найдёте хороших мужей, вырастите много детей и проживёте счастливую жизнь.

*С огромной любовью,
Мама.»*

Когда Эрик закончил читать письмо, Сильвия уже плакала, не скрываясь. Эрик снова прочистил горло и тихо спросил:

— Что случилось с Сесиль?

Сильвия сглотнула и ответила через мгновение:

— Она умерла во время родов, около восемнадцати лет назад. Её мужа тоже уже нет в живых.

— А с вами?

— Я заболела, когда мне было около двадцати трёх, и тогда же ослепла. Я никогда не была замужем.

— И поэтому в нашей семье не было других сыновей, которым можно было передать титул, — заключил он.

Она кивнула.

Некоторое время Эрик молчал; каждый раз, когда он пытался заговорить, у него перехватывало горло.

Сильвия заговорила первой.

— Вы позволите мне называть вас Эриком?

Эрик откашлялся.

— Да, конечно. Вы моя сестра, — Эрик помешкал и добавил: — Сильвия.

Она грустно улыбнулась.

— Всё не так очевидно, Эрик. У вас мало оснований любить кого-либо в нашей семье.

Эрик с сожалением улыбнулся.

— Это правда. Однако вы пока не вызываете у меня такого раздражения, какого я боялся.

Сильвия удивленно рассмеялась, услышав это осторожное поддразнивание.

— Разве это не обязанность младшей сестры — быть раздражающей? — поддразнила она его в ответ. Затем опомнилась. — Эрик, у меня есть к вам просьба, но я не буду возражать, если вы мне откажете.

— Как мне повезло, — сухо ответил Эрик, — поскольку я не привык оказывать любезности Шаньи. Что за просьба?

— Я бы хотела увидеть ваше лицо, — сказала она и подняла руки, демонстрируя, как именно она собирается это сделать.

— Зачем? — Его голос звучал настороженно.

— Вы для меня настолько нереальны, — призналась она. — Последние двадцать лет я знала, что у меня есть брат, но никогда не предполагала встретиться с вами. В письме матери столько рассказывалось о вас, как о ребёнке, что в моём сознании вы так и остались изуродованным младенцем. Я бы хотела познакомиться с моим братом, каким он является сегодня, если вы не возражаете. Но я пойму вас, если вы не захотите.

Эрик задумался. Он надеялся, что на ощупь его лицо будет не таким отвратительным, как для глаз. Сильвия пока не демонстрировала ему ничего, кроме доброты. Кажется, она приняла слова своей матери близко к сердцу. Эрик кивнул сам себе и встал.

— Хорошо. Подойдите ближе.

Сильвия встала и медленно подошла к нему. Он развязал свою белую шёлковую маску и положил её на стол. Когда Сильвия приблизилась к нему, он взял её руки и поднял их к своему лицу.

Он стоял неподвижно, пока её длинные тонкие пальцы, — такие же, как и у него, — порхали по его костлявым щекам, выпирающему лбу, почти несуществующему носу. Он закрыл глаза, почувствовав её лёгкое, как у бабочки, прикосновение к своим запавшим векам. Она погладила его виски, потянулась, чтобы пощупать

редкие чёрные волосы, а затем её руки спустились вниз, чтобы коснуться его груди и плеч.

— Вы очень худой, — прошептала она.

— Да, — ответил Эрик. — А раньше был ещё более худым.

Она обхватила его руками на уровне груди, ощупывая его костлявые плечи, получилось почти объятие. Слёзы снова заблестели в её золотисто-карих глазах, и она улыбнулась, когда Эрик молча протянул руку, чтобы их вытереть.

Объятия превратились в настоящие, Сильвия повернулась, чтобы поцеловать его впалую щёку, и положила голову на его костлявое плечо.

У Эрика окончательно перехватило горло, и он перестал сдерживать слёзы, поднимая руки, чтобы обнять её в ответ. Сильвия была его семьёй, дочерью его матери, которая любила его, хотя и поняла это слишком поздно.

В этот момент он услышал какой-то звук и, подняв глаза, увидел лишь спину выходящей из комнаты Кристины. Должно быть, она увидела его с сестрой и решила им не мешать. Он улыбнулся. Как раз накануне они спорили о том, как ему следует вести себя с Шаньи. Ей должно быть приятно увидеть, что он обнимает Сильвию, а не ругает её и не отталкивает.

Сильвия тихонько сказала ему на ухо, не отпуская:

— Какого цвета ваши глаза?

— Золотые. Скорее, как у кошки. Как ваши, но светлее.

— У вас мало волос, — заметила она, скользя одной рукой вверх, чтобы снова коснуться его головы. — Какого они цвета?

— Чёрные.

— У меня тоже.

— Да, только у меня нет седины.

Сильвия напряглась в его объятиях и отступила.

— У меня есть седина?

Это прозвучало столь возмущённо, что Эрик громко рассмеялся.

— Совсем чуть-чуть, — заверил он её, — и контраст выглядит прекрасно.

Сильвия фыркнула.

— Лстец. — Она снова коснулась его лица. — Я знаю, что вы, скорее всего, никогда больше этого не допустите, и потому хочу закрепить вашу внешность в своей памяти.

Щёки Эрика были влажными, и она тепло улыбнулась ему, вытирая их без каких-либо комментариев.

— Зачем вам делать такую глупость? Моя внешность определённо не самая красивая.

Она пожала плечами, опуская руки.

— Это вы, Эрик. Это не что иное, как чудо, что я вообще встретила с вами! Мне известно, что скоро вы женитесь, и я не знаю, захотите ли вы когда-нибудь снова меня увидеть. Для остальной семьи я что-то вроде обузы из-за слепоты и обстоятельств, в которых я живу. Это может быть мой единственный шанс.

Эрика впечатлило, что она говорила об этом совершенно спокойно. Было очевидно, что это вовсе не являлось попыткой добиться расположения нового главы семьи.

Он усмехнулся.

— Если вы считаете *себя* обузой, то вам бы стоило побыть на моём месте.

Она засмеялась.

Он продолжил.

— Это правда. Такой урод, как я, завтра женится на оперной певице, своей бывшей ученице, которая будет продолжать сценическую карьеру даже после нашего бракосочетания. Я почему-то подозреваю, что семья Шаньи ещё даже не начала испытывать на себе, что такое конфуз и обуза! — Он помог ей вернуться на стул и сел напротив. — Если вы теперь не слишком нас стыдитесь, то не хотите ли вы познакомиться с моей невестой?

Сильвия радостно улыбнулась, не выказывая ни капли смущения.

— С удовольствием, Эрик. Но не могли бы вы сначала...

— Что?

— Если вы настолько хороший музыкант, что обучали оперную певицу, то не позволите ли вы мне услышать, как вы играете или поёте? Особенно поёте. Ваш голос, когда вы просто говорите, звучит прекрасно, и мне было бы особенно приятно услышать его в пении.

Эрик никогда не мог устоять против лести, если кто-либо восхвалял его таланты, а потому улыбнулся и сел за рояль. Он выбрал часть первой арии из «Орфея и Эвридики» и начал петь.

Глава 17. Загадка, любовница и недоразумение

Кристина спала немного дольше, чем привыкла, — и проснулась, чувствуя себя замечательно. Она с наслаждением потянулась и с удовлетворением подумала, что уже через два дня она проснётся наутро рядом с Эриком. Было приятно, что ночью их разделяла всего одна дверь, — это было, конечно же, лучше, чем во время её замужества, когда Рауль находился на другом конце длинного коридора, — но всё же она не могла дождаться, когда они с Эриком начнут делить на двоих одну комнату, одну кровать и одну жизнь.

Аннеке, должно быть, ждала снаружи, когда из комнаты начнут доноситься звуки движения, потому что сразу же вошла и помогла Кристине одеться.

— Спасибо, — сказала Кристина, когда горничная внесла последние штрихи в её причёску. — А где сейчас Эрик?

— В музыкальном салоне, мадам, — ответила Аннеке. — Месье Гийом, мажордом, сказал, что рано утром к нему пришёл посетитель.

— Посетитель? — задумалась Кристина. — Это, должно быть, отец Арно. Пойду поздороваясь.

Она добралась до музыкального салона и тихо отворила дверь.

И в шоке застыла на пороге. Эрик стоял очень близко к высокой черноволосой женщине, повернувшись к ней лицом. Кристина отметила, что незнакомка примерно одного возраста с Эриком; довольно эффектная, с гордой осанкой.

Пока Кристина рассматривала её, Эрик развязал свою маску, потянулся к рукам женщины и положил их на своё обнаженное лицо. Гостья осторожно коснулась его, лаская лицо с такой нежностью, что сердце Кристины наполнилось горячей ревностью. Он даже немного наклонился, чтобы гостья могла дотянуться до его лба и погладить волосы. Кристина расширившимися глазами наблюдала, как незнакомка провела руками по телу Эрика и наконец привлекла его в объятия.

Когда женщина запечатлела поцелуй на искореженной щеке Эрика, Кристина сглотнула застрявший в горле комок и заставила себя уйти. Она тихо закрыла за собой дверь. Сморгнув одну-две слезинки, она поспешила в свою комнату.

Кто эта женщина?

Она была уверена, что Эрик не станет её обманывать, он слишком любил её для этого. Но ведь он раньше был здесь, в Руане, без неё, и до этого он тоже жил один целых пять лет. Он мог с кем-нибудь встречаться.

Но он снял перед ней маску!

У Кристины не было иллюзий относительно внешности Эрика. Она знала, что лицо её жениха для большинства людей было отвратительным до невозможности. И в то же время она по-своему гордилась тем, что была единственным человеком, которому он разрешал регулярно его видеть. Даже перед Кавехом и Дариусом он снимал маску очень редко, а для Кристины — каждый раз, когда они оставались наедине.

Очевидно, для этой незнакомки он был готов не только снять маску, но и позволить ей гладить руками всё его тело и обнаженное лицо.

Возможно, это была его прежняя любовница, которая пришла попрощаться. Кристина больше не была наивной и прекрасно знала о существовании любовниц: дружба с Сорелли открыла ей глаза на многие предубеждения касательно мужского поведения. Должно быть, так и есть — Эрик перед свадьбой прощался со своей бывшей любовницей. Он не был настолько бесчестным, чтобы поддерживать с ней отношения после того, как женится, поэтому, видимо, пригласил её сюда, чтобы разорвать отношения.

Кристина сидела на краю кровати, не зная, что со всем этим делать, и задавалась вопросом, почему Эрик никогда ей об этом не рассказывал. У неё сердце сжималось при мысли, что, пока она была замужем, Эрик нашёл себе другую. Она ругала себя за такие чувства: в конце концов, если она жила с другим, то почему Эрик не мог тоже? Но всё было бесполезно — душа не хотела смириться с тем, что когда-то он был с кем-то ещё. Эрик принадлежал ей, всегда принадлежал ей, и завтрашний день просто придаст официальный статус тому, что было с самого начала.

Гостя был выше и стройнее Кристины; по-видимому, она никогда не рожала детей. Ее манеры были сдержанными и утончёнными. Волосы — тёмными, гладкими и прямыми; полная противоположность непослушным светлым кудряшкам Кристины. Кристина родила двоих детей, и для её фигуры, хоть и всё ещё стройной, это не прошло бесследно: бёдра стали шире, чем раньше, а груди

— ниже и полнее. Даже будучи графиней, Кристина чувствовала себя крестьянкой по сравнению с гордой, почти царственной красотой гостыи.

Любил ли он эту женщину? Возможно ли это?

Может быть, Эрик устал любить маленькую девочку? Кристина знала, какой незрелой и наивной она была пять лет назад. И понимала, что по сравнению с Эриком она, скорее всего, до сих пор незрелая! В этом всё дело? Может быть, она слишком «молода» для него, и помимо музыки, ему не о чем с ней разговаривать? Неужели он нашёл женщину, более подходящую ему по возрасту, чтобы избавиться от одиночества? Таковую, на которую можно положиться, которая не упадёт в объятия красивого молодого соперника, как это сделала она? Таковую, которая не предаст свои чувства к нему, как это сделала Кристина пять лет назад?

Учитывая своё собственное поведение, она не винила Эрика в том, что он нашёл себе другую. Она лишь задавалась вопросом, почему он всё ещё собирается жениться *на ней*, когда у него в музыкальном салоне есть такая благородная элегантная дама. Кристина попыталась сглотнуть комок, застрявший в горле. Сама она, наверное, никогда не сможет сравниться с такой, как эта женщина. Впервые она почувствовала себя ущербной в глазах Эрика.

По крайней мере — Кристина утешала себя этой мыслью — по крайней мере, та женщина вряд ли поёт так же хорошо, как Кристина. Это то, что объединяет их с Эриком, что никто не сможет отнять. Другой женщине могло принадлежать его сердце и его тело, но его музыка принадлежит Кристине. Она была уверена, что Эрик никогда не разделит свою музыку ни с кем, кроме неё.

И как только она об этом подумала, послышался тихий отзвук пения Эрика. Он выбрал часть любовной песни Орфея к Эвридике, чтобы спеть её своей гостье.

Тогда Кристина потеряла остатки самообладания и заплакала.

Она понятия не имела, как долго она просидела, трясаясь и рыдая, когда услышала стук в дверь.

— Кристина? Ты здесь, милая?

Эрик.

Она быстро вытерла глаза и сглотнула.

— Да, Эрик, — ответила она, надеясь, что он не заметит лёгкой хрипотцы, прозвучавшей в её голосе.

Эрик за дверью нахмурился. Её голос звучал странно, как будто она плакала.

— С тобой всё в порядке, любимая? Откроешь дверь?

Он услышал её кашель, а затем:

— Вообще-то, я сейчас плохо себя чувствую, Эрик. Я бы не хотела никого видеть, если ты не возражаешь.

— Мне послать за врачом?

— О нет, это всего лишь головная боль, вот и всё.

Он расслышал в её голосе неестественную, нарочитую бодрость и покачал головой. Что-то было не так. Он задумчиво ответил:

— Что ж, хорошо. Я хотел тебя кое с кем познакомить, но она легко может подождать, пока ты не поправишься.

В комнате Кристина раскрыла рот. Он хочет, чтобы она познакомилась с его метрессой? Хочет представить свою любовницу своей невесте? О чём он думает?

Не важно. Надо избавиться от него, чтобы прийти в себя, а затем выйти и поговорить с ним, как только она будет уверена, что сможет сохранить самообладание. Она должна сохранять достоинство, когда спросит Эрика, кто эта женщина и почему он ей пел. Она не хотела срываться посреди разговора на отчаянные всхлипы и вместо этого умолять его вернуться к ней.

— Да, уверена, что завтра всё будет хорошо. Я в порядке, Эрик. Тебе не обязательно оставаться здесь. Ты не должен бросать свою гостью.

По другую сторону двери Эрик нахмурился. Что-то определённо не так, она пытается избавиться от него.

— Что ж, хорошо. Увидимся, когда тебе станет лучше.

Он ушёл и вернулся в музыкальный салон, двигаясь тем бесшумным шагом, который сохранился у него даже после переезда из Оперы, но Сильвия всё равно подняла глаза сразу, как только он вошёл.

Он усмехнулся.

— Если бы мы встретились шесть лет назад, вы бы создали мне проблему с вашим чувствительным слухом.

— Вот как? Почему? — улыбнулась она.

— Моя прежняя профессия требовала умения бесшумно передвигаться. Возможно, когда-нибудь я вам об этом расскажу. — Эрик тут же сменил тему, чувствуя себя глупо из-за того, что вообще упомянул об этом. — Я прошу прощения, в настоящий момент Кристине нездоровится. Может быть, мы позовём вас немного позже, когда ей станет лучше?

— Да! — охотно согласилась Сильвия. — Да, это будет прекрасно! Мой адрес есть на моей визитке.

Эрик позвал Гийома, чтобы тот проводил гостью, а затем вернулся наверх.

Он тихонько прокрался в свою комнату, подошёл к смежной двери и прислушался.

Конечно же, Кристина снова расплакалась — громкими, судорожными рыданиями, которые, должно быть, душила в себе во время их разговора. От звуков этого плача глаза Эрика наполнились сочувственными слезами. Он ловко вскрыл замок и распахнул дверь.

Кристина даже не услышала, как он вошёл. Ее припухшие глаза распахнулись, и она удивлённо ахнула, когда Эрик наклонился и подхватил её на руки. Он отнёс её к креслу и сел, усадив её себе на колени. После чего достал носовой платок и протянул ей.

— Так я и думал, — тихо сказал он. — Вы действительно пытались от меня избавиться. Если вас что-то расстроило, моя дорогая, вы должны были сначала обратиться к Эрику. Какая бы проблема ни была, он это исправит. Эрик может решить любую проблему. — Он снова говорил о себе в третьем лице, но теперь это не было проявлением самоиронии — скорее, походило на то, будто он разговаривает с маленьким ребёнком.

Кристина молча помотала головой и отвела глаза.

Ах, вон оно что.

— Ясно. Значит, Эрик и есть тот, кто вас расстроил.

Единственным ответом ему был обиженный взгляд, за которым последовала очередная порция рыданий. Кристина попыталась выпрямиться, чтобы сползти с его коленей, но он покачал головой, крепко удерживая её своими тонкими руками. Задаваясь вопросом, чем же он мог так её расстроить, он проговорил:

— О, нет, моя дорогая. Нет — пока ты со мной не поговоришь. Что я сделал, любимая? Ты же знаешь, чем бы это ни было, я всё исправлю. Я не могу видеть, как ты плачешь.

Она напряглась и отвернулась.

— О, Эрик, слишком поздно что-либо исправлять, — сказала она дрожащим голосом.

Его сердце сжалось, голос понизился:

— Вот как?

Видимо, так оно и было. Он знал, что нет ни прощения, ни оправдания тому, как он обращался с ней пять лет назад, когда находился на самом дне своих физических и психических заболеваний. Не говоря уже о всех тех зверствах, которые он совершил ещё до того, как встретился с ней. Неужели она разорвёт их помолвку за день до свадьбы? Он не винил её, но знал, что его сердце будет разбито навсегда.

Она кивнула, не поднимая головы.

— Да. Понимаете, за последние пару недель — с тех пор, как я узнала, что вы живы, — я никогда не думала о том, с кем ещё вы могли встречаться или проводить время после нашего расставания.

Эрик в замешательстве наклонил голову.

— И это привело вас к слезам?

— Ну, — неуверенно начала Кристина. — Я никогда даже мысли не допускала о каких-нибудь... других женщинах... с которыми вы могли проводить время.

— Что? С какой бы это стати? — Эрик был в замешательстве. Ни одна женщина никогда им не интересовалась. Да, некоторые были заинтригованы мыслью о том, что может скрываться за маской, но он быстро избавлял их от любопытства. Если женщина не являлась Кристиной, то он не хотел иметь с ней ничего общего.

Кристина поняла его по-своему.

— Я всё знаю, — сказала она несчастным голосом. — Я тогда была счастлива в браке — ну, по большей части счастлива, — и для вас было вполне естественно искать себе другую... компанию. Мужчины всегда так делают; если уж на то пошло, то и Рауль так поступал. Наверное, эгоистично, что я не подумала об этом раньше, но Эрик, — продолжила она, садясь прямо и глядя ему в глаза. — Я не

собираюсь делить тебя ни с кем. Если мне не следует выражать недовольство из-за твоей любовницы, то это вовсе не означает, что я должна знакомиться с ней или общаться с ней. Если ты не порвёшь с ней окончательно, я не выйду за тебя замуж.

— Из-за моей... кого?! — воскликнул Эрик и вскочил, едва не свалив Кристину на пол. Он тут же быстро поправил её. — Ты сказала...?

— Твоей любовницы. Женщины внизу. — Кристина с трудом сглотнула и продолжила: — Она весьма красива, Эрик; я бы не стала тебя винить, если ты в неё влюбился. То, как она тебя касалась, даже твоего лица... судя по всему, она тоже тебя любит. Если... — Тут у неё снова навернулись слёзы на глаза. — Если ты предпочитаешь быть с ней, то я пойму. Ты не обязан жениться на мне. В конце концов, между нами всё произошло так быстро, учитывая, что всего две недели назад я считала тебя умершим. Может быть, мы слишком поторопились?

Эрик сделал два шага назад, от шока у него отвисла челюсть: Кристина даже видела, как она дрожит под нижним краем маски. Его остановил высокий столбик кровати, и Эрик сразу же схватился за него, словно нуждаясь в поддержке.

— Ч-ч-что? — от волнения он даже начал заикаться.

Неожиданно кусочки информации начали собираться воедино. Кристина просто передумала выходить за него. Она наверняка знает, кем является его гостя. Возможно, она даже встречалась с Сильвией, вместе с сёстрами Рауля. Она не могла на самом деле думать, что какая-то другая женщина согласится стать любовницей Эрика. Зато фальшивого обвинения в сочетании с увиденными ею объятиями будет достаточно, чтобы она получила свободу и была оправдана в глазах всего общества.

Он закрыл глаза и откинулся назад на столбик. Если она сейчас уйдёт от него, то растопчет его окончательно — но он решил, что на этот раз он не даст ей об этом знать. Он примет её отказ как мужчина. Он не будет больше ползать и умолять — не в этот раз!

Эрик решил проверить её. Он заговорил холодно, чтобы скрыть отчаяние, и не стал открывать глаза.

— Думаю, вы просто пришли в чувство и используете это как повод, чтобы не выходить за меня. Вы могли бы просто сказать мне, Кристина. Не было никакой необходимости в этой истерии по поводу моей предполагаемой «любовницы». Не то, чтобы я обвинял вас, — кто же захочет на всю жизнь связать себя с живым трупом?

— «Предполагаемой» любовницы? — резко воскликнула Кристина. — О, нет, Эрик! В том, что я видела, не было ничего «предполагаемого»! Ты позволил ей глядеть на твоё лицо, ты позволил ей прикасаться к тебе! Эрик, ты даже пел ей! Я слышала тебя! — В её голосе прорезались истерические нотки, но она продолжила: — Мне ненавистна сама мысль о том, что твоё сердце и даже твоё тело принадлежали другой — даже если я была замужем и вряд ли могла на них претендовать. Но делиться с ней своей музыкой — это худшее предательство! Я знаю, что ты имеешь на это полное право, но, Эрик, это причиняет мне боль! Зачем ты так поступаешь со мной?

Она глубоко вздохнула и продолжила мягче:

— Я скорбела о твоей смерти. Я оплакивала тебя. Почему ты даже не сообщил мне, что всё ещё жив, если всё равно предпочитаешь быть с ней? Это было нехорошо с твоей стороны, любовь моя. Более того, это было жестоко! — Слёзы снова заявили о себе, когда она опустилась на стул и уткнулась лицом в руки.

Эрик изучал её, стараясь не поддаваться на её рыдания. Возможно ли, что она говорит правду? Театральные навыки у неё были превосходными — он это знал, поскольку сам её этому научил. Однако её отчаяние выглядело неподдельным.

— Кристина, — позвал он. Она зарыдала ещё сильнее. Нахмурившись в беспокойстве, он шагнул вперёд и встал перед ней на колени. Взял её запястья и осторожно отвёл руки от лица. — Кристина, посмотри на меня. — Она отвернулась. — Пожалуйста, — попросил он. Услышав, как сорвался его голос, она повернулась и открыла глаза.

— Ты уверена, что сказала это не для того, чтобы избавиться от брака со мной? — спросил Эрик, пытаясь сохранять голос ровным. Если она действительно не играла, то он начинал чувствовать себя полной скотиной.

— Ты с ума сошёл? — сердито спросила она. — Я провела последние пять лет, влюбляясь в тебя и чувствуя, как с каждым днём всё сильнее умирает моё сердце, поскольку думала, что ты мёртв! Это ты пытаешься избежать свадьбы, уединяясь в музыкальном салоне с этой фифой, прекрасной мадам Облапаю-тебя-с-головы-до-ног!

В его сердце снова начала петь надежда, и про себя Эрик посмеялся над прозвищем, которым Кристина наградила Сильвию, но ему всё ещё было необходимо больше уверенности.

— Ты по-прежнему собираешься выйти за меня завтра? — настойчиво спросил он. — Клянёшься в этом? — Его голос звучал хрипло от волнения. Он с трудом сдерживался, чтобы не рухнуть на пол при виде её слёз, как это бывало раньше; для него было слишком важно хотя бы не подавать виду.

Кристина заморгала и забрала у него одну руку, чтобы сердито стереть со щеки мокрую дорожку.

— Да, Эрик, конечно. Клянусь всей душой! Я ничего не хочу больше, чем стать твоей женой, но ты должен понять прямо сейчас, что я не буду делить тебя с другой женщиной. — Справившись с собой, она вытащила руки из ладоней Эрика и вытерла глаза.

Эрик закрыл глаза и глубоко вздохнул: чувство сладкого, благословенного облегчения смешивалось со стыдом. Она не играла. Она по-прежнему хотела выйти за него замуж! Открыв глаза, он вздрогнул при виде её бледного, жалкого лица. Склонив голову, он стал целовать её пальчики.

— Кристина, я всю жизнь любил только тебя. Даю тебе слово.

Кристина отвернулась.

— Значит, ты её не любишь. Это ничего не значит. Я знаю, что мужчины часто «проводят время» с женщинами, которых не любят.

Эрик раздражённо отмахнулся.

— У меня никогда в жизни не было женщины в этом смысле. Та женщина никогда не была моей любовницей; я думал, что ты это поняла, когда её увидела.

— И как я могла это понять, если вошла и увидела, как она делает с тобой вот так? — Она быстро изобразила, как Сильвия оглаживает грудь и плечи Эрика. Ее слезы к этому моменту уже почти высохли; отчаяние обратилось в праведный гнев. — А затем объятия! Она поцеловала тебя, Эрик. Я видела это!

Эрик опустил голову, охваченный стыдом за свою ошибку.

— Прости, любовь моя. Я думал, ты её знаешь.

Кристина всё ещё недоверчиво посмотрела на него.

— Почему я должна её знать? Я никогда прежде не была в Руане.

Эрик снова поймал её руки и крепко прижал к груди.

— Её зовут Сильвия де Шаньи. Она твоя кузина... и моя сестра.

— Твоя сестра? — переспросила Кристина. Она настолько сосредоточилась на понятии «любовница», что такого ответа не ожидала никак. Её реакция была предсказуемой: — Я не знала, что у тебя есть сестра.

— Я тоже не знал, до этого утра. Судя по всему, у меня было две сестры, но Сесиль умерла. Осталась только Сильвия. Она слепа. Я позволил ей увидеть, как я выгляжу.

Ошеломленная, Кристина несколько раз открывала и закрывала рот, не зная, что сказать. Эрик воспользовалась её молчанием, чтобы исправить ситуацию. Он прижал одну из её ладоней к своей скрытой под шёлком щеке.

— Кристина, моя дражайшая любовь, неужели ты не знаешь, что для меня в этом мире существует только одна женщина? — Он слегка повернул голову и поцеловал её ладонь сквозь тонкий шёлк, скрывающий его рот. — Даже если бы я выглядел как нормальный человек, зачем мне искать кого-либо ещё?

— Но... я была замужем, а ты был один, пять лет! — Кристине явно было необходимо последнее, окончательное подтверждение.

Эрик твёрдо покачал головой.

— Я больше сорока пяти лет был один. Я предпочел бы остаться в одиночестве навсегда, чем быть с другой, отдать себя или разделить свою музыку с той, кто не является тобой. Пожалуйста, никогда в этом не сомневайся, любовь моя.

— Но, Эрик, ты пел... для Сильвии. Ты показал ей своё лицо.

Эрик слегка погладил её руку, объясняя:

— Наша мать, лёжа на смертном одре, написала Сильвии письмо, в котором рассказала ей обо мне — как я выгляжу, обстоятельства моего рождения, всё, — и Сильвия сегодня утром принесла мне это письмо, чтобы я его прочитал. Это было... — он остановился и сглотнул, продолжить было трудно, — было очень волнующе читать и понимать, о чём думала моя мать, как она относилась ко мне. Она сказала, что любила меня! А затем Сильвия попросила показать ей, как я выгляжу, для этого ей надо было прикоснуться ко мне руками, и я ей позволил. Она сказала, что никогда не думала встретить брата, поэтому хотела узнать обо мне всё, что могла. Она плакала, Кристина. Она на самом деле плакала надо мной. Поэтому мне показалось вполне естественным спеть для неё, когда она об этом попросила.

Кристина наклонилась вперёд и развязала маску, чтобы увидеть его лицо, после чего долго изучала его выражение. Он выглядел взволнованно и напряжённо, его глубоко запавшие глаза блестели от слёз.

— Я тебе верю, — сказала она.

Эрик закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Выдохнув, он наклонился и опустил голову ей на колени — он до сих пор стоял на коленях перед ней. Кристина нежно улыбнулась и погладила его по волосам.

— Я тоже плакала над тобой, любовь моя. Я должна встретиться с твоей сестрой: похоже, мы с ней можем подружиться.

Его плечи слегка дёрнулись, и она поняла, что он хихикает, уткнувшись лицом в её колени.

— Да уж, ты можешь, после такого-то, — ответил он в складки её платья, которые слегка приглушали его голос. Он взглянул на неё. — И конечно же, моё пение для неё нельзя считать предательством; в конце концов, моё сердце принадлежит тебе. По сравнению с этим, небольшая песня вряд ли может считаться таким уж великим подарком. Она определённо немного получала от этой семьи. Кажется, она ожидает, что мы тоже её не примем. Судя по всему, остальная часть семейства Шаньи стыдится её.

— О! — сообразила Кристина. — Помню, однажды Рауль упомянул о дальней родственнице по имени Сильвия, но он говорил так, будто она чем-то опозорила семью. Это та самая Сильвия?

Эрик пожал плечами.

— Она показалась мне вполне благовоспитанной. Думаю, у семейства Шаньи какие-то странные представления о том, что представляет собой позор. — Он поморщился. Кристина улыбнулась при виде этого выражения: она всё ещё не привыкла видеть его обнажённое лицо. Она задалась вопросом, знает ли он, что без маски его лицо представляет собой открытую книгу.

— Я подозреваю, что причиной такого отношения семьи является её слепота, — продолжил он. — Не говоря уже о том, что титул вместо меня передали моему дяде, а вместе с титулом к нему перешло и семейное благосостояние. Сильвия так и не вышла замуж и не способна себя содержать. Вместо того, чтобы обеспечить ей приемлемый доход, наши уважаемые родственники, судя по всему, просто бросили её на произвол судьбы.

Если ещё несколько минут назад Кристина возмущалась поведением Сильвии, то сейчас уже возмутилась за неё.

— Ах, эти лживые пиявки! — воскликнула она. — Я должна была знать, что они настолько озабочены своими делами, что никогда не подумают о своей бедной кухне!

— Ты о ком, милая? — удивился Эрик. — О своём первом муже и его брате?

— И об их сёстрах. Я ведь рассказывала тебе вчера, что случилось, когда я встретила с ними в Париже.

— Рассказывала. Это было довольно забавно.

— Хотя в итоге я всё-таки пригласила их на свадьбу.

Эрик ничего не сказал, лишь бросил на неё недоверчивый взгляд. Она пожала плечами и покраснела. Он, улыбаясь, покачал головой и встал.

— Иди сюда, — сказал он, подняв её на ноги. После чего обнял её и поцеловал в волосы. — Я люблю тебя, — сказал он горячо. — О, моя Кристина. Только ты, сейчас и навсегда.

Кристина положила голову ему на плечо.

— Я знаю, — подтвердила она. — Я тоже тебя люблю, Эрик. — Она подняла глаза и смело улыбнулась. — Мой Эрик. — Улыбка исчезла, и она отвернулась. — Прости, что я сомневалась в тебе и подумала о худшем, когда увидела тебя и Сильвию вместе. Сможешь ли ты простить меня?

— Конечно, — Эрик решил её поддразнить, — но это было очень глупо с твоей стороны, знаешь ли. — Он нежно поцеловал её, чтобы сгладить впечатление от своих слов. — Как можно было подумать, что я могу полюбить кого-то ещё, если ты владеешь всем моим существом с тех самых пор, как я впервые услышал, как ты поёшь? — Он снова поцеловал её. — Позор на твою голову, дорогая моя. — Ещё один поцелуй. — И постарайся, чтобы я никогда больше не слышал из твоих уст ничего подобного. — Запечатлев на её губах последний поцелуй, он уткнулся лбом в её лоб и улыбнулся.

Она хохотнула.

— После такого выговора, любовь моя, мне наверняка ещё не раз захочется допустить ошибку. — Она снова обняла его и поцеловала. — Такой нагоняй едва ли способен меня испугать.

Он рассмеялся, и она про себя обрадовалась, услышав это.

— Поверь, что тебе будет куда лучше, если ты не будешь непослушной; я приложу к этому все усилия.

— Мне нравится, как это звучит, — задумалась Кристина, — но почему-то мне кажется, что с этим нам стоит подождать до завтра.

Эрик кивнул, слегка покраснев от скрытого смысла её слов. Он прочистил горло и сменил тему.

— Что же касается нашего разговора... может быть, навестим сегодня Сильвию? А на обратном пути можем заехать на вокзал и встретить мадам и мадемуазель Жири.

Кристина охотно кивнула.

— Теперь, когда я знаю, что Сильвия — твоя сестра, я смогу полюбоваться ею без всякой задней мысли! — пошутила она. — Она показалась мне весьма красивой, но раньше я слишком ревновала, чтобы замечать это. О, и я смогу разглядеть, похожа ли она на тебя.

Эрик фыркнул.

— Думаю, можно заявить с полной уверенностью, что она на меня ни капли не похожа. Она, как ты и сказала, весьма красива.

— Посмотрим, — сказала Кристина. — А теперь, боюсь, мой спектакль едва не оставил нас без завтрака. Спустимся вниз?

***

Визит к Сильвии в этот же день прошёл гладко: они с Кристиной хорошо ладили, и Кристина действительно обнаружила, что Сильвия очень похожа на Эрика. Эрик добродушно спорил с ней об этом до самого дома. Сам он никакого сходства не замечал. Он видел в ней свою полную противоположность: у Сильвии был нос, прекрасные лицо и фигура. У него же не было носа, лицо было ужасным, а фигура похожа на скелет. Кристина, со своей стороны, отмечала сильное сходство: оба — и брат, и сестра — были высокими и худощавыми, с чёрными волосами и золотистыми глазами. У обоих была изящная походка, гордая, почти царственная осанка и похожие голоса. Эрик использовал в разговоре столичный стиль французского, тогда как у Сильвии был более заметен региональный диалект, но голоса у обоих были низкими, выразительными и музыкальными.

Эрик начал вслух размышлять о том, насколько хорошо Сильвия поёт: если у них одна и та же родословная — так, возможно, у них и таланты общие? Он решил попросить её спеть для него, как только они вернутся с медового месяца.

Кристина рассмеялась над этой идеей.

— Только представь, как мы шокируем остальных членов семьи! Не только граф-композитор, но и графиня — оперная певица, ещё и сестра, которая тоже поёт! Клеменс, Мартина и их мужья сгорят от стыда! Им никогда от такого не оправиться.

Эрик усмехнулся.

— Быть посему, любовь моя, ты меня убедила.

Кристина рассмеялась.

— Эрик! И кто из нас теперь плохо себя ведёт?

Он протянул руку и придвинул её ближе к себе в экипаже.

— Меня накажут так же, как в прошлый раз?

— Думаю, да! Ты это заработал. — Она с чувством его поцеловала, и в этот момент экипаж остановился у здания вокзала. — Пусть это будет для тебя уроком.

Кристина с нетерпением ждала встречи со своими оперными друзьями. Она хихикнула при мысли о встрече Кавеха и мадам Жири. Кавех обожал подначивать Эрика, и можно было бы подумать, что он с удовольствием объединил бы усилия с кем-нибудь ещё, кто тоже раздражает Эрика. Однако такого не происходило. Кристина обнаружила, что Перс рьяно защищает своего друга, словно лишь ему одному разрешено изводить Эрика, никому другому он этого не позволял.

Мадам Жири же всегда настолько уважительно относилась к «Оперному Призраку», что Кристина была готова держать пари: её угодливость в рекордные сроки подействует Кавеху на нервы. Она с нетерпением ожидала предстоящего: визит её друзей обещал быть очень увлекательным.

Мег подлетела к Кристине и обняла её, а мадам Жири присела перед Эриком в глубоком реверансе.

— О, сударь, позвольте мне поздравить вас от всего сердца! — воскликнула она.
— Мы были так счастливы, когда мадам де Шаньи сообщила нам эти прекрасные новости!

Эрик поклонился в ответ.

— Спасибо, мадам. Я благодарю вас за то, что вы проделали такой долгий путь, чтобы разделить с нами эту радость.

Мадам Жири хохотнула:

— О, это было не трудно, сударь, особенно после вашего письма директорам. Боюсь, что ваш секрет уже раскрыт. Они узнали ваш почерк, ведь они хорошо запомнили те послания, которые вы постоянно им отправляли.

Эрик ответил, привычно дёрнув одним плечом и подарив своей старой знакомой едва заметный намёк на улыбку.

— И кому они расскажут? Кто им поверит? Сомневаюсь, что мне грозит какая-либо опасность, а вот если они поверят, что им грозит опасность с *моей* стороны, это сделает их намного более сговорчивыми в части моих предложений по поводу Оперы.

Мег попятилась, глядя на Эрика широко раскрытыми, потемневшими от страха глазами. Кристина увидела это и улыбнулась.

— Подойдите и познакомьтесь, — вполголоса сказала она, поймав подругу за локоть и подтащив её к Эрику. — Эрик, могу я представить вам Маргариту Жири, прима-балерину Оперы? Мег, это мой жених, Эрик де Карпентьер, граф де Шаньи.

Эрик заметил испуг Мег и кивнул ей.

— Конечно, я видел вас в Опере, мадемуазель Жири, — сказал он. — И полагаю, вы тоже встречали меня время от времени, — сказал он с сарказмом, напоминая о тех бесчисленных случаях, когда малышка Мег и малышка Жамм сталкивались с оперным призраком и в ужасе убегали. — Приятно теперь наконец познакомиться. — И вполголоса добавил: — Без всех этих криков.

— Д-д-да, сударь, — нервно кивнула Мег. Набравшись смелости, она протянула ему руку и облегчённо улыбнулась Кристине, когда Эрик просто склонился над ней, как любой воспитанный мужчина. — Могу... могу я поздравить вас, месье де Карпентьер?

— Можете, благодарю. — Эрик резко развернулся и направился к экипажу.

***

Ужин в этот вечер вышел слегка комичным. Кристина верно предсказала реакцию Кавеха на то, как восхищённо и уважительно обращалась мадам Жири к Эрику. Кавех вздохнул, когда мадам Жири в третий раз глубоко уважительным тоном

назвала Эрика «господин Призрак», и начал разговаривать с Эриком преувеличенно громко, пытаясь заглушить пожилую женщину. Единственным слугой, прислуживающим им за столом, был Дариус, и Кристина не раз замечала, как тот прячет улыбку.

Мег вскоре расслабилась: то, с какой лёгкостью Кристина обращалась со своим высоким, устрашающим женихом, помогло Мег быстро привыкнуть к нему, и вскоре она уже довольно приветливо общалась с ними обоими.

Эрик поначалу держался напряжённо, но ласковость Кристины и жизнерадостность Мег в конце концов развеяли его сдержанность. Благоговейный трепет мадам Жири в сочетании с последующей ревнивой болтовнёй Кавеха стали вишенкой на торте. Эрик веселился донельзя, глядя на то, какую ревность демонстрируют его лучший друг и смотрительница его ложи. Он раз за разом запускал острую шпильку в адрес то одной, то другого, а затем сидел и ухмылялся за своей маской, когда они оба снова заводились. Он мог бы развлекаться так весь вечер, но через некоторое время Кристина — которая прекрасно знала, что он делает, — пнула его ногой по щиколотке и прошипела, чтобы он это прекратил!

Мег случайно перехватила его взгляд и была изумлена тем, что такие горящие жёлтые глаза, как у него, могут также мерцать сардоническим юмором. Она неожиданно широко ему улыбнулась, белые зубы блеснули на фоне смуглого личика. Его глаза за маской смягчились, это подсказало ей, что он улыбается, и внезапно её страх перед оперным призраком исчез.

Он просто мужчина, сказала она себе, обычный человек, как и любой другой, хотя его история и внешность куда более странные, чем у большинства. А ещё он граф! Кристина сделала хорошую партию, да не один раз, а дважды!

Мег не смогла удержаться от вопроса:

— Кристина, я должна узнать: как тебе удалось найти двух разных графов де Шаньи, чтобы выйти за них замуж? Я могла бы поклясться, что такое и раз в жизни редко случается! Ты говорила, что это долгая история, но в нашем распоряжении целый вечер. Ты нам не расскажешь?

— На самом деле, это история Эрика, — сказала Кристина, глядя на него с улыбкой в голубых глазах. — Вы нам не расскажете, любовь моя?

Эрик задумчиво оглядел сидящих за столом.

Кристине и Кавеху он доверял и свою жизнь, и свои секреты. Мадам Жири уже много лет хранила его тайну. Единственным неизвестным фактором была Мег. Он обратился к ней прямо:

— Мадемуазель Жири, моя история не из тех, которые мне бы хотелось предать огласке после вашего возвращения в Оперу. Если я её расскажу, вы должны мне поклясться никогда не делиться ею ни с кем, кроме людей в этой комнате, ни одного слова. Пожалуйста, поверьте, безопасность вашей подруги и её сына зависит от того, чтобы я продолжал оставаться инкогнито.

— Я понимаю, сударь, — сказала Мег, затаив дыхание, на её щеках расцвели два ярких пятна. — Я даю вам своё слово. Клянусь могилой моего отца, сударь, что я никому не расскажу вашу историю.

— Очень хорошо.

Эрик кратко рассказал им о своей жизни, обойдя молчанием и то, с какой жестокостью относились к нему люди, и те ужасы и зверства, которыми он отплатил им за такое отношение. Он кратко упомянул, что они с Раулем были соперниками за сердце Кристины, и, глядя на неё с любовью, рассказал о том, как он отпустил её с этим юношей, чтобы они были счастливы, так как сам он понял, что для него нет больше места в этом мире.

Дальше история стала более приятной. Эрик подробно рассказал о том, как Кавех со своим слугой вытащили его из дома, силой заставили его обратиться за медицинской помощью и, не слушая его возражений, перевезли его в Прованс. Там они безжалостно заставляли его купаться в море, работать на свежем воздухе, на солнце и общаться с другими людьми, невзирая на маску. Обо всём этом он рассказывал сухо и сдержанно, и Мег со своей матерью не единожды срывались на хихиканье.

Кавех во время этого рассказа несколько раз то краснел, то бледнел, но затем он заметил, что мадам Жири смотрит на него с выражением... неужели это восхищение? Вот те на! Он слегка вжался в кресло, избегая взгляда Дариуса. Он знал, что слуга будет припоминать ему это до конца своих дней.

Затем Эрик рассказал им о том, как пытался выяснить своё прошлое, как он украл шапку, имя, голос и акцент Кавеха, чтобы спокойно опросить людей. Он снова симитировал голос и акцент Кавеха, чтобы рассказать о своих встречах с клерком городского архива и со священником. Прислуживающий им Дариус не смог удержаться от широкой улыбки. Мег, Кристина и мадам Жири смеялись без стеснения, их голоса весело звенели в просторной столовой.

— Затем, после исповеди у священника, он открыл мне недостающие фрагменты моей истории, — закончил Эрик уже своим собственным голосом. — Мой отец, умирая, объявил своим наследником не сына, а брата. Сыновьями его брата были Филипп и Рауль де Шаньи. Таким образом, мой давнишний соперник оказался моим собственным кузеном. Он унаследовал мой титул, но теперь я унаследовал

титул от него, и завтра его вдова станет моей женой. — Он потянулся через стол, и Кристина взяла его за руку.

— Видишь, что я имела в виду, Мег, говоря тебе о совпадениях? — сказала она, глядя на Мег, но крепко держа руку Эрика. — Что ты скажешь о его истории?

У Мег в глазах стояли слезы.

— Это самая печальная, самая красивая и самая милая история, которую я когда-либо слышала, — сказала она. — О, я так рада за вас обоих!

Эрик, тронутый искренностью её пожеланий, склонил голову.

— Спасибо, мадемуазель Жири. Правда спасибо. А вы, мадам? — он наклонился к матери Мег. — Что вы думаете?

— Месье, я всегда знала, что вы джентльмен, даже когда считала вас призраком. Меня не удивляет, что вы оказались благородных кровей. Но разве не забавно, как порой всё оборачивается к лучшему? — мадам Жири была настроена философски. — Когда вы рассказывали, я не могла удержаться от мысли: боже мой, какая опера могла бы из этого получиться!

— Правда? — рассмеялся Эрик. — Никогда об этом не думал.

— Да, могла бы, господин Призрак, так что в следующий раз, когда захотите сесть за свои композиции, почему бы вам не попробовать написать что-то вроде этого? А что касается вас, господин Таллис, — сказала она, обращаясь к Кавеху. — Я должна вас поблагодарить.

— Поблагодарить меня, мадам? За что? — Кавех пришёл в замешательство, столкнувшись с обычной бесцеремонной откровенностью мадам Жири.

— Видите ли, сударь, я заботилась о ложе месье Призрака, там, в Опере. Он всегда был со мной добр и вежлив, и мне нравилось думать, что я по-своему тоже о нём забочусь. Но, когда мадемуазель Дааэ ушла со своим юным виконтом, Призрак тоже исчез, и я волновалась за него. Я задавалась вопросом, как он поживает, кто о нём заботится, но никогда не рассчитывала всё это выяснить. А теперь я наконец узнаю, что именно вы его выходили! И я просто хотела поблагодарить вас, сударь, за то, что вы так хорошо позаботились о нашем дорогом Призраке, когда он вышел из-под моего попечительства.

Кавех усмехнулся, уже совершенно не стесняясь, когда увидел возможность поддразнить Эрика.

— Всегда пожалуйста, мадам Жири. Хорошо, не правда ли, что господин Призрак окружен такими хорошими друзьями, что ему нет необходимости волноваться, позаботится ли о нём хоть кто-нибудь?

— Да, сударь, это правда. — Мадам Жири несколько раз кивнула головой. Каждый раз, когда она это делала, её шиньон грозился упасть с головы.

Эрик прочистил горло.

— Уверяю вас, господин Таллис, что я вполне способен сам за собой ухаживать, — заявил он категоричным тоном.

Как Перс и рассчитывал, мадам Жири тут же бросилась на его защиту:

— Ах, но в то время, когда вы не могли позаботиться о себе, это ведь не что иное, как благословение Господа, что господин Таллис и его замечательный слуга оказались там, чтобы ухаживать за вами. Разумеется, вы должны признать это, господин Призрак.

Эрик вздохнул. Тратить гнев на мадам Жири было бессмысленно: она этого всё равно бы не заметила. Поэтому он втянул воздух сквозь зубы и согласился.

— Несомненно, это было благословение, — его голос сочился сарказмом.

— О, пожалуйста, Эрик, не стоит, — с усмешкой ответил Кавех. — Я не ожидаю никакой благодарности. Я поступил так, как сделал бы на моём месте любой хороший друг.

Эрик мрачно взглянул на него, и улыбка Кавеха стала ещё шире. У наблюдающей за ними Мег округлились глаза: неужели господин Таллис действительно провоцирует Призрака Оперы? Дразнит его? Даже насмехается? Она была шокирована и слегка опасалась за жизнь Кавеха.

И всё же между ними чувствовался тонкий оттенок привязанности, как будто на самом деле они друг на друга совершенно не обижались, несмотря на все сердитые взгляды и жесты. Она покачала головой, не зная, что с этим делать.

У мужчин такая странная дружба.

Глава 18. Нерушимый обет

Той ночью Эрик спал плохо, зная, что следующий день будет днём его свадьбы. Большую часть ночи он пролежал без сна, задаваясь вопросом, является ли он на самом деле чудовищем настолько, чтобы привязать такого ангела, как Кристина, к такому дьяволу, как он, до конца её жизни? Мысли вертелись вокруг этого вопроса, становясь всё чернее и чернее, пока он не почувствовал, что скоро либо выбросится в панике из окна, либо ворвётся через смежную дверь в её комнату и заявит, что он слишком сильно её любит, чтобы на ней жениться! Он встал, собираясь одеться и выйти, но тут его взгляд упал на стоявшую на комод Кристинину шкатулку для драгоценностей.

Он прочитал её письма только один раз, предпочитая общаться с Кристиной лично после того, как они снова нашли друг друга. Он вынул стопку писем и начал перечитывать всё, начиная со смерти её приемной матери и до конца. Его глаза наполнились слезами, когда он читал, какое одиночество и отчаяние она испытывала, слишком поздно осознав свою любовь к нему. Он понял, что насколько бы эгоистичным ни казалось ему собственное желание заключить этот брак, отказ от него разобьёт её сердце. Не говоря уже о том, что ему до сих пор было любопытно, о какой такой мечте она ему писала!

Успокоенный любящими словами своей невесты, пусть они и были адресованы мертвецу, Эрик улыбнулся и вернулся в постель на оставшиеся короткие часы до рассвета.

Проснувшись во второй раз, он почувствовал себя намного лучше. Он позвал Гийома, чтобы тот прислал слугу со свежей водой. Отказавшись от услуг камердинера, он искупался и тщательно выбрил подбородок (это была единственная часть его лица, которая нуждалась в бритье; запавшие щеки и искривленная верхняя губа всегда оставались гладкими). Надел тёмно-синий утренний костюм, белую рубашку и жилет из чуть более светлого синего бархата. Маску он надел резиновую, а поверх неё завязал вторую — белую шелковую.

Спустившись, чтобы позавтракать в одиночестве, он обнаружил, что еда застревает у него в горле; ему пришлось сделать большой глоток сока, чтобы протолкнуть этот комок. Наконец он отказался от завтрака ввиду полной безнадёжности этой затеи и встал.

Пытаясь справиться с расшалившимися нервами, Эрик, гневно нахмурившись, принялся расхаживать из одного конца столовой в другой — и обратно. Услышав шаги за дверью, он резко развернулся.

Кавех вошел, зевая и завязывая галстук.

— Доброе утро! — весело приветствовал он.

Эрик зарычал на него, сверля яростным взглядом.

Кавех рассмеялся:

— Рад видеть, что ты в таком хорошем настроении в день своей свадьбы, — поддел он Эрика, накладывая еду себе в тарелку.

Эрик достал часы и демонстративно щёлкнул крышкой.

— Ты опаздываешь, — обвинил он своего друга. — Тебе обязательно тратить сейчас время на набивание брюха?

Кавех спокойно принялся намазывать мармелад на тост.

— Сейчас восемь часов, — сказал он.

Эрик нетерпеливо пожал плечами.

— Твоя свадьба запланирована на одиннадцать.

— Что ты хочешь этим сказать, дарога?

— Доехать до города в карете можно за пятнадцать минут. За десять, если поедем верхом. К чему такая спешка?

Эрик вздохнул, глубоко и страдальчески.

— Кавех, сколько времени прошло с твоей собственной свадьбы?

Перс на секунду задумался, подсчитывая.

— Двадцать три года.

— В таком случае, учитывая твой старческий маразм, ты уже наверняка забыл, что это такое, — сказал Эрик. — И как ты себя чувствовал утром перед свадьбой. Держу пари, ты тоже был не слишком-то спокоен!

— Испуган до полусмерти, — мгновенно ответил Кавех. — Но разница заключалась в том, что я к тому моменту ещё ни разу не видел свою невесту.

Эрик ухмыльнулся, резко искривлённая губа на секунду мелькнула под белой маской.

— Ага, значит, ты больше всего боялся, что она окажется уродиной?

— И это в том числе, — сухо ответил Кавех. — Зато тебе этого можно не опасаться.

Эрик развеселился, издав глубокий горловой звук.

— Нет, — согласился он. — Моя невеста определённо не уродлива.

Кавех слегка удивился, услышав, что Эрик говорит о проблемах внешности так спокойно, и рискнул продолжить тему.

— Она тебя тоже уже видела. Так что никаких неприятных сюрпризов не будет.

Эрик кашлянул и, казалось, расслабился.

— Это правда. Хотя такая отвратительная внешность, как у меня, наверное, шокирует всякий раз, независимо от того, как часто ты её видишь! Но Кристина не пугается — или хорошо это скрывает. — Эрик благоговейно покачал головой, его глаза сияли от нежности. — Она такая хорошая девочка. Да благословит её Господь за то, что она выходит замуж за такой живой труп, как я.

— Эрик, — запротестовал Кавех. — Ты же знаешь, ей не нравится, когда ты так о себе говоришь.

— Её здесь нет.

— Но разве это уважительно по отношению к ней — говорить в её отсутствие то, что ты не сказал бы в её присутствии?

Эрик резко отвернулся и после короткой паузы раздражённо заметил:

— Знаешь, Кавех, иногда ты мне действительно не нравишься.

— Знаю, знаю, — не без сочувствия ответил Кавех. — Всякий раз, когда я оказываюсь прав. Верно? — Эрик нахмурился, и Кавех, усмехнувшись, встал, стряхивая крошки со своей салфетки. — Я закончил. Идём?

Эрик велел слуге привести в порядок и оседлать лошадей. Он продолжал нетерпеливо расхаживать по комнате, пока слуга не вернулся, чтобы сообщить им, что лошади готовы, после чего стремительно вылетел за дверь. Кавех последовал за ним более спокойным шагом, покачивая головой и посмеиваясь про себя.

Добравшись до церкви, они увидели перед входом отца Арно, стоявшего на коленях; услышав их, он тут же поднялся.

— Эрик, мальчик мой! Добро пожаловать! Господин Таллис, рад снова вас видеть.

Кавех поклонился:

— Взаимно.

Арно ласково улыбнулся Эрику.

— А вы, молодой человек... любите создавать трудности на ровном месте, как я погляжу?

— Что вы имеете в виду? — с достоинством спросил Эрик.

Арно добродушно кивнул на Кавеха.

— Вы не только, будучи католиком, не прошли конфирмацию, но и в качестве свидетеля привели мусульманина.

— И ещё одного свадебного гостя, — добавил Эрик. — Слуга господина Таллиса, Дариус, тоже будет сегодня присутствовать на церемонии. И вы мне говорили, что с конфирмацией проблем не будет.

— Не должно быть, — согласился Арно. — Хотя мне бы хотелось поговорить с вами об этом чуть позже.

Эрик вздохнул.

— Полагаю, это неизбежно.

— Совершенно неизбежно, сын мой, это я вам обещаю! А теперь о сегодняшней свадьбе. Так как конфирмацию вы не прошли, я проведу только само бракосочетание и пропущу большую часть свадебной мессы. А вашей конфирмацией мы займёмся позже, уже когда-нибудь после свадьбы. Я не вижу смысла откладывать ваш союз до тех пор. Это для вас приемлемо?

Эрик кивнул.

— Я не буду возражать против сокращения церемонии, — ответил он. — И подозреваю, что моя невеста тоже не будет. — Эрик подошел к органу и приветственно погладил его пальцами.

— Вы не доставите нам удовольствие услышать, как вы играете, Эрик? — спросил отец Арно.

— Безусловно. Я никому не доверю играть свадебную мессу, которую сам написал ради этого случая, — высокомерно ответил Эрик.

— Ах, хорошо! С нетерпением этого жду. В какой момент церемонии мы это вставим?

Они решили разместить музыку в конце, заменив ею пропущенную часть мессы. Эрик скользнул на скамейку и начал что-то тихо наигрывать, разминаясь. Кавех вышел наружу покурить трубку, а отец Арно опустился на колени у алтаря в молитве. Поэтому единственными людьми, которых увидели Клеменс и Мартина, с мрачным выражением лица идущие рука об руку по проходу, были священник и худой мужчина, которого они посчитали церковным органистом.

Клеменс демонстративно прочистила горло. Мартина вздохнула и поздоровалась с коленопреклонённым священником.

— Доброе утро, святой отец.

Отец Арно поднялся.

— Дамы! Как приятно видеть вас обеих спустя столь долгое время. Вы пришли на исповедь? Однако сегодня здесь будет свадьба, мне необходимо подготовиться.

— Спасибо, святой отец, но мы пришли не исповедаться. Мы хотели бы...

— Спросить, как вы согласились участвовать в этом фарсе? — прервала её Клеменс.

Отец Арно вежливо приподнял белые брови.

— О каком фарсе идёт речь?

— В этом... этом... — нахмурилась Клеменс.

Мартина мягко вмешалась:

— Под фарсом моя сестра подразумевает бракосочетание, которое вы намереваетесь провести сегодня утром. Она считает, что всё это пора прекратить.

— Вот как? И почему же? — Арно заметил, что Эрик стал использовать тихую педаль, и подозревал, что тот слышит каждое сказанное им слово. Он взглянул на него, надеясь, что его новый друг сумеет обуздать свой темперамент.

— Мы считаем, — начала Клеменс, выразительно глянув на сестру, — что этот брак не может иметь юридической силы: вдова моего брата и самозванец, именующий себя графом де Шаньи. Вы уважаемый служитель церкви, святой отец. Как вы можете руководить браком этого мошенника?

— Мошенника? О, вы имеете в виду полноправного, законного и документально подтверждённого графа де Шаньи? Я только провожу его свадебную церемонию. Руководить своим браком ему придётся самому. — Арно услышал фырканье со стороны органа и усмехнулся про себя.

На секунду потеряв дар речи, Клеменс моргнула и в шоке открыла рот.

— Д-документально подтверждённого? — сконфуженно пробормотала она.

— Подтверждённого по всем правилам, разумеется, — заверил отец Арно. — Не думали же вы, что я устрою бракосочетание тому, кто выдаёт себя за другого? Нет-нет, его права на титул являются вполне законными и подтверждёнными.

— А какими именно документами, святой отец? — спросила Мартина, снова стараясь сгладить взрывной характер своей младшей сестры.

Священник кивнул на дверь кабинета.

— Для начала, его записи о крещении.

— Откуда вы знаете, что они не подделаны? — упорствовала Клеменс.

Он пристально посмотрел на неё.

— Я сам лично крестил его и заполнял эти бумаги. — Он улыбнулся ей и продолжил. — У господина Кота, вашего семейного адвоката, хранятся также несколько писем от его матери. Вы сможете сами его спросить об этом, чуть позже — кажется, он тоже приглашен на церемонию.

— Подтверждаю, приглашён, — заявил Эрик, подходя к ним от органа. — Простите, святой отец, я случайно услышал вашу дискуссию с этими *женщинами*. — Последнее слово он подчеркнул с лёгким оттенком насмешки; тот факт, что он не назвал их дамами, от них не ускользнул.

В этот момент Эрик заметил краем глаза движение у двери и улыбнулся.

— Сильвия! — приветственно воскликнул он, с намеренной грубостью обходя двух своих кузин и направляясь к двери. Его сестра вошла в сопровождении слуги.

— Как я рад тебя видеть, — сказал Эрик. Слуга тихонько отошел в сторону, а Эрик взял ладони Сильвии в свои руки и обменялся с ней приветственными поцелуями.

— Здравствуй, Эрик! Я надеялась, что ты не будешь возражать против моего раннего прибытия. Я пришла... — Её голос затих, когда она услышала громкий шёпот от алтаря, возле которого стоял священник с двумя их кузинами. — Эрик, кто здесь? Эти голоса звучат знакомо, — тихо сказала она.

Мощный голос Эрика легко долетел до алтаря:

— О, это отец Арно и парочка докучливых сплетниц.

Раздался отчётливый звук: Мартина и Клеменс задохнулись от шока. Эрик усмехнулся. Тихим голосом он пояснил:

— Полагаю, это твои кузины. Они выглядят в точности, как описывала Кристина, а сюда пришли, чтобы попытаться оспорить мои права на титул.

— О, вот как? — пробормотала Сильвия. Она взяла Эрика за руку: — Ты не проводишь меня к ним, Эрик?

Он не стал отказываться.

— Сильвия! Что ты здесь делаешь? — требовательно спросила Клеменс.

— Просто хотела пообщаться со своим братом до начала церемонии, — беззаботно ответила Сильвия. — Вы уже представлены друг другу?

— Ещё нет, — ответила Мартина.

Сильвия любезно улыбнулась и повернулась к Эрику.

— Эрик, могу я тебе представить своих кузин, Мартину Ла-Френьер и Клеменс Бурбо, в девичестве де Шаньи?

Отец Арно спрятал улыбку за ладонью. Сильвия провернула ловкий ход, представив кузин Эрику, а не наоборот: тем самым она отчётливо давала понять, что он по положению выше их обеих.

— Рада с вами познакомиться, — вежливо ответила Мартина, пихнув сестру локтём под рёбро.

— Да, очень приятно, — сумела выдавить из себя Клеменс, незаметно потирая бок.

— Эрик сказал, что вы пришли сюда, чтобы оспорить его права на титул графа, — Сильвия не стала ходить вокруг да около. — Позвольте вас заверить, что его требования были подтверждены и доказаны. Наша мать перед смертью написала и нашему адвокату, и мне, подробно описав обстоятельства его рождения. Он — единственный законный наследник графа Эрика, моего отца. Дядя Филиберт не должен был стать графом.

— Но почему? — спросила Мартина. — Почему месье раньше не претендовал на титул? Почему мы до сих пор ни разу не слышали о кузене Эрике?

— Эрик был болезненным ребёнком, — легко солгала Сильвия, копируя историю Кристины. — Они не знали, выживет ли он, поэтому скрывали его существование. А позже, когда его няня упала с лестницы и умерла, Эрик испугался и сбежал из дома. После смерти нашего отца найти моего брата так и не смогли, поэтому титул перешел к вашему отцу.

Эрик, изумлённый её лёгким объяснением, кивнул:

— Совершенно верно. Приношу свои извинения, кузины. Когда пришла моя сестра, я ещё не знал, кем вы являетесь.

Клеменс и Мартина слегка оторопели, увидев дружескую привязанность между их кузенами. Они так долго считали Сильвию изгоем, что почти о ней забыли — и теперь встревожились, увидев её под ручку с новым графом. Изменится ли их положение в семье теперь, когда стало известно, что их отец не был настоящим графом? Что скажут их мужья?

Будучи более практичной, Мартина первой осознала, что Эрик теперь является главой семейства де Шаньи — а поэтому ей следует попытаться добиться его расположения.

— Примите наши извинения, дорогой кузен, — выдохнула она. — Мы с сестрой ни в коем случае не намеревались бросить тень на вашу репутацию. Однако фамилия Шаньи весьма древняя и уважаемая, и я уверена, что вы можете понять наши сомнения, когда мы слышали о новом члене семьи. — Она протянула руку, и Эрик задержал на ней долгий холодный взгляд своих золотых глаз, прежде чем осторожно её принять.

— Мы так мало о вас знаем, понимаете, — добавила Клеменс, явно пытаясь раздобыть побольше сведений.

Эрик проигнорировал эту попытку.

— Я очень скрытный человек, — согласился он.

— Да, но теперь, когда мы одна семья, вы должны дать нам шанс познакомиться с вами! — воскликнула Клеменс.

— Должен? — холодно ответил Эрик. — О, я так не думаю. Полагаю, я уже знаю о вас всё, что нужно. Я знаю, как вы преклонялись перед своим старшим братом, избаловали младшего до такой степени, что он стал ни на что не способным неженкой, оскорбляли его жену, довели до нищеты и отвергли свою собственную кузину. Теперь я нахожу вас здесь, в церкви, накануне моей свадьбы, пытающихся доказать, что я не тот, за кого себя выдаю.

Позвольте мне сказать следующее: фамилия де Шаньи, может быть, древняя и кем-то уважаемая — но только не мной. Если вам станет легче, позвольте вас заверить, что я не буду её использовать. Я не хочу пятнать свою репутацию этой фамилией — а если бы вы знали мою репутацию, то поняли бы, что это за заявление! Мне принадлежит титул графа де Шаньи, но я верну себе фамилию старого графа. Я Эрик де Карпентьер. Моя жена будет Кристина де Карпентьер, и мы оба считаем, что так будет лучше. — Эрик положил руку на ладонь Сильвии, всё ещё покоящуюся на сгибе его локтя. — А теперь простите, мне надо подготовиться к свадьбе. Хорошего вам дня. — Он резко повернулся и вернулся к органу вместе с Сильвией.

Эрик посмотрел, как Мартина и Клеменс безмолвно ретировались на скамью, и усмехнулся.

— Боже, это было забавно, — пробормотал он.

Сильвия хохотнула:

— Браво, Эрик. Неплохой спектакль.

— Нет, моя дорогая. Настоящий спектакль ещё впереди. Это была только увертюра. Подожди, пока они услышат, как я играю, а Кристина поёт. Тогда они поймут, почему она не покинет сцену.

— Возможно, вы введёте новую моду, выступая на публике, — с улыбкой сказала Сильвия.

В этот момент вошёл Кавех, от него пахло табаком. Ощувив в воздухе остаточное напряжение, он огляделся.

— Я что-то пропустил?

— Да, — сказал ему Эрик. — Ты пропустил встречу с моей сестрой. Сильвия, это мой добрый друг, Кавех Таллис. Он будет моим свидетелем. Кавех, это моя сестра, Сильвия де Шаньи.

Когда Сильвия и Кавех закончили ритуалы с приветствиями и целованием руки, Эрик широко ухмыльнулся.

— Сильвия слепая, — пояснил он, — а потому избавлена от необходимости лицеизреть твою уродливую рожу.

Кавех просто улыбнулся.

— Оно и к лучшему, — заметил он ровно. — Если твоё лицо типично для стандартов красоты Шаньи, то я понимаю, почему моё может показаться пугающим. Мадам, должно быть, является редким исключением.

Эрик рассмеялся и согласился, подумав о Клеменс и Мартине. Обе были внешне красивы, но их злоба наложила негативный отпечаток на восприятие их внешности. Ему куда больше нравилось лицо сестры с его морщинками от смеха и спокойной красотой.

Кавех спросил:

— Так что ещё я пропустил?

Когда Сильвия начала рассказывать ему о столкновении Эрика с кузинами, взгляд Эрика снова устремился к двери. Церковь начала постепенно заполняться народом, но ему хотелось увидеть экипаж Кристины, как только тот прибудет. Сейчас на нём была резиновая маска, имитирующая живое лицо, и он хотел вовремя прикрыть её своей обычной белой, чтобы не напугать любимую.

Он знаком предложил Сильвии сесть на переднюю скамью (подальше от кузин). Священник подошёл и предложил:

— Если вы хотите ещё раз исповедаться перед началом церемонии, Эрик, я к вашим услугам.

Эрик нахмурился.

— Нет.

— Не совершали никаких грехов с прошлого раза, да? — легонько подтолкнул его Арно. — Не запугивали пожилых священников, не подкупали муниципальных чиновников? Не выдавали себя за честных полицейских? Не допускали грязных мыслей о своей невесте?

Глаза Эрика сверкнули золотом.

— Все мысли о моей невесте чисты, как слеза. Она — ангел, незапятнанный ангел. Любые мысли о ней, которые у меня возникали, с нетерпением ждут, пока мы поженимся, и потому их можно назвать скорее таинством, чем грязью. Я не буду исповедаться в том, что грехом не является.

Арно был священником уже несколько десятилетий, но ответ Эрика ему понравился.

— Что ж, хорошо. Значит, за последнее время вы больше не лгали?

— Нет.

— А как же насчёт директоров Оперы? — запротестовал Кавех. — Вряд ли ты можешь утверждать, что рассказал им всю правду, Эрик!

Тот покачал головой.

— Возможно, часть правды я от них и утаил, но при этом ни разу не солгал. Нет, святой отец, — сказал он, возвращаясь к Арно. — Мне не в чем исповедаться.

— Хорошо. А вон и ваша невеста приехала.

Эрик быстро повернулся и увидел, как экипаж останавливается, чтобы выпустить пассажиров. Он выхватил из кармана свою белую маску и надел её, после чего отправился на встречу с Кристиной.

Из экипажа первым вышел Дариус и галантно предложил руку Мег и её матери. Он снова повернулся, чтобы помочь Кристине, но Эрик его опередил, ловко скользнув вперёд и протянув руку своей невесте.

Когда она появилась, Эрик застыл от изумления. Её свадебное платье было прелестным: бледно-голубой шёлк, выгодно оттеняющий глаза, облегал её фигуру и роскошно шелестел, пока она спускалась вниз. Он взял обе её ладони в свои:

— Ты выглядишь ещё прекраснее, чем раньше, моя дорогая.

— Ты тоже очень красиво смотришься, любовь моя, — с улыбкой сказала Кристина. Она привстала на цыпочки, чтобы поцеловать его, но Эрик сделал шаг назад. Она нахмурилась: с его белой маской что-то было не в порядке, её форма была странной, с какой-то выпуклостью в центре.

— Подожди, Кристина. Идём со мной, у меня есть для тебя сюрприз. — Он привёл её в тёмную прохладу церкви. Остальные следовали за ними на расстоянии, уважая их право на уединение.

— И что это за сюрприз? Видимо, это нечто действительно важное, если ты даже поцеловать себя перед этим не даёшь, — поддразнила она.

— Не столь важное, как поцелуй, но я думаю, тебе это понравится, — ответил Эрик. Протянув руку назад, он развязал маску и медленно отвёл её от лица.

Кристина ахнула. Эрик выглядел как нормальный человек.

— Что... как... — пробормотала она в недоумении.

Он улыбнулся, и выражение его лица в этой новой маске стало совершенно иным.

— Помнишь, давным-давно под Оперой... Я нёс тогда много бреда, но в числе прочего сказал тебе, что сделал маску, благодаря которой могу выглядеть как обычный человек? Я вернулся туда и нашел её. И подумал, что будет неплохо надеть её на нашу свадьбу. Как считаешь?

Кристина пристально посмотрела на маску. Внимательно её изучая, она смогла различить края — вокруг глаз и над верхней губой. Маска не делала его красивым, о нет, его подбородок всё равно был слишком костлявым, а брови выдавались вперёд над глубоко запавшими золотыми глазами, но она позволяла ему выглядеть обычным. Никто не станет оглядываться на Эрика, если он пройдёт по улице в этой маске!

— Жаль, что мы не можем играть свадьбу вообще без маски, любовь моя, но эта несравненно лучше, чем другие твои маски. — Она снова привстала на цыпочки. — Теперь я могу тебя поцеловать?

Улыбаясь, Эрик нагнулся, слегка коснулся губами её губ, после чего выпрямился и предложил ей руку:

— Идём, моя дорогая. Давай наконец поженимся?

— Думаю, это прекрасная идея, сударь. Определённо одна из лучших!

— Что ж, я тоже так считаю, — скромно ответил он.

Отец Арно встречал их обоих у алтаря.

— Доброе утро, мадам! — поприветствовал он Кристину. — Всё ещё хотите выйти замуж за этого уродливого парня, да? — Он настолько лучился дружелюбием, что Эрик даже не стал заострять внимание на этих словах. В конце концов, это правда, не так ли?

— Конечно, святой отец, — ответила она, улыбаясь. — И чем скорее, тем лучше!

— Хорошо, тогда давайте начнём.

Пока Эрик с Кристиной разговаривали, прибыли остальные гости. Оглянувшись, Эрик увидел Аннеке, Дариуса и ещё нескольких слуг, следовавших за ними в другом экипаже. Кристина пригласила всю прислугу, которая пожелала присутствовать на свадьбе.

— О, дорогой, — пробормотала Кристина. Эрик обернулся к ней и увидел, что её взгляд застыл на Клеменс и Мартине, сидевших во втором ряду.

— Сестры Рауля, — пояснила она. — Я надеялась, что они передумают приходить.

Эрик похлопал её по руке.

— Не беспокойся о них, моя сладкая. От них не будет никаких проблем. Я об этом позаботился.

— О, Эрик, — с тревогой воскликнула Кристина. — Ты им не угрожал?

— Угрожать им? За кого ты меня принимаешь? — невинно спросил Эрик. — Я хочу, чтобы ты знала: я никогда никому не угрожаю. — Он оскалился в волчьей усмешке, белые зубы сверкнули на его обычном благодаря маске лице. — Я иногда предупреждаю о возможных последствиях, но никогда не угрожаю.

Кристина строго посмотрела на него.

— Ты ведь их ни о каких возможных последствиях не предупреждал, не так ли, Эрик?

— Нет, — признался он. — Наш разговор застопорился раньше, до этого не дошло. Думаю, все были этому рады.

Кристина вздохнула и с улыбкой покачала головой.

Эрик усмехнулся и указал на только что вошедшую пару гостей. Кристина улыбнулась и помахала Эрику-Дааэ и его няне: румяная добродушная женщина, одетая в чёрную тафту, вела за руку тихого темноволосого херувима с огромными голубыми глазами.

Накануне Кристина разговаривала с сыном и сообщила ему, что собирается выйти замуж за Эрика, — тот станет частью их семьи, и все они будут любить друг друга. Эрик-Дааэ слегка скептически отнёсся к предстоящей свадебной

церемонии (он не любил находиться среди чужих людей), но ему очень хотелось, чтобы Эрик стал частью их семьи.

— После того, как мы с Эриком поженимся, он станет твоим отчимом, — объяснила Кристина мальчику. — Твоим *beau-père*.

— *Beau?* (12) — переспросил Эрик-Дааэ, указывая на своё собственное лицо. — Он станет красивым, когда вы поженитесь?

Кристина печально улыбнулась. Она должна была догадаться, что Эрика-Дааэ может смутить слово «отчим», которое во французском было так похоже на слово «красивый».

— Нет, милый. Месье Эрик никогда не будет красивым. «Beau-père» означает, что он хоть и не твой настоящий отец, но будет женат на мне и с тобой будет обращаться как отец, — объяснила Кристина.

— Что такое отец?

Кристина недоверчиво моргнула. Она рассказывала сыну о его папе, о его смерти и обо всём, что он, по её мнению, мог понять. Однако он никогда не видел Рауля и не понимал, что может значить понятие «отец».

— Отец... ну, отец точно такой же, как мама, только он мужчина, — наконец объяснила она. — И его называют не *tatan*, а *papa*.

— О. — К её удивлению, это неказистое объяснение, похоже, мальчика удовлетворило. Он некоторое время обдумывал сказанное, после чего спросил: — Значит, месье Эрик станет моим папой?

— Да, всё верно. Завтра, когда мы с Эриком поженимся, он станет твоим папой так же, как я твоя мама.

Эрик-Дааэ кивнул, довольный.

— И тогда он мне принесет быка для Эскамильо.

Кристина хихикнула.

— Да, вполне может быть. Или, что более вероятно, несколько солдатиков для «Фауста», если я только знаю Эрика, — продолжила она про себя.

Теперь, наблюдая, как они входят и садятся, Кристина улыбнулась сынишке и помахала рукой. Он очень торжественно поднял руку, помахал в ответ, а затем

снова положил руку к себе на колени и огляделся, чтобы понять, заметил ли кто-нибудь его действия. Ей показалось, что Эрик рядом с ней посмеивается.

— А я думал, что это я неуверенно чувствую себя в толпе, — тихо заметил он, веселясь. — Твой сын меня переплюнул.

Кавех подошёл и занял своё место рядом с Эриком, а Кристина коснулась руки жениха и отошла назад, ко входу, откуда ей предстояло идти к алтарю в сопровождении Мег. Она ненадолго остановилась, чтобы поговорить с Сильвией, а затем повернулась, готовясь к вступлению.

Эрик улыбнулся, снова сядя за орган. Несколько лет назад он написал этот свадебный марш для Кристины, и теперь, когда он наконец смог подарить его ей, сердце его переполняла острая радость. Кристина была такой прелестной в своём простом платье бледно-голубого цвета, что его глаза наполнились слезами. Она несла букет цветов, которые Мег принесла для неё в церковь по просьбе Эрика.

Отец Арно начал церемонию с благословения пары, а затем спросил, есть ли у присутствующих какие-либо законные возражения против этого брака.

Эрик посмотрел на двух своих кузин, и те отвели глаза. Возражений не было.

Священник продолжал — настал черёд вопросов к Эрику и Кристине, согласны ли они пожениться. Он говорил на церковной латыни, обращаясь к Эрику: согласен ли тот признать Кристину своей законной женой в святом таинстве брака? Если согласен, то должен ответить: «*Volo*».

Эрик встретился глазами с Кристиной и тихо ответил:

— *Volo*. Я согласен.

Арно спросил то же самое у Кристины.

— *Volo*, — ответила она.

Отец Арно взял их руки и соединил их вместе, правую руку с правой рукой.

— Теперь вы можете принести клятву невесте, — тихо сказал он.

Эрик не захотел повторять слова клятвы за священником, он пожелал сам произнести слова обета:

— Я, Эрик де Карпентьер, беру тебя, Кристина Дааэ, своей законной женой и клянусь хранить и беречь с этого дня, в горе и радости, в богатстве и бедности, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит нас. — По мере произнесения клятвы

его голос становился всё громче и громче, так, что даже слугам, сидящим в последних рядах, было слышно каждое слово.

Кристина постаралась скрыть, как её позабавил тот факт, что Эрик «забыл» упомянуть её фамилию Шаньи и произнёс свою собственную клятву.

Отец Арно улыбнулся и выпрямился, провозгласив:

— *Ego conjugo vos in matrimonium, in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti.* Я объявляю вас мужем и женой, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. — С этими словами он слегка окропил их святой водой и усмехнулся, услышав удивлённый вздох Эрика, которого это явно застало врасплох.

Затем он протянул ладонь, и Эрик вложил в неё кольцо, простой золотой ободок, который Кристина сразу узнала. Её рука невольно взлетела к губам — она не ожидала вновь увидеть это кольцо! Ведь она оставила его в шкатулке вместе со всеми своими письмами!

Отец Арно продолжал говорить на латыни, благословляя их обоих, а затем поднял кольцо, окропил его святой водой и перекрестил. Вознеся молитву, он протянул кольцо Эрику, и тот взял Кристину за руку, поцеловал её и с благоговением надел кольцо на её палец.

— Надевая это кольцо, я беру тебя в жёны, — сказал он низким, чуть дрожащим голосом, — и обещаю хранить тебе верность.

Услышав это едва ли не преклонение в голосе Эрика, отец Арно улыбнулся и продолжил:

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.* — После чего закрыл глаза и продолжил молитву на латыни.

Когда он добрался до «*Kyrie eleison*», Эрик и Кристина откликнулись тихим шёпотом:

— *Christe eleison.*

— *Kyrie eleison*, — повторил Арно и продолжил молитву. Его голос приобрёл особую выразительность, когда он вознёс Господу мольбу: — *Esto eis, Domine, turris fortitudinis a facie inimici.* Будь для них, Господи, надёжной опорой и защитником перед лицом врага. — Видимо, Арно полагал, что жизнь ещё не раз подкинет неприятные сюрпризы этой необычной паре, и защита Господа от недоброжелателей им ещё понадобится.

— Аминь, — согласился Эрик, а затем вопрошающе посмотрел своими жёлтыми глазами на священника. — Что дальше?

Арно улыбнулся и сказал:

— Всё, Эрик. Перед лицом Бога и человечества, к добру или к худу... вы теперь женаты.

— Ничего, что он забыл включить мою предыдущую фамилию? — спросила Кристина.

Священник кивнул.

— В данный момент это не имеет особого значения, поскольку теперь вы носите его фамилию. Да, вы женаты. Итак, мальчик мой, вы собираетесь поцеловать свою жену или будете ждать, пока кто-нибудь другой не сделает это за вас? Поскольку вы знаете, как бы мне этого ни хотелось, но мне не разрешено... — Он замолчал и прекратил их поддразнивать, когда Эрик повернулся к Кристине и мягко, нежно обхватил её лицо своими ладонями и прикоснулся губами к её губам.

— Так-то лучше, — пробормотал Арно. — Иначе не знаю, как бы я объяснил это своему епископу.

Поцелуй продолжался несколько секунд, а затем Эрик положил руку Кристины на свой локоть и повел её к органу. Она встала рядом с ним, и он начал играть. Когда он кивнул ей, она открыла рот и запела гимн «Глория». Ее чистое, ясное сопрано звенело, эхом отражаясь в почти пустой церкви, когда она без особых усилий пропевала сложные латинские фразы:

Gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bonae voluntatis.

Laudamus te. Benedicimus te. Adoramus te.

Glorificamus te. Gratias agimus tibi propter magnam gloriam tuam,

Domine Deus, Rex caelestis, Deus Pater omnipotens.

Domine Fili unigenite, Jesu Christe.

Domine Deus, Agnus Dei, Filius Patris.

Qui tollis peccata mundi, miserere nobis.

Qui tollis peccata mundi, suscipe deprecationem nostram.

Qui sedes ad dexteram Patris, miserere nobis.

Quoniam tu solus Sanctus. Tu solus Dominus, Tu solus Altissimus, Jesu Christe.

Cum Sancto Spiritu in gloria Dei Patris. Amen. (13)

Гимн звучал невероятно, и было совершенно очевидно, что Эрик исполнял свою собственную аранжировку. Кристина закрыла глаза, выдавая ясный, кристально чистый звук. Она с лёгкостью достигла самых высоких нот, беря их безупречно и

без какого-либо напряжения. Будучи священником, Арно никогда не бывал в Опере. Ему не с чем было сравнивать голос Кристины — разве что, возможно, с его собственным представлением о том, как звучат ангелы, когда ради чистой радости поют славу Господу. Он был изумлён тем, что смертный человек вообще может издавать такие звуки. Так оно и было: Кристина пела, как ангел с Небес.

Но если Кристина звучала как небесный ангел, то Эрик, когда он присоединился к ней в песне, был похож на падшего серафима. Его голос отличался той же ясностью, звучностью и гибкостью, как у Кристины, но в нём слышалась определённая земная страсть, которой ей не хватало. Всё это как-то иронично, подумал Арно, мы будто слушаем, как поёт Люцифер — сразу после того, как его сбросили с Небес. Даже в счастье голос Эрика выражал какое-то страдание и надломленность, вызывавшие слёзы на глазах слушателей.

Затем зазвучал инструментальный проигрыш, и Арно впервые услышал, как Эрик играет соло. Он играл, даже не глядя клавиши органа, его горящие жёлтые глаза не отрывались от лица Кристины. Сложность музыки была недоступна для понимания священника, зато он мог оценить умение и поразительный талант, особенно когда вспомнил, что всё это написал сам Эрик.

Когда всё закончилось и Арно тайком вытер глаза рукавом своей рясы, он подошёл, чтобы поздравить новобрачных.

— Я знал, что вы хотите играть собственную мессу, но не ожидал ничего подобного! — легко признался он. — Но я не могу не спросить, почему вы оба решили выступить на своей свадьбе? Мне казалось, вы были бы рады, если бы эту задачу взял на себя кто-нибудь другой, чтобы вы могли сосредоточиться на самом бракосочетании.

Эрик приподнял одну бровь и протянул священнику ноты.

— Вы знаете кого-нибудь ещё, кто мог бы это спеть? — спросил он. — Или сыграть?

Арно едва не присвистнул, когда увидел сложные диссонансы и замысловатые гармонии на нотах Эрика. Эрик написал всё это для двух певцов с невероятными диапазонами — специально для себя и Кристины. Наконец Арно сдался и засмеялся, передав папку назад Эрику.

— Мне следовало догадаться, что такой человек, как Эрик де Карпентьер, просто обязан всё усложнить и сделать всё по-своему — даже свою собственную свадьбу!

— *Особенно* свою свадьбу, — с улыбкой уточнил Эрик.

После этого они спустились вниз и начали принимать поздравления от своих друзей и соседей (несколько соседей и жителей городка пришли в церковь, услышав, что новый граф де Шаньи собрался жениться на вдове прежнего!). На этот раз даже Эрик улыбался и любезно беседовал со своими гостями. Казалось, что им не будет конца; многие пришли в конце, во время их пения, и теперь хвалили как невесту, так и жениха за их музыкальных таланты, наравне с поздравлениями с бракосочетанием.

Всё это настолько напоминало Кристине её триумф в Опере, что она не могла удержаться от улыбки. Это было намного лучше, чем она только могла мечтать: она нашла Эрика живым и по-прежнему любящим её, она вышла за него замуж, и люди наконец-то — в день их свадьбы, ни больше, ни меньше! — начали восхищаться и хвалить его, чего он ждал так долго.

Спустя некоторое время Эрик начал чувствовать себя слегка неуютно. Он всё ещё не привык к большим скоплениям людей, и хотя все они были дружелюбны и желали ему здоровья, ему хотелось поскорее убраться отсюда. Он бросил панический взгляд поверх чьей-то головы на Кавеха, который стоял в сторонке, наблюдая за ними со снисходительной улыбкой.

Перс хорошо знал своего друга. Если он не вытащит Эрика отсюда, то вскоре его вспыльчивость даст о себе знать, и это послужит дурным предзнаменованием для начала его семейной жизни. Поэтому Перс начал мягко, но настойчиво расталкивать людей, пока не добрался до Эрика.

— Тебе уже достаточно общества на сегодня? — тихо спросил он.

— О, Боже, да! — прозвучал искренний ответ.

— Без паники. Я позабочусь об этом, — заверил его Кавех. Он громко заговорил, перекрывая шум поздравлений: — Друзья мои, *графу* пора возвращаться домой со своей молодой женой! — объявил он, хлопая Эрика по плечу, чтобы помочь ему продвинуться сквозь толпу. Эрик обнял Кристину, прижав её к себе, и последовал за Кавехом, наблюдая, как тот прорезает толпу, словно нос лодки — воду.

Кавех усадил их в карету и уже собирался отвернуться, когда Эрик сунул ему в руку кожаный мешочек. Он что-то прошептал Кавеху, который сначала выглядел удивлённым, но затем пожал плечами и знаком велел кучеру уезжать. После чего он повернулся и обратился к толпе:

— Мой друг граф де Шаньи хочет, чтобы вы знали, как он ценит ваши добрые пожелания, и желает выразить признательность всем вам, своим новым соседям! — С этими словами Кавех сунул обе руки в мешочек и вытащил полную горсть золотых монет. С улыбкой он подбросил их в воздух над гостями, а затем начал готовиться к частному празднованию.

Он нашел Сильвию и тихонько пригласил её вернуться в дом, улыбнувшись, когда она согласилась. Он помог мадам и мадемуазель Жири усесться в экипаж вместе со слугами и Эриком-Дааэ, а затем они с Дариусом сели на двух лошадей, которые везли их с Эриком в церковь.

---

(12) Игра слов: *beau-père* — отчим, *beau* — красивый (франц.)

(13) Слава в вышних Богу и на земле мир, людям Его благоволения.
Хвалим Тебя. Благословляем Тебя, поклоняемся Тебе.
Славословим Тебя. Благодарим Тебя, ибо велика Слава Твоя,
Господи Боже, Царь Небесный, Боже Отче Всемогуший.
Господи, Сын Единородный, Иисусе Христе.
Господи Боже, Агнец Божий, Сын Отца.
Берущий на Себя грехи мира, помилуй нас.
Берущий на Себя грехи мира, прими молитву нашу.
Сидящий одесную Отца — помилуй нас.
Ибо Ты один свят. Ты один Господь, Ты один Всевышний, Иисус Христос.
Со Святым Духом во славе Бога Отца. Аминь. (Прим. пер.)

***

Вернувшись в поместье Шаньи, Кристина была впечатлена. Слуги действительно преуспели в подготовке свадебного завтрака. Огромные блюда с ветчиной, сыром, пирожными и хлебом покрывали буфет, а на маленьком столике рядом стояли несколько изысканно украшенных чайников с разными видами чая.

— Эрик, это замечательно! — воскликнула Кристина. — Но почему ты позволил всем этим людям смотреть, как мы женимся? Я думала, ты предпочитаешь приватность.

Он пожал плечами — вернее, одним плечом, обычным своим скупым жестом.

— Я впервые в жизни находился в толпе людей, которые не убегали в ужасе и не собирались меня каким-либо образом покалечить. Возможно, мне просто хотелось насладиться этим новшеством.

— О, Эрик! — Кристина покачала головой, слегка неодобрительно поджав губы.

— Кроме того, — продолжал он, подходя к ней, — я хочу, чтобы все мои соседи узнали, как я счастлив с такой красивой молодой женой, которая поёт, как ангел!
— Он наклонился для поцелуя, а затем продолжил: — Я хотел дать тебе возможность познакомиться с нашими соседями, чтобы после нашего возвращения тебе было с кем общаться.

Восхищённая его предусмотрительностью Кристина улыбнулась, её глаза засияли. Время от времени он напоминал ей, случайным словом или прикосновением, насколько хорошо он её изучил, прочитав все её письма. Он

вспомнил, как несчастна она была в Швеции, не имея друзей, с которыми можно было поболтать, и не имея возможности проводить много времени с мужем. Эрик знал, что сам он не будет общительным соседом, однако, несмотря на всю свою нелюбовь к толпе, он хотел убедиться, что Кристине здесь будет с кем дружить. Она вознаградила его за великодушие ещё одним поцелуем, и как раз в этот момент вошёл Кавех со священником и всеми гостями.

— О, как это мило! — воскликнула мадам Жири.

— И не говорите, маман, — согласилась Мег. — И теперь я задаюсь вопросом, почему Кристина и месье де Карпентьер не поженились раньше, ещё несколько лет назад! На её свадьбу с Раулем нас не приглашали!

— Это было в Швеции, Мег, это было бы слишком долгое путешествие для не слишком интересного события, — засмеялась Кристина.

Эрик, услышав это, покачал головой.

— Если бы этот мальчишка сегодня был жив, я бы его задушил, — заметил он.

— Эрик, — предупредил его Кавех. — Пожалуйста, не говори об удушениях за завтраком. Это расстраивает мне пищеварение.

Эрик принял невинный вид.

— Я не говорил об удушении за завтраком, мой дорогой друг. Я говорил об удушении в Швеции. К счастью, однако, в Библейских текстах есть какая-то заповедь, которая велит нам оставить нашу месть Господу. Я бы, конечно, никогда не додумался сбросить его через фальшборт корабля в Атлантический океан — для этого потребовался Всемогущий.

— Эрик! — шокировано воскликнула Кристина.

Отец Арно рассмеялся.

— По крайней мере, вас в этом обвинить нельзя, — весело сказал он.

— В этом, возможно, да, — пробормотал Кавех, — но как насчёт...

— Месье Таллис, пожалуйста, — перебил его священник. — Какими бы ни были грехи Эрика, они уже были отпущены. И в день его свадьбы нет никакой необходимости поднимать тему насилия в прошлом. Пусть мёртвецы останутся погребёнными.

— Да, — согласился Эрик. Затем с кривым юморком, который удивил как его старого друга, так и молодую жену, продолжил: — Только проследите за тем, чтобы не похоронить вместе с ними жениха; меня довольно сложно от них отличить.

На протяжении нескольких секунд ошеломлённой тишины Кавех и священник переваривали это непринуждённое признание Эриком своей внешности, после чего отец Арно начал хихикать. За ним улыбнулся Эрик, а следом рассмеялся и Кавех. Кристина обменялась удивлёнными взглядами с Мег, а мадам Жири широко улыбнулась. Ни одна из Жири никогда не видела настоящего лица Эрика, но обе слышали гулявшие по театру слухи, вдобавок Кристина рассказала им о резиновой маске Эрика.

Когда напряжение схлынуло, гости начали разговаривать и смеяться, и тут подошли ещё несколько гостей. Приглашены из них были далеко не все; Эрик подозрительно посмотрел на Клеменс и Мартину, которые налетели на фуршет, словно голодная саранча.

— По крайней мере, они как следует насытятся, — пробормотал он в сторону отца Арно, который подошёл к нему с тарелкой, доверху наполненной закусками.

— И мы все вам за это благодарны, мальчик мой, — ответил тот искренне. — И не переживайте, мы с господином Таллисом позаботимся, чтобы к пятичасовому чаепитию все они отсюда ушли, оставив вас в покое.

— К вечернему чаю? Спасибо, — сухо сказал Эрик. На часах едва миновал полдень. Он мысленно застонал и огляделся в поисках Кристины. Та счастливо болтала с обеими Жири и одним из соседей, которых он видел в церкви. Эрик поймал её взгляд, она улыбнулась и извинилась перед собеседниками.

— Соскучился по мне? — спросила она легко, взяв мужа под руку.

— Ужасно. Не оставляй среди этой оравы, пожалуйста.

Оравы? Кристина огляделась. Здесь находились отец Арно, Кавех и обе Жири. Сильвия о чём-то разговаривала с Мартиной и Клеменс, рядом стояли ещё пара соседей. Кристина улыбнулась. Видимо, по меркам Эрика это была действительно орава.

— Я с удовольствием побуду с тобой. Всё равно ты, безусловно, самый интересный человек в этой комнате.

Всё оставшееся время Кристина стояла рядом с Эриком, слишком счастливая, чтобы делать что-либо ещё, кроме как улыбаться и время от времени прикасаться к нему.

Эрик же, со своей стороны, наслаждался этими лёгкими прикосновениями, а один раз даже вежливо извинился, прервав разговор с Кавехом и Сильвией, чтобы вытащить Кристину из комнаты и поцеловать её в коридоре.

Когда гости покончили со свадебным «завтраком», перевалило уже далеко за полдень. Все перешли в гостиную, где молодожёны стали развлекать своих гостей музыкой. В середине пьесы Эрик случайно взглянул на Мег, которая едва ли не дрожала от сдерживаемого напряжения. Интуитивно понимая, от чего она страдает, он улыбнулся про себя. Эрик знал, что она чувствует: если в комнате был рояль, он должен был сидеть за ним; точно так же, если в комнате звучала музыка и был просторный паркет, Мег должна была танцевать.

Он слегка улыбнулся и кивнул на центр комнаты. Мег тут же сняла туфли и в мгновение ока одним ловким пируэтом очутилась там.

Мег прошла долгий путь с тех пор, как Эрик критиковал её и малышку Жамм, о которой он говорил: «Танцует, как телёнок». Она выросла высокой, тонкой и гибкой, с врождённой грацией, которая проявлялась в каждом её движении. На протяжении нескольких лет Эрик не имел возможности наблюдать за её танцем, и теперь был приятно впечатлён тем прогрессом, который наблюдал. Её движения казались идеальным физическим воплощением его игры и великолепного голоса Кристины.

Он поймал взгляд Кристины и одобрительно кивнул, она улыбнулась и кивнула в ответ, продолжая петь.

В глазах мадам Жири, наблюдающей за дочерью, горел огонь гордости. Она была всего лишь скромной смотрительницей ложи, нелепой и грузной, зато её высокая черноглазая дочь поднялась на одну из самых высоких ступеней в мире балета. И должна была подняться ещё выше: мадам Жири свято верила в старое обещание Эрика, что её дочь однажды станет императрицей.

Она заметила, что зеленоглазый персидский джентльмен не может оторвать взгляда от её дочери. Кавех с изумлённым восхищением смотрел, как Мег прыгает и кружится с удивительной точностью, изяществом и гибкостью. Мадам Жири улыбнулась про себя, жалея, что её муж Жюль не может находиться здесь прямо сейчас, чтобы увидеть это — хотя бы на мгновение.

Вошла горничная и объявила об ужине, разрушив очарование момента. Трапеза после такого волнительного дня проходила в молчании, и Эрик, вынужденный весь день беседовать с малознакомыми родственниками, расценил её как долгожданную передышку.

После ужина мадам Жири громко объявила, что ей пора спать. Она пожелала всем спокойной ночи и быстро поднялась по лестнице, не потрудившись даже подавить громкий зевок. После её ухода беседа застопорилась, пока остальные четверо пытались найти общую тему для разговора. Наконец Кристина сдалась — а она действительно устала — и сердечно извинилась перед присутствующими. Она пожелала всем спокойной ночи и поднялась, слегка покраснев, когда Мег ей подмигнула.

Эрик ещё некоторое время оставался с Мег и Кавехом, обсуждая с Мег последние слухи из Оперы. Он довольно искусно вытянул её на разговор, и вскоре Мег уже свободно болтала и шутила с тем человеком, который так ужасал её друзей и её саму, когда все они были моложе. Кавех говорил немного, но время от времени тихо вставлял в разговор комментарии об искусстве, изумлявшие Эрика своей остротой. Он никогда не думал, что дарога посещал Оперу ради удовольствия, самовлюблённо полагая, что Кавех находился там лишь для того, чтобы шпионить за ним.

Вот Мег отреагировала на комментарий Кавеха, вот он ей ответил — и вскоре уже Эрик замолчал, слушая, как они беседуют. Ему вдруг подумалось, что к этому можно привыкнуть. Жить в одном доме с женщинами было вовсе не так ужасно, как он боялся. Ни Кристина, ни Мег не были пустоголовыми модницами и сплетницами, которым интересно только одно — быть на виду. По правде говоря, чем лучше он узнавал Мег, тем больше она ему нравилась. И она весьма искусна, подумал он, вспоминая, как красиво она танцевала, когда пела Кристина.

Кристина, которая ждёт его наверху. Эрик поспешно поднялся и торопливо пожелал оставшимся спокойной ночи.

Он не услышал, как снисходительно посмеиваются друзья после его ухода.

Глава 19. Осуществление заветных желаний

Добравшись до своей комнаты, Эрик первым делом заметил, что дверь между спальнями открыта. И лишь затем увидел, что Кристина сидит в его комнате, читая при свете газового рожка. Тёплый жёлтый свет превращал её светлые волосы в сверкающее золото, а её голубые глаза, когда она с улыбкой взглянула на него, казались глубокими и таинственными.

— Любовь моя, — выдохнул Эрик, ощущая внезапную слабость при виде жены — его жены! — сидящей здесь, в его спальне, в ожидании их брачной ночи.

Кристина ничего не сказала; она отложила книгу и подошла к нему. Потянувшись вверх, она осторожно распустила завязки, которые держали его резиновую маску, и стянула её.

— Это был прекрасный сюрприз, — тихо сказала она, — и ради тебя я счастлива, что она у тебя есть. Но мне очень жаль, что ты не мог открыть своё настоящее лицо во время нашего бракосочетания. — Она осторожно положила ладонь на его впалую щеку, лаская большим пальцем выпирающую скулу.

Эрик пожал плечами.

— Если бы там находились только мы, я бы это сделал. Но мне не хочется, чтобы пошли слухи, будто новый граф де Шаньи — живой труп. Ты же знаешь, что другие люди не такие... лояльные к моей... внешности, как ты.

— Ну, по крайней мере, теперь ты выглядишь как обычно, и я могу поцеловать своего мужа так, как должна целовать жена. — Сказав это, она притянула к себе его голову, и их губы встретились.

Поцелуй продолжался несколько минут, и в конце концов Кристине пришлось опустить голову на его плечо, чтобы отдышаться.

— О, Кристина, — пробормотал Эрик. — Ты хоть представляешь, как сильно я тебя люблю?

Она кивнула.

— Мне только жаль, что я не всегда любила тебя так же сильно, как сейчас, — прошептала она. — Стоит мне подумать о том, сколько времени мы потеряли друг без друга... — Она покачала головой и виновато заглянула в его горящие жёлтые глаза.

— Нам нужно было время, — успокоил её Эрик. — Нам нужно было время, чтобы стать тем, кем мы являемся сейчас, и научиться любить друг друга как следует. — Он погладил её по спине, крепко прижал к себе и снова потянулся к губам. Их губы встретились и слились в поцелуй, и когда он почувствовал, что её теплые губы приоткрылись, пуская его внутрь, когда ощутил языком вкус Кристины, то едва не заплакал. Его дыхание стало резким, на грани рыдания, его руки, удерживающие Кристину за талию, задрожали.

Эрик отступил. Вынужден был отступить. Снова проснулась неуверенность в себе, и он, глядя на Кристину, даже не почувствовал, как по его измождённой щеке катится слеза.

— Эрик? Эрик, что случилось? — спросила Кристина, подходя ближе.

Он поднял руку, удерживая её на расстоянии.

— Кристина... о, Кристина, я недостойн тебя, — сказал он надломленным голосом. — Ты не должна потворствовать моим чудовищным желаниям, любовь моя. Ты не обязана через это проходить. Ни одна женщина не должна спать с трупом.

— Что? — воскликнула Кристина. — Каким ещё «чудовищным желаниям»? Эрик, мы ведь через это уже проходили?! — Она глубоко вдохнула и, чувствуя, как заклокотало в груди, разочарованно выдохнула. Когда она сделала ещё один глубокий вдох, чтобы успокоиться, её внезапно осенило: Эрик боится! Он никогда не делал этого раньше, и теперь буквально хватается за соломинку, чтобы не потонуть в своей неуверенности.

Раньше, находясь рядом с ней, он всегда был воплощением абсолютной уверенности и мастерства. Даже тогда, стоя на коленях у её ног и целуя её юбку, он всё равно сохранял контроль над ситуацией. Она поняла, что он чувствует унижение, вынужденный признаться ей — женщине, которую он любит больше всего на свете, — что он ничегошеньки не знает о самом личном и интимном выражении любви.

Кристина обхватила ладонью руку Эрика, которой он продолжал удерживать её на расстоянии. Согнула пальцы, переплетая их с его — длинными, тонкими, прохладными.

— Эрик, — тихо сказала она, — до сих пор ты был учителем, а я ученицей. Но сейчас я хочу научить тебя нескольким вещам. Ты меня слушаешь?

Он молча кивнул, медленно накрыв рукой её ладонь.

— Ты не труп. Ты — тёплый и живой человек, которому немного не повезло с внешностью.

— Очень деликатно сказано, — заметил он.

— Тихо, слушай. Не прерывай учителя. — Кристина перехватила его ладонь поудобнее, чтобы он не мог больше удерживать её на расстоянии вытянутой руки. Продолжая говорить, она сделала шаг вперёд, ближе к нему. Эрик этого не заметил: его глаза не отрывались от её глаз.

— Я люблю тебя больше всего на свете, — продолжила она. — Больше, чем карьеру, больше, чем память об отце, и больше, чем я когда-либо любила Рауля, — закончила она, слегка покраснев. — Поскольку ты меня понимаешь, а он этого никогда не делал. На самом деле, мой дорогой, это я тебя недостойна после того, как я с тобой обошлась. — Она подошла ещё ближе, не прикасаясь к нему, пока не почувствовала жар его тела даже сквозь платье. — И, наконец, какие бы

«чудовищные желания» ко мне ты ни ощущал... что ж, они не совсем односторонние.

Эрик выглядел испуганным. Кристина покраснела, но улыбнулась, глядя ему в глаза.

— Вернее, *совсем не* односторонние, — уточнила она, вставая на цыпочки, чтобы подарить ему короткий поцелуй.

Эрик поцелуй продлил, после чего улыбнулся, увидев довольное выражение её лица. Его голос был низким и хриплым, когда он, сняв туфли и вынимая запонки, произнёс:

— В таком случае, мадам де Карпентьер, я смиренно подчиняюсь вашему руководству.

Одним из величайших навыков Эрика было умение выражать своим ангельским, волшебным голосом каждый нюанс того, что он чувствует в данную минуту. Сейчас его обуревали желание и любовь, и от сочетания тона его голоса и интимности действий, когда он начал раздеваться, по спине его молодой жены пробежала дрожь. Она закрыла глаза. Эрик коротко коснулся её щеки, а затем аккуратно провёл рукой по шее, пока у неё не перехватило дыхание.

— Так каким же будет ваш первый урок? — прошептал он. — Ибо, уверяю вас, ученик готов на всё.

Пытаясь взять себя в руки и преодолеть ту реакцию, которую он в ней вызывал, Кристина открыла глаза.

— Я отпустила Аннеке на ночь, — сказала она.

Эрик заморгал, не сразу поняв, что она имеет в виду, но потом заметил, что на ней всё ещё надето свадебное платье — с замысловатой отделкой и турнюром сзади, застёгнутое на девяносто девять крошечных крючков, до которых сама она дотянуться не могла. Кристина обняла его.

— Твой первый урок — побыть горничной. — Она повернулась к нему спиной и оглянулась через плечо. — Дорогой, ты не поможешь мне с платьем?

Резкий вдох был ей единственным ответом, но после секундного замешательства она почувствовала, как задевают её шею ловкие пальцы, когда Эрик стал расстёгивать верхний крючок. Затем она ощутила, как кожи в этом месте касаются его губы, когда он перешёл к следующему. Ещё несколько крючков были освобождены, раскрывая платье, и он поцеловал её в обнажившееся плечо.

Следующие крючки — и его губы получили доступ к середине спины, над верхним краем корсета. Кристина задрожала.

Остальные крючки пошли быстрее, и вскоре платье было расстёгнуто. Кристина повернулась лицом к мужу, и платье сползло с её плеч. На мгновение взглянув на Эрика расширившимися и потемневшими глазами, она положила руки ему на грудь. Провела руками по его плечам, снимая фрак, и прикоснулась губами к его шее, не обращая внимания на своё почти упавшее платье. Теперь настала его очередь дрожать, когда её аккуратные пальчики подобралась к пуговицам его жилета. Через несколько секунд шёлковый галстук последовал за фракком, и её муж остался лишь в рубашке и брюках на подтяжках.

Перестав сдерживать себя, Эрик протянул обе руки и мягко положил их Кристине на плечи. Осторожно погладил их, спускаясь ладонями до локтей и обратно, снова и снова повторяя ласку. С каждым его движением платье спадало всё ниже и ниже, пока она наконец не стряхнула его окончательно, переступив через кипу украшенной кружевами бледно-голубой ткани.

На Кристине остались лишь белая шёлковая нижняя сорочка, вышитый бисером корсет и украшенный мелкими бутончиками роз кринолин с объёмным турнюр. Эрик, с горящими глазами, сделал шаг назад, чтобы полюбоваться тем, как сверкает её кожа цвета слоновой кости при свете свечей.

— Ты и правда очаровательна, — прошептал он, наклоняясь, чтобы попробовать на вкус кожу на её плече. Кристина ахнула, когда его зубы скользнули по чувствительному местечку в основании шеи. Она взяла его руки и обвила их вокруг своей талии.

— Развяжи, любимый, — прошептала она, и Эрик принялся неуклюже дёргать завязки её турнюра. После чего она переступила через упавший турнюр и восторженно поцеловала Эрика, начав расстегивать его рубашку. Кристина повторяла действия мужа, целуя его грудь по мере расстёгивания, и Эрик пару раз нервно взмахнул дрожащими руками, прежде чем осторожно опустить их на её волосы. Тогда Кристина одним резким движением скинула с его плеч сразу и рубашку, и подтяжки.

Затем она вновь оказалась в его объятиях, и Эрик принялся целовать её с таким пылом, что ей казалось — она вот-вот вспыхнет ярким пламенем. Сильные пальцы пианиста нежно перебирали её волосы, гладили по лицу. Она в ответ снова и снова ласкала его обнажённые плечи, между делом рассеянно изучая его кожу на ощупь, знакомясь с его вкусом и запахом.

Завершив поцелуй, Эрик уткнулся лбом ей в плечо.

— Что дальше, моя учительница? — спросил он, усмехаясь, и затаил дыхание.

— Ты не даёшь мне дышать, — обвинила его Кристина. — Я сейчас задохнусь, и это будет на твоей совести. — Она нежно улыбнулась ему, глаза её мерцали.

— Прости, дорогая. Что я могу сделать, чтобы исправить ситуацию?

— Ну, мне кажется, если избавиться от корсета, то дышать мне станет легче.

— Ни слова больше. Всё, чтобы помочь моей дорогой учительнице. — Эрик развернул её и притянул к себе, чтобы она опиралась на него спиной. Его руки обхватили её талию спереди. Кристина откинула голову ему на плечо, а он тем временем расстегнул нижний крючок корсета из китового уса. Расстёгивая следующий, он легонько куснул её за ушко, и Кристина ахнула. В корсете было всего пять крючков, и когда Эрик добрался до верхнего, она почувствовала, как его пальцы гладят её груди, и задрожала. Эрик ненадолго отстранил Кристину, позволив корсету упасть между ними на пол, а затем вновь притянул её к себе. Его руки принялись жадно ласкать её груди, ключицы, снова возвращались к талии и бёдрам.

— О, любовь моя, — выдохнула Кристина, изворачиваясь в его руках, чтобы припасть к его губам в горячем поцелуе. — По-моему, ученик сейчас уже превосходит учителя!

Эрика переполняли эмоции — и он предпочёл, как всегда, прикрыться оперным пением. Однако сейчас он заметно нервничал и потому решил облегчить себе задачу, подменив либретто «Фауста» собственным экспромтом. В ответ на слова Кристины он негромко пропел:

— *Ne me permets-tu pas, ma belle professeur, que j'enlève les bras de ta chemise de soie?* (14)

Кристина опешила и невольно хихикнула.

— Эрик! — воскликнула она, ощущая одновременно изумление и веселье. На секунду задумавшись, она одарила его озорной улыбкой и пропела в ответ: — *Oui, monsieur, quoique tu n'es pas jeune ni beau... n'es pas jeune, ni beau. Et j'ai beaucoup besoin qu'on me donne les mains.* (15)

Эрик усмехнулся, оценив её находчивость, и внезапно наклонился, подхватывая её на руки.

— Куда же мы пойдём, моя прекрасная учительница?

Кристина указала на дверь, и Эрик каким-то образом сумел протиснуться через дверной проём вместе с ней. Он нёс её так, словно она ничего не весила. Занёс в

смежную спальню и осторожно, как будто она была сделана из стекла, уложил на кровать.

Кристина протянула к нему руки — и он присоединился к ней, оперевшись на локоть, чтобы ещё немного поцеловаться с ней. Затем провёл пальцем по глубокому вырезу её сорочки.

— Перейдём к следующему пункту, моя прекрасная учительница? — спросил он, возвращаясь к своему игривому вопросу о том, чтобы снять с неё сорочку.

Кристина покачала головой, сверкнув глазами.

— Нет. Это, — сказала она, потянув за пояс его брюк.

Эрик замялся. Под её ободряющим взглядом он снова встал и скинул туфли.

— Хорошо, только подожди минутку. — Он прошёл в свою комнату и погасил газовые рожки, а затем вернулся в комнату Кристины и притушил свет до едва заметного мерцания. Затем расстегнул брюки, скинул их — и быстро вернулся в кровать. Слишком быстро, чтобы Кристина могла его разглядеть.

— Эрик, зачем ты погасил свет?

— Так лучше, поверь мне, — послышался тихий ответ. — Моё тело... не то, на что приятно смотреть. Я бы хотел избавить тебя от этого зрелища.

Кристина погладила его грудь и живот, ощущая, как его мышцы сжимаются и дрожат под её пальцами.

— Пожалуйста, Эрик. Твоё тело не может выглядеть хуже твоего лица, а твоё лицо я люблю, как своё собственное. Пожалуйста, позволь мне тебя увидеть.

Эрик испуганно замер, а затем со вздохом свесил ноги с кровати и встал спиной к Кристине. Он пересёк комнату, чтобы зажечь рожки — первый, затем другой. Услышав за спиной шорох, он повернулся к Кристине и обнаружил, что она тоже сняла сорочку. Теперь она стояла возле кровати полностью обнажённая, и её кожа под его взглядом стремительно розовела.

— Надеюсь, ты не против, — прошептала она. — Думаю, так будет честно.

— Ты... — ему пришлось замолчать и прочистить горло, чтобы прогнать образовавшийся комок. — Ты очень, очень очаровательна. Моя жена.

Кристина сделала несколько шагов к нему, откровенно разглядывая его фигуру.

— Эрик, ты такой... — её глаза наткнулись на его испуганный взгляд. — Ты такой красивый!

И это было правдой. Он был высоким и худощавым, до сих пор стройным, но больше похожим на лозу, нежели на скелет, как раньше. Её взгляду открывались контуры его жилистых мышц, очерченные лампой. Эрик приблизился к ней со своим естественным изяществом и гибкостью, обычно скрывавшимися под одеждой, и у неё внезапно ослабли колени.

Когда он подошёл ещё ближе, она наконец поняла, почему он не хотел, чтобы она его видела: он был искалечен. Ужасные, жуткие шрамы по всему телу. На спине и плечах светлели полосы — скорее всего, от кнута; на животе виднелся след от ожога, похожий на звенья цепи; на груди красовался неровный шрам — возможно, от неудачного удара ножом. Ниже шрамов было ещё больше, и Кристина не осмеливалась даже подумать о том, как они там образовались.

— О, любовь моя, — застонала она, и слёзы хлынули из её глаз. — Откуда всё это?

Эрик пожал одним плечом, и Кристина невольно улыбнулась, увидев его любимый жест, исполненный «о натюрель», а не под одеждой, как она привыкла.

— От моих врагов, — просто сказал он. — Я ведь сказал — а я говорил, не так ли? — что не все воспринимают моё лицо так, как вы. — Он подошёл ближе и понизил голос, теперь его слова сочли сарказмом. — Я предупреждал вас, моя дорогая, что я не настолько привлекателен, чтобы меня разглядывать. Вы уже видели моё лицо, так с какой стати моё тело должно было оказаться *более* привлекательным?

Он остановился в нескольких футах от Кристины. Она подошла ближе — настолько близко, чтобы прикоснуться к нему.

— Если ты считаешь, что эти шрамы делают тебя непривлекательным для меня, Эрик, тогда ты глубоко ошибаешься, — тихо сказала она и улыбнулась, кладя руки на его худые бёдра. — Они лишь указывают на те места, куда мне нужно будет тебя целовать в первую очередь.

Эрик колебался всего лишь мгновение, после чего крепко стиснул её в объятьях, зарывшись лицом в её волосы. Ощущение тёплой, нежной кожи Кристины, прижатой к его обнажённому телу, вызвало у него настоящее потрясение — достаточное, чтобы тут же отвлечься от своих шрамов и наполнить его разнообразными фантазиями.

— Кристина, ты уверена? Точно уверена? — спросил он прерывающимся шёпотом.

Она кивнула, глядя ему в лицо.

— Полностью уверена, — пообещала она. — Пожалуйста, Эрик. Ты теперь мой муж. Так сделай же меня своей женой.

Одним плавным движением он подхватил Кристину на руки и завладел её губами. Не прерывая поцелуя, опустил её на постель и вытянулся рядом с ней. А затем на бесконечно долгое время они окончательно забыли, кто из них был учеником, а кто — учителем, пока они не расцепили объятья и не легли рядом, прижавшись друг к другу, насытившиеся, уставшие и счастливые.

— Я люблю тебя, — прошептал Эрик, когда сумел наконец отдышаться, по его щекам текли слёзы. — О, Кристина! Я даже не знал, что это может быть *так*. Я мечтал об этом, но все эти годы, желая тебя, я не смел надеяться, что ты сможешь увидеть во мне мужчину.

Кристина перевернулась, положив голову ему на плечо.

— Мы долго к этому шли, это точно. Но, любовь моя, — возразила она, поглаживая его по груди, — ты был для меня мужчиной с того самого дня, когда мы плакали вместе и я поцеловала тебя. Ты называл себя трупом, псом, чудовищем, но в тот раз я действительно впервые увидела в тебе мужчину! Того мужчину, в которого я постепенно влюблялась на протяжении многих лет, даже думая, что ты умер. Того мужчину, которому я писала все эти письма, когда тоска по тебе становилась невыносимой. Того мужчину, за которого я вышла замуж сегодня утром и вместе с которым поклялась прожить всю свою жизнь. И тот, кто только что консуммировал наш брак, определённо является мужчиной! — Она лукаво улыбнулась ему, после чего на секунду задумалась и удивлённо покачала головой. — Хотя я тоже понятия не имела, что это может быть *так*! — Она поцеловала его в подбородок. — Я ещё никогда такого не испытывала, Эрик, это было восхитительно!

— Значит, всё в порядке? — серьёзно спросил он. — Всё хорошо?

Кристина тихонько засмеялась:

— Это был самый замечательный опыт в моей жизни.

Вместо ответа Эрик поцеловал её. Затем обхватил её руками, прижал к себе, закрыл глаза — и вскоре оба заснули.

---

(14) Фауст: «Ne permettez-vous pas, ma belle demoiselle, Qu'on vous offre le bras pour faire le chemin?»
(Позвольте, моя прекрасная юная леди, предложить руку, чтобы проводить вас?)

Эрик: «Ne me permets-tu pas, ma belle professeur, que j'enlève les bras de ta chemise de soie?»
(Позвольте, моя прекрасная учительница, удалить с ваших рук шёлковую сорочку?)

(15) Маргарита: «Non Monsieur, Je ne suis demoiselle ni belle, demoiselle ni belle. Et je n'ai pas besoin qu'on me donne la main.»

(Нет, сударь, я не юна и не красива, не юна и не красива, и я не нуждаюсь в вашей руке.)

Кристина: «Oui, Monsieur, quoique tu n'es pas jeune ni beau... n'es pas jeune, ni beau. Et j'ai vraiment besoin qu'on me donne les mains.»

(Да, сударь, хотя вы и не молоды и не красивы, не молоды и не красивы, я очень нуждаюсь в ваших руках.)

***

На следующее утро Кристина проснулась в объятиях Эрика. Он всем телом прижимался к её спине, небрежно забросив на неё одну ногу. Она улыбнулась, прижимаясь к нему теснее — именно это она всегда мечтала делать с мужем: обниматься в постели, вместе засыпать и вместе просыпаться. Она слегка повернулась, чтобы посмотреть на Эрика. Его гротескное лицо выглядело умиротворённым, даже счастливым, и Кристина осознала, что за всё то время, что они провели вместе в его подземном доме под оперой, она впервые видит его спящим. Она нежно улыбнулась, снова закрыла глаза и устроила голову поуютнее под его подбородком, чтобы заснуть.

Однако уснуть не получилось — дали о себе знать телесные потребности. Кристина осторожно встала, чтобы не потревожить постель и не разбудить мужа, накинула халат и вышла в спальню Эрика, чтобы позвать Аннеке.

Она нашла и использовала ночной горшок, затем умылась. Вода в тазу Эрика была холодной, и Кристина поплотнее запахнулась в халат. К двери подошла Аннеке, и Кристина шёпотом перечислила, что им требуется: свежая вода, цветы, полотенца, чай и завтрак. Ожидая возвращения Аннеке, она прикрыла межкомнатную дверь, оставив небольшую щёлку, и слегка прибралась: подняла одежду, которую они разбросали по комнате, и выудила из кармана упавшего жилета Эриковы часы. Ещё рано.

Горничная вернулась намного быстрее, чем она ожидала, ведя за собой ещё трёх служанок, которые несли воду, цветы и подносы с завтраком. Сама Аннеке несла полотенца, перекинув их через руку. Кристина шёпотом указала, куда положить вещи, а затем выставила служанок за дверь.

— Поезд уходит только через два часа, — сказала она горничной. — Подойди через час, чтобы помочь мне одеться, и мы поедem с гостями на вокзал.

Аннеке присела в реверансе, улыбаясь при виде своей счастливой хозяйки, и вышла. Кристина вернулась в смежную спальню. Эрик всё ещё спал, перекатившись на спину. У Кристины заблестели глаза. Скинув халат, она скользнула в постель к Эрику, прижалась к его обнажённому телу и приподнялась на локте, чтобы поцеловать его.

Глубоко посаженные глаза сонно заморгали. Кристина наклонилась, чтобы снова его поцеловать. На его губах появилась едва заметная улыбка, и он легонько приподнял её за подбородок.

— Мадам, — прошептал он, — это, без сомнения, самое приятное пробуждение в моей жизни.

Кристина широко улыбнулась.

— Вот теперь, любовь моя, — заметила она, — только теперь ты испытал *всё* счастье, которое может предложить тебе мир.

Эрик не сразу вспомнил собственные слова, сказанные им на прошлой неделе после того, как она плакала вместе с ним и впервые его поцеловала, а когда вспомнил, громко рассмеялся. Так вот что имела в виду Кристина, когда ответила ему: «Нет, нет», с такой загадочной улыбкой! Она уже тогда это планировала. Вот шалунья!

— Теперь я это попробовал, что правда, то правда, — ответил он, улыбаясь. — Но по-настоящему насладиться этим ещё не успел, поэтому, если ты позволишь... — он сжал её в объятьях и перекатился вместе с ней, чтобы оказаться сверху, — я хочу попробовать ещё раз.

— Позволю, — заверила Кристина, поглаживая его испещрённую шрамами спину, худые бока и бёдра. — Позволю всегда, когда захочешь, любовь моя. У тебя впереди годы, чтобы наверстать упущенное, — и я теперь твоя.

Эрик, наклонившись, лизнул краешек её нижней губы.

— Тогда, пожалуй, в этот раз слегка растянем удовольствие, — пробормотал он и заглушил её ответ поцелуем.

Чай, завтрак и горячая вода — к тому моменту, когда до них добрались, всё давно остыло... Но никого это уже не волновало.

Глава 20. Выполнение обещания

Обратная поездка из Руана в Париж была довольно приятной: они ехали в отдельном купе с обеими Жири, и Кристина с удовольствием наблюдала за тем, с какой готовностью и почтением пожилая дама обращается к Эрику. Между ними зашёл добродушный спор о том, за какого мужчину должна выйти замуж Мег, а сама Мег тем временем сидела, краснея и время от времени нерешительно протестуя. Кристине не единожды приходилось подавлять смешки.

— Нет, господин Призрак, я не позволю вам отказаться от своего слова! Вы обещали мне, что моя малышка Маргарет будет императрицей, и ни на что меньшее мы не согласны!

— Но, мадам, давая это обещание, я сильно переоценил свои возможности. Я извиняюсь за это и прошу освободить меня от этого обещания.

— Вы хотите сказать, что моя дочь не заслуживает быть императрицей?

— Нет, мадам. Я уверен, что она достойна этого больше, нежели большинство из носивших этот титул, однако у меня нет способа сделать это. Изначально, когда я давал вам это обещание, единственной моей целью было добиться вашего расположения, чтобы легче было вами манипулировать. Я уже извинялся за это, поскольку очень сожалею, что пытался обмануть такую хорошую женщину.

Мадам Жири покачала пальцем.

— О, сударь, вы ведь знаете, что это неправда! Вы слишком хороши, чтобы обманывать старуху. Нет, я вам верю, и верю в ваши возможности — видимо, намного больше, чем вы сами.

— Маман, — вмешалась Мег, — вы ведь знаете, что не во власти господина де Карпентьера сделать меня императрицей! В любом случае, я этого не хочу. И к тому же... — закончила она едва слышно, — мы живём в республике.

Её мать резко возразила:

— Послушайте-ка, я никогда не говорила ни слова о том, что император должен быть французским! — у мадам Жири сверкнули глаза. — В конце концов, Бонапарт мёртв. Но тот, кто путешествует так много, как господин Призрак, наверняка должен знать императоров в других странах.

— И я действительно знаю. Но я ни за что бы не пожелал юной даме выйти замуж за этих тиранов. Турки и персы порой очень жестоко обращаются со своими женщинами.

— Ты уверен, что говоришь это не для того, чтобы завуалированно поиздеваться над господином Таллисом? — поддела его Кристина.

Уголки его губ слегка приподнялись в согласной усмешке, но он тут же взял себя в руки.

— Кавех — несомненно лучший мужчина из всех, кого я знаю, неважно, полицейский он или нет. Хотя другие его соотечественники порой жестоко и

бессердечно обращаются с женщинами, он всегда относился к слабому полу с состраданием и уважением.

— Однако он не совсем император, — подчеркнула Кристина, хитро улыбнувшись Мег. Она заметила то жадное восхищение, с которым Кавех накануне наблюдал за импровизированным танцем Мег, вдобавок Эрик сообщил ей, что оставил эту парочку тет-а-тет, когда отправился к ней, проводить брачную ночь. Она знала, что это ещё ни о чём не говорит, даже если они оба испытывали некоторое притяжение друг к другу, но поддразнить подругу было весело.

Мег лишь вздохнула над всей этой глупостью и покачала головой.

— Кристина! Не поощряй их, умоляю тебя, — попросила танцовщица. — Хватит и того, что твой муж постоянно провоцирует и мучает бедного господина Таллиса, не привлекай к этому ещё и меня!

Кристина рассмеялась.

— Уверяю тебя, «бедный» господин Таллис платит Эрику той же монетой — и с не меньшим успехом, Мег.

— Ты так думаешь? — добродушно обернулся к жене Эрик.

Она только улыбнулась ему и сжала его руку. Он вернул ей пожатие, после чего снова переключился на мамашу Жири.

— Мадам, даю вам слово, что всех императоров, с которыми я знаком, я обязательно спроважу вам. Но, может быть, вас устроит обычный аристократ?

— Месье де Карпентьер, ничего не нужно, правда! — вмешалась Мег прежде, чем её мать успела ответить. — Я хочу просто продолжать танцевать!

— Ах, но ты не можешь танцевать вечно, девочка моя, — возразила мадам Жири. — Ещё несколько лет — и тебе всё равно придется уйти со сцены. И сделать это будет намного проще, если к тому времени у тебя уже будет богатый, обожающий тебя муж.

— Маман! — возмущённо воскликнула Мег.

Эрик рассмеялся.

— Не осуждайте свою матушку, малышка Жири, — сказал он, используя её старое оперное прозвище. — Она весьма проницательная женщина. И, чтобы выполнить свою часть сделки, которую я с ней заключил, клянусь, что сделаю всё возможное, чтобы у вас появился богатый, обожающий вас супруг — задолго до

того, как вы станете слишком старой, чтобы танцевать. И не волнуйтесь, дорогая, — подмигнул он Мег. — Мы проследим за тем, чтобы вы тоже его обожали, пусть он и не будет императором. Не так ли, мадам? — обратился он к мадам Жири.

— Да, месье, очень хорошо, благодарю вас! — старуха сияла беззубой улыбкой. Теперь, когда её старый друг, Призрак Оперы, стал дворянином и попал в высшие слои общества, он несомненно познакомится с куда большим количеством аристократов, чем когда-либо прежде. И она, добившись от него обещания позаботиться о замужестве малышки Мег, была довольна.

Мадам Жири не была душой.

Когда обе Жири вышли в Париже, а поезд отправился дальше на юг, Кристина задремала, положив голову на плечо Эрика. Они находились в купе одни, солнце садилось, а стук колес оказывал на неё усыпляющий эффект.

Глава 21. Прованс

Эрик разбудил её, когда поезд въехал в Сет.

— Кристина, любовь моя. Мы здесь.

Она пошевелилась и подняла голову с его плеча, разминая мышцы шеи.

— Где это «здесь»? — спросила она, глядя в окно.

Эрик распахнул дверь, и Кристина почувствовала характерный запах морской воды.

— Сет.

Эрик протянул их чемоданы носильщику, и тот отнёс их к карете, пробормотав пару слов сонному кучеру. Эрик помог жене усесться в экипаж, кучер щёлкнул кнутом, и они поехали.

Кристина внезапно перехотела спать.

Холодный, пропитанный запахом соли воздух подействовал на неё, как тонизирующий напиток, напомнив о тех счастливых днях, когда она была юна.

— О, Эрик, это восхитительно! — воскликнула она, высовывая лицо из окошка, чтобы ощутить дуновение ночного воздуха. — Здесь всё время так?

Он обнял её и наклонился, чтобы поцеловать шейку под ухом.

— Воздух? Да. Именно благодаря этому воздуху я и восстановил здоровье, пока жил здесь. Ну, это одна из основных причин. Ещё Кавех со своим упрямством, который никак не позволял мне умереть.

— И спасибо ему за это, — выразительно сказала Кристина, после чего спросила:
— Как далеко до коттеджа?

— Недалеко. Городок не очень большой.

Добравшись до места, они обнаружили еду и сервированный стол.

— Эрик, откуда взялся ужин? — любопытствовала Кристина.

Эрик ухмыльнулся. Она до сих пор ещё не привыкла к тому, что видит выражение его лица. Раньше, на протяжении долгого времени, она была вынуждена различать его эмоции по одному лишь голосу, или по выражению его светящихся жёлтых глаз, или по движению плеч. Теперь же было странно и довольно интересно наблюдать, как чувства проявляются на неровной коже его обнаженного лица, поскольку резиновую маску он снял сразу, как только они вошли в дом.

— Я послал вперёд экономку, чтобы она подготовила дом к нашему возвращению. Она живёт в городке. Нам, наверное, стоит быстро поужинать и сразу лечь спать, потому что я готов биться об заклад — она появится здесь с утра пораньше, чтобы поглазеть на жену мужчины в маске.

Кристина засмеялась и бросила на него кокетливый взгляд.

— Хорошо, будем надеяться, что она достаточно воспитанна, чтобы не приходить слишком рано, иначе она может увидеть то, что для её глаз не предназначено!

Услышав от жены такой комментарий, Эрик приподнял брови, его ухмылка превратилась в настоящую, полную веселья улыбку.

— Кристина! Я и не подозревал, что ты такая чертовка.

Она слегка покраснела, усаживаясь за стол.

— Я тоже не подозревала. Должно быть, от тебя нахваталась.

— Ты мне льстишь, — ответил он с усмешкой и наклонился, чтобы её поцеловать.

После ужина Эрику снова пришлось превратиться в горничную, чтобы помочь Кристине избавиться от дорожной одежды. Впрочем, он не возражал, поскольку затем уже ей пришлось стать его камердинером и помочь ему с костюмом. А затем Кристина заснула в объятиях любимого мужчины, прижавшись к его худощавому обнажённому телу и чувствуя себя совершенно удовлетворённой.

Так начался самый счастливый месяц в их жизни. Экономка, мадам Блейн, каждый день приезжала из городка, чтобы убираться и готовить для них еду (и, конечно же, в первое утро она пришла особенно рано!). Но в остальном она им не мешала. Эрик с удовольствием показал Кристине маленький, но уютный коттедж, где он прожил последние пять лет. Больше всего Кристине понравилась музыкальная комната, в которой она увидела многие предметы из его дома под Оперой.

Эрик вытащил её с собой к морю — и с удивлением обнаружил, что она плавает, как рыба. Он сам, прожив столько лет на берегу озера, тоже хорошо умел плавать, и теперь они частенько целыми днями плескались в воде. Коттедж располагался рядом с длинным участком песчаного пляжа, где, по словам Эрика, вряд ли бывал кто-то, кроме них самих.

Свою старую белую шёлковую маску он надевал лишь для регулярных набегов в городок, где мадам Блейн уже всем разболтала о прекрасной молодой жене мужчины в маске. Кристина вскоре завоевала сердца местных жителей благодаря своей доброте, дружелюбной улыбке и — что самое лучшее, по мнению любопытных горожан — коротеньким рассказам о том, как они познакомились с Эриком.

История была такой романтической, что вскоре уже все в городке о ней знали и восхищённо пересказывали её друг другу шёпотом, как только Эрик и Кристина появлялись на рынке.

— Она говорит, что была певицей, а он был её учителем. Он заболел — помнишь, каким он был, когда тот персидский приятель впервые привёз его сюда? — и она думала, что он умер, и поэтому вышла замуж за другого. Её муж умер на флоте, а она только недавно обнаружила, что её учитель ещё жив!

Кристина слушала эти шепотки и улыбалась про себя. Если бы они знали всю историю, а не сокращённую версию, которую она обнародовала!

Но Эрик настолько отличался от того мужчины, который раньше жил под оперным театром, что рядом с ним часы пролетали как одно мгновение — целыми днями она только и делала, что разговаривала с ним и заново его узнавала. Эрик же наслаждался её вниманием... особенно в те дни, когда они не покидали спальню.

Он пришёл к выводу, что мадам Блейн наверняка разболтала по всему городку и об этом, но ему было всё равно. Он с удовольствием думал о том, что теперь, наконец, спустя почти полвека, он живёт с женой, как любой другой мужчина.

Кристина каждую неделю отправляла письма в Париж: обеим Жири, Сорелли, а также домой, чтобы узнать, как поживает Эрик-Дааэ. Она ужасно скучала по своему маленькому сынишке и обещала Эрику взять сына с собой в следующий раз, когда они отправятся путешествовать.

Эрик же всё свободное время проводил, составляя планы по расширению коттеджа, чтобы все его домочадцы могли перезимовать здесь, и уже неделю спустя нанял подрядчика.

— Когда мы вернёмся сюда на зиму, коттедж будет выглядеть уже совершенно иначе, — сказал он, нетерпеливо потирая руки.

— Жаль, — сказала Кристина, задумчиво улыбаясь. — У меня останутся очень приятные воспоминания о проведённом здесь медовом месяце.

Эрик обнял её.

— И медовый месяц здесь, с тобой, помог мне излечиться от собственных воспоминаний, что было очень кстати. — В ответ на озадаченный взгляд Кристины он скупой пояснил: — Я здесь болел, очень долго.

Эрик замолчал. Он никогда не рассказывал Кристине, что Кавеху и Дариусу пришлось несколько недель следить за ним днём и ночью, чтобы не допустить его самоубийства. На самом деле, ему повезло, что он был слишком слаб, чтобы сопротивляться Кавеху, когда тот заставил его встать с постели и потащил напрямиком в море.

В первый раз, когда Кавех окунул его в море, Эрик едва не утонул. Кавех держал голову под водой, как ему показалось, часами, пока у Эрика не проснулось чувство самосохранения. Он оттолкнул Кавеха и с трудом выбрался на поверхность, кидая на друга яростные взгляды.

Мокрый Кавех, тяжело дыша, кивнул:

— Так я и думал. Ты не потерял волю к жизни, иначе позволил бы мне убить тебя, Эрик. А теперь, когда ты осознал, что всё ещё хочешь жить, — может, начнём с начала?

В тот вечер Эрик впервые за несколько дней принял пищу, а на следующее утро уже встал с постели и сам оделся. Это усилие так его изнурило, что он сразу же

заснул, но на следующий день он сделал это снова и бодрствовал дольше. На следующий день ещё дольше.

Кавех не был жестоким человеком. Он лишь сделал то, что было необходимо. Это был тяжёлый урок, но теперь Эрик был за него благодарен.

Он уже рассказывал Кристине о других случаях, когда Кавех спасал ему жизнь; когда-нибудь он расскажет и об этом тоже... но ещё не сейчас. Их счастье было пока новорождённым, слишком хрупким и изысканно нежным. Ему даже рисковать не хотелось.

По крайней мере, у него были и другие вопросы, требующие решения. У Кристины подходило время для прослушиваний в Оперу. Эрик работал с ней по несколько часов в день, и в один прекрасный момент её голос вернулся в форму, став ещё лучше, чем прежде. Эрик восхищённо вздохнул, услышав, как она самостоятельно распекает гаммы, расхаживая кругами по коттеджу. Её голос звучал лучше, чем когда-либо раньше, даже когда она поставила Париж на колени. Эрик кивнул сам себе. Она пройдёт прослушивания.

Когда он сказал ей об этом, она улыбнулась, но затем улыбка исчезла.

— Эм, Эрик? А как... как насчёт моих учеников?

— А что с ними такое?

— Ну, если я буду петь, на что я очень надеюсь, то из-за репетиций не буду успевать заниматься с ними.

Эрик нахмурился. По правде говоря, её ученики волновали его меньше всего.

— Им придётся найти кого-то другого.

— Но больше никого нет, — возразила она. — Никого по-настоящему хорошего. Помнишь, я писала тебе, насколько ужасны нынешние педагоги по вокалу? Я жалела, что не могу найти такого, как ты... — Она внезапно замолчала и, наклонив голову в сторону, задумчиво посмотрела на мужа.

— Какие мысли крутятся в твоей прекрасной светловолосой головке, моя дорогая? — игриво спросил Эрик, оборачивая один из её локонов вокруг пальца.

— Эрик... почему бы тебе не взять себе моих учеников?

— Мне?!

— Да! Ты замечательный учитель. Посмотри, что ты сделал с моим голосом!

— Начнём с того, что твой голос был сам по себе исключительным, а кроме того, всё, что я сделал для твоего голоса, было сделано лишь из любви к моей ученице, — напомнил он ей.

Она растаяла в его объятиях и прижалась к его губам в поцелуе.

— И сейчас каждый раз, когда я пою, я делаю это ради любви к учителю, — тихо призналась она.

Но озвученная идея продолжала её волновать, отвлекая от поцелуев и ласк.

— Тогда подумай о том, что ты будешь обучать будущих оперных певцов, как солистов, так и хористов. Ради качества самой музыки. По крайней мере, пообещай мне, что подумаешь?

— Ради качества самой музыки, да? — задумался он. — Следовало догадаться, что ты выберешь один из двух аргументов, против которых я не могу устоять. Хорошо, родная, я подумаю об этом.

— Замечательно! Вспомни, что ты сделал с голосом Жана-Мишеля всего за один урок, хотя он даже не подозревал, что ты там находился! Я знаю, что ты бы мог создать лучшую оперную труппу во всей Европе, если бы захотел! — Она помолчала, а затем скользнула одной рукой по его затылку, поигрывая тонкими чёрными волосами. — Просто из любопытства, любовь моя... а какой второй аргумент, против которого ты не мог бы устоять?

Он опустил голову и прикоснулся губами к её лбу.

— Когда ты позволяешь мне целовать себя, моя дорогая, — сказал он смиренно, — моё сердце тает. И тогда ты можешь делать со мной всё, что захочешь. — Он снова поцеловал её, задержав губы у тёплой, гладкой кожи. — Ох, до чего же хорошо целовать кого-то в лоб, Кристина! — промычал он с наслаждением. — Ты представить себе не можешь, до чего же это хорошо.

Кристина притянула его голову к себе и прижалась к его губам в пылком поцелуе.

— Ты можешь целовать меня куда угодно, — прошептала она. — Я твоя, Эрик. Вся твоя.

После этого тема об учениках Кристины ушла куда-то далеко на второй план.

Глава 22. Снова дома

Месяц пролетел слишком быстро, и настала пора возвращаться в Париж. Они вернулись в квартиру Кристины всего лишь за два дня до начала прослушиваний в Оперу. На следующий день из Руана прибыли остальные домочадцы.

— Маман! Маман! — Эрик-Дааэ с криком распахнул дверь и влетел в квартиру.

Его нянька следовала за ним на некотором расстоянии, выглядела она измученной. Кристина, смеясь, опустилась на колени прямо в прихожей.

— Здравствуй, дорогой! Скучал по нам?

Стоящий за её спиной Эрик готов был расцеловать её за то, что она сказала «по нам», а не просто «по мне».

— Да-а-а! — подтвердил мальчик, запрыгивая на руки матери. Задержавшись там на несколько секунд, он снова выскользнул вниз, на пол. После чего подошёл к Эрику и посмотрел на него снизу вверх, для чего ему пришлось высоко задрать голову.

— Бонжур, — Эрик поприветствовал ребёнка со всей серьёзностью.

— Бонжур. Маман сказала, что вы теперь мой папá.

Эрик склонил голову.

— Вот как?

— Да! И она сказала, что папá — это то же самое, что и маман, только мужчина.

— В общем и целом, так и есть. Оба — родители.

— Она говорит, что вы будете моим *beau-père*.

Губы Эрика задрожали от сдерживаемого смеха.

— Да, теперь я твой *beau-père*, хотя до *beau* мне далеко. А ты будешь моим прекрасным пасынком, Эрик-Дааэ.

— Да, — согласился тот. — Значит, теперь вы мне как маман, месье?

— Можно сказать и так.

Эрик-Дааэ кивнул, с решительным и серьёзным видом подошёл ближе к Эрику и крепко обнял его ноги. Затем, охваченный обычной своей внезапной застенчивостью, убежал вверх по лестнице.

Эрик смущённо смотрел ему вслед. Кристина улыбалась.

— Не волнуйся, любовь моя, он просто поприветствовал тебя так, как, по его мнению, надо приветствовать родителей.

— Угу. — Эрик продолжал задумчиво смотреть на верх лестницы. Он любил Кристину больше жизни и с радостью подарил бы ей всё, что она захочет... Но, найдя её и так быстро на ней женившись, он не слишком-то задумывался о своей новой роли отчима. Он ничего не знал о детях, кроме того, что обычно они кричат и убегают в ужасе, когда его видят. Он до сих пор не привык к тому, что Эрик-Дааэ воспринимает его так спокойно.

Стать отчимом Эрику-Дааэ... Это определённо будет интересным жизненным опытом.

Кавех и Дариус оставались в Руане, пока Эрик и Кристина занимали их коттедж в Провансе, но когда молодожёны вернулись в Париж, они приехали тоже. Ужин в этот вечер, когда все члены семьи впервые собрались за одним столом, был оживлённым. Кристина ела не торопясь, её глаза весело сверкали, когда она слушала, как Эрик и Кавех спорят и подначивают друг друга. За считанные минуты дискуссия накалилась.

Когда Дариус предложил ей наполнить бокал вином, она слегка коснулась его руки и тихо спросила:

— Они всё время так себя ведут, Дариус? Все пять лет?

Пряча улыбку, слуга покачал головой.

— Нет, сударыня. В первый год они довольно часто ссорились друг с другом.

— Сильнее, чем сейчас? — скептически спросила Кристина, наблюдая за тем, как Эрик, перегнувшись через стол, яростно трясёт пальцем перед лицом Кавеха и что-то выговаривает ему сквозь зубы. Кавех побагровел, наклонился вперёд и так же резко ему ответил.

Дариус слегка улыбнулся.

— Да, мадам, — сказал он. — Сильнее, чем сейчас.

— Понятно, — пробормотала она. — Спасибо, Дариус.

На следующее утро мужчины поприветствовали друг друга сердечными улыбками, и Кристина лишь покачала головой.

В этот день Ришар и Моншармен проводили открытые прослушивания, и Эрик с Кристиной, проведя неторопливую утреннюю распевку и пообщавшись с Эриком Дааэ после месячного отсутствия, направились в Оперу. Для участия в прослушивании Кристина приготовила новую песню, которую Эрик написал для неё за три дня во время их медового месяца. Эта песня идеально соответствовала её более зрелому голосу, и если раньше после выступления Кристина чувствовала себя истощённой, порой на грани обморока, то эта песня словно наполняла её новой энергией.

Это был радостный, триумфальный, едва ли не священный мотив, который горячил кровь и заставлял сердце трепетать от счастья. Эрик сказал ей, что эта мелодия пришла к нему почти целиком во время свадьбы, когда он слушал, как Кристина произносит слова клятвы. По его словам, она в точности передаёт его настроение в тот момент.

Моншармен и Ришар пытались выслужиться перед Эриком ещё тогда, когда считали его лишь новым графом де Шаньи, теперь же, когда они узнали, что он является бывшим Призраком Оперы, то буквально лебезили перед ним. Эрику пришлось подойти и совершенно чётко заявить им, что он оставил свою прежнюю деятельность в роли Призрака и что сегодня он находится тут исключительно как преданный и заботливый муж будущей дивы.

Нельзя сказать, чтобы он полностью удержался от завуалированных угроз по поводу того, какие «несчастные случаи» могут произойти, если они наймут певцов менее талантливых, чем заслуживает «его» оперный театр. В конце концов, репутацию надо было поддерживать.

Кристина спела под аккомпанемент Эрика, и когда музыка стихла, директора и зрители ещё несколько секунд не могли проронить ни слова. Кристина встала и сделала реверанс, Эрик отвесил сдержанный поклон, и они уже почти сошли со сцены, когда оба директора наконец пришли в себя и вскочили на ноги, бешено аплодируя. К ним присоединились уборщицы, пришедшие на прослушивание актрисы и другие сотрудники Оперы, оказавшиеся в пределах слышимости.

Таким образом, через пять лет после ухода из Оперы, Кристина была принята обратно теми же директорами, ей предложили главную роль в «Жидовке», которой предстояло открыть оперный сезон.

Эрик был доволен. Кристина наконец достигла тех высот, к которым он её готовил. А главное — теперь она принадлежала ему. Ну а поскольку сам он

принадлежал ей с самого начала их знакомства, то дисбаланс их отношений был, наконец, исправлен. Жизнь была хороша.

Он постепенно наладил более доверительные отношения со своим пасынком, даже играл с ним время от времени. Их любимая игра состояла в том, чтобы разыгрывать сцены из разных опер с игрушечными животными Эрика-Дааэ, однако Эрик — втайне надеясь, что одержимость мальчика оперой Бизе рано или поздно исчезнет, — до сих пор не нашёл ему быка для «Кармен».

Застенчивый малыш в конце концов привык к двум незнакомым мужчинам, которые переехали жить в «его» дом. Эрика он принял почти сразу благодаря его музыке и волшебным трюкам, однако ему потребовалось гораздо больше времени, чтобы привыкнуть к Кавеху и Дариусу. В конце концов, Кавех придумал, как расположить его к себе. Он принёс с собой кусок дерева и перочинный нож, и когда малыш играл во дворе со своей нянькой, Кавех, ничего не говоря и не глядя на мальчика, сел на очень заметный камень и начал вырезать.

Эрик-Дааэ, заинтригованный, подошёл ближе и почти сорок минут наблюдал за процессом, и когда его любопытство наконец взяло верх, осмелился спросить:

— Что вы делаете, месье?

Кавех ответил, не поднимая взгляда:

— Вырезаю.

— Зачем?

— Мне нравится вырезать разные предметы из дерева.

Это вызвало у ребёнка интерес, он несколько минут молча обдумывал сказанное, после чего задал важный вопрос:

— А что это будет?

— Бык.

— Почему бык?

— Мне нравятся быки. А тебе?

— О, да, месье! — ответил Эрик-Дааэ, от волнения забыв про застенчивость. — Я хочу сражаться с ними, когда стану большим.

— Готов поспорить, ты иногда в мечтах сражаешься с ними даже сейчас, пока ты маленький. Не так ли?

— О, да, месье!

Кавех наконец поднял взгляд и улыбнулся малышу.

— Когда мой бык будет готов, ты не хочешь поиграть им вместе со мной?

Эрик-Дааэ слегка подпрыгнул от волнения.

— О, да, месье! — его личико сияло.

Кавех усмехнулся.

— Держу пари, твой папá тоже обрадуется моему быку.

Из-за угла долетел тихий, сдержанный ответ Эрика:

— Не сомневайся, обрадуюсь.

Поскольку игрушечного быка он ещё не достал, ему уже однажды пришлось самому играть роль быка. В этой роли он чувствовал себя нелепо. Он никак не мог привыкнуть играть с сыном так, как Кристина — притворяясь тем или иным персонажем или предметом. Он всегда в таких случаях чувствовал себя глупо. Он уже потихоньку привязался к юному Эрику-Дааэ, но до сих пор не знал, что делать с ребёнком в те моменты, когда нельзя было использовать музыку.

К концу дня новый деревянный бык был закончен, испробован в игре, и Кавех перестал быть чужим для сына Кристины. А ещё неделю спустя появилась новая резная лошадь — и он стал «дядей Кавехом» вместо «месье».

Глава 23. Сплетни

Оперный сезон был в самом разгаре, и Кристина часто отсутствовала дома по вечерам. Эрик всегда приходил на её спектакли; он счёл забавным и ироничным выкупить прежнюю свою ложу на весь оперный сезон. Ему никогда не надоедало слушать кристально чистое, ангельское сопрано его Кристины, и завсегдатаи Оперы вскоре привыкли к виду его костлявой и непривлекательной (несмотря на резиновую маску) физиономии, наблюдавшей за представлением из ложи № 5 всякий раз, когда выступала Ла Карпентьер.

Его часто сопровождал импозантный джентльмен-иностранец с нефритово-зелёными глазами, а раз или два его видели гуляющим по улице в сопровождении

маленького темноволосого голубоглазого мальчика — по слухам, сына прежнего графа де Шаньи, первого мужа Ла Карпентьер. Хотя нынешний граф де Шаньи, месье Карпентьер, шептались сплетники, с виду вроде как хорошо относится к мальчику. Он всегда обращается к малышу с любовью и называет его «мой сын».

Кристина была настолько поглощена своей певческой карьерой и новым браком, что понятия не имела о масштабах слухов, которые окружали её жизнь. Так было до закрытия сезона. В тот вечер она в роли Аиды добилась настоящего триумфа в финальной сцене, поразительно передав мучения своей героини. Когда каменная плита захлопнулась, похоронив Аиду с её возлюбленным Радамесом, Кристина представила себе, что должен был чувствовать Эрик, когда смотрел, как она уходит с Раулем, зная, что ему предстоит умереть в одиночестве под Оперой. Страдание, которое она испытывала в этот момент, отчётливо прозвучало в её песне и довело большую часть зрителей до слез.

Испытывая небывалый эмоциональный подъём — не только из-за сцены, но и после бурных аплодисментов, которыми её наградили после выхода на поклон, — Кристина спустилась к ротонде. На несколько секунд она остановилась, чтобы, как обычно, полюбоваться скульптурой Пифии в фонтане. Прожив несколько лет с Раулем, когда она не имела возможности проявлять истинную живость своей натуры, теперь она ощущала нечто привлекательное в растрёпанных на ветру локонах Пифии и первобытной дикости её позы.

Ротонда была пуста — большая часть публики уже ушла, пока она переодевалась и смывала сценический грим. Кристина направилась к выходу, чтобы подождать Эрика, который должен был подъехать на их семейной карете. Прислонившись к колонне возле дверного проема, она оказалась невидимой для парочки хористов, которые прогуливались по ротонде. В огромной круглой каменной комнате акустика была даже лучше, чем на сцене, и ленивая болтовня влюблённых долетела до ушей Кристины.

— Ты не поверишь, что я узнала о Ла Карпентьер, — Кристина узнала голос: он принадлежал миниатюрной, смуглой девушке по имени Эфраси, обладательнице грубоватого чувства юмора и сильного, глубокого контральто.

— Ты такая сплетница, Эфраси! Ладно, что ты слышала? — ответил юноша. Кристина узнала его голос, это был её ученик, Жан-Мишель, чьё обучение Эрик взял на себя, когда они вернулись в Париж после медового месяца. Кристина и Эрик были очень довольны, когда молодой человек всего через несколько месяцев после начала занятий с Эриком добился зачисления в хор Оперы.

— Я слышала, что Ла Карпентьер на самом деле графиня! — доверительно сообщила Эфраси.

Жан-Мишель рассмеялся, вызвав эхо в огромной зеркальной комнате.

— Ты только что об этом узнала? — насмешливо спросил он. — Мне об этом известно уже давным-давно.

— Ты знал?! — воскликнула девушка. — Значит, ты знаешь и то, что она — жена того уродливого типа, который занимает пятую ложу?

В голосе Жана-Мишеля послышалось огорчение.

— Пожалуйста, не называй его так, Эфраси. Я знаю, он некрасив, но граф де Шаньи заслуживает лишь уважения от любого, кто мечтает стать певцом!

— Извини, Жан-Мишель. Я ничего такого не имела в виду. Подожди, так ты что, знаком с графом?

— Да, — коротко ответил юноша. — Он мой учитель, а до этого меня обучала сама мадам графиня.

Эфраси остановилась. Кристина за колонной развлекалась, передразнивая открытый от изумления рот девушки. Эфраси сменила тему, в её голосе снова послышались лукавые нотки, подсказавшие Кристине, что новая порция сплетен уже на подходе.

— Кстати о мадам графине, ходят слухи, что она была замужем и за предыдущим графом де Шаньи. Как это вообще могло случиться?

— Я случайно слышал её разговор с мадам Жири, — сказал Жан-Мишель. — О том, как она тогда исчезла прямо со сцены. Видимо, вскоре после этого она вышла замуж за графа Рауля де Шаньи и ушла со сцены.

— Я тоже об этом слышала! — воскликнула Эфраси. — Конечно, тогда ведь она носила фамилию Дааэ! Это случилось прямо посреди сцены с тюрьмой в «Фаусте» — она молила, чтобы её забрали ангелы, и сцена погрузилась в темноту. А когда свет снова зажгли, она исчезла!

— Что ж, похоже, она вернулась из своего путешествия в рай без каких-либо потерь, — заметил Жан-Мишель. — И кто знает, может, она была частью наследуемого имущества и перешла к следующему графу вместе с титулом и землями.

Эфраси шокированно хихикнула над непочтительным высказыванием друга.

— Жан-Мишель, ты ужасен! Хотя странно, правда? Подумать только, она замужем за графом — и всё равно продолжает петь на сцене.

Кристина выглянула с другой стороны колонны, к которой прислонялась, но парочка стояла вне поля её зрения, и всё, что она могла видеть, — это тени двух хористов, отбрасываемые на стену. Тень Жана-Мишеля пожала плечами.

— Нынешний граф — настолько потрясающий музыкант, что совершенно не удивительно, что его жена продолжает выступать. Что касается её предыдущего брака, я ничего о нём не знаю, и мне всё равно. Но с нынешним ей, конечно, повезло — неважно, была это её идея или нет.

Эфраси рассмеялась.

— А всё же признай, что их брак *не похож* на договорной.

— И правда, не похож. Она очень ему предана.

— А он к ней так внимателен! Столько нежности, доброты и уважения. Он каждую неделю дарит ей розы. Нет, это наверняка любовный союз. Ты бы слышал, как вздыхают за его спиной наши девушки всякий раз, когда он приносит цветы или конфеты в её гримёрную! Большинство из них в полном восторге от этого мужчины.

— Даже ты? — поддразнил Жан-Мишель.

Голос Эфраси казался смущённым.

— Возможно. Мы все сходимся во мнении: несмотря на то, что он такой уродливый, Ла Карпентьер всё равно остаётся одной из самых удачливых женщин в Париже.

Жан-Мишель рассмеялся.

— Он иногда приводит с собой в Оперу друга, персидского джентльмена.

— Да, и его друг такой красавец! Но мы всё равно предпочитаем месье де Карпентьера. Он намного романтичнее!

— И намного богаче, — добавил Жан-Мишель.

— Это правда, но богатство и внешность не так важны, если человек настолько талантлив и предан своей возлюбленной, как граф.

— И настолько влиятелен, — добавил Жан-Мишель. — Говорят, директора делают всё, что говорит им граф. Может, стоит передать графу то, что ты рассказала мне о хористках?

В ответ послышался вопль и всплеск воды — по-видимому, из фонтана.

— Ты не посмеешь!

Кристина, прислушиваясь к тому, как молодые певцы удаляются вверх по лестнице, тихонько улыбалась своим мыслям. Она не могла решить, веселит или обижает её мысль о том, что её «передали вместе с титулом», зато ей понравилась лояльность Жана-Мишеля по отношению к Эрику. Гений Эрика давно уже заслуживал общественного признания. И ещё ей было очень приятно услышать мнение хористок, озвученное юным контральто.

Значит, богатство Эрика и его внешность были для них неважны: они были в него влюблены, потому что он так любит свою жену! Она всё ещё хихикала, когда их карета подъехала к крыльцу. Эрик помог ей усесться, захлопнул дверь и высунулся в окно, чтобы крикнуть кучеру: «Поезжай!» Когда экипаж тронулся, он взял руку Кристины и поцеловал её запястье над перчаткой.

— И что же такое случилось, что вызвало эту восхитительную озорную улыбку на твоих губах, моя дорогая? — спросил он тихим голосом. — Помимо твоего чудесного, но ожидаемого триумфа сегодня вечером?

— Я только что слышала весьма забавные сплетни о нас с тобой, — ответила Кристина.

Он стянул с её руки перчатку.

— Вот как? — И прижал её пальцы к своим губам.

— О, да, — сказала Кристина. — Знаешь ли ты, например, что женился на мне лишь потому, что меня передали тебе как часть наследуемого имущества графа?

Эрик сперва опешил, затем рассмеялся.

— Что?

Кристина кивнула.

— Да, но ты благородно постарался в меня влюбиться, и теперь известен как самый преданный муж во всей Опере.

Эрик немного помолчал, поглаживая пальцы жены, и произнёс:

— Надеюсь, что так.

— На самом деле, ты так беззаветно мне предан, что в тебя влюблены половина девушек нашего хора, — продолжила Кристина с улыбкой.

Эрик, пытавшийся дотянуться до второй руки Кристины, замер посреди движения.

— Боже мой! — Он пару секунд внимательно изучал её лицо в тусклом лунном свете. — Ты серьёзно? — Закончив снимать вторую перчатку, он принялся расстегивать её манжеты, чтобы поцеловать запястья.

— Более чем. По словам одной из хористок, ты оставляешь за собой штабеля сомлевших девушек в коридорах всякий раз, когда приносишь мне цветы.

Эрик резко поднял глаза. Выражение полного шока, безошибочно угадываемое даже сквозь резиновую маску, заставило её захихикать. Услышав её смех, Эрик резко сжал губы и фыркнул.

— Пф-ф. Возможно, мне снова придётся начать перемещаться сквозь стены. — Он недоверчиво покачал головой, придвинулся ближе и стал целовать её шею, прошептав ей на ухо: — О чём ещё обмолвились эти достопочтенные субъекты?

Кристина вздрогнула, ощутив его тёплое дыхание возле своего уха.

— О том, что ты — самая выгодная партия в Париже, а я — самая везучая женщина, — ответила она, слегка затаив дыхание. — Но это я и так уже знала.

Эрик улыбнулся и придвинулся ближе.

— Это странное мнение, — заметил он, целуя её шею. — Однако я почему-то сомневаюсь, что у меня получится разубедить тебя в этом.

— Не получится, — подтвердила Кристина, подставляя лицо его поцелуям.

Когда они доехали до дома, Эрик протянул ей перчатки и помог выйти из кареты. Он открыл перед ней дверь их квартиры, но затем, видимо, потерял терпение и подхватил её на руки.

Кавех и Дариус, мирно игравшие в шахматы в гостиной, подняли глаза и увидели, как Эрик проносит Кристину мимо двери: её руки крепко обхватывали его за шею, а Эрик, наклонив голову, целовал свою жену. Через несколько секунд Кавех и Дариус слышали, как хлопнула дверь супружеской спальни.

Кавех передвинул своего ферзя. Они с Дариусом усмехнулись друг другу.

— Мат, — сказал Кавех.

Дариус уронил своего короля и кивнул головой в ту сторону, куда ушли их друзья.

— Похоже на то.

Глава 24. Эпилог

1909 год.

Клонившееся к закату солнце ярко освещало музыкальную комнату на верхнем этаже. В одном углу за столом серьёзный молодой человек трудился над пачкой чертежей, а его отец, наклонившись, заглядывал ему через плечо. В другом углу высокая темноволосая девушка лет семнадцати стоя играла на скрипке.

Вот она дошла до трудного пассажа в пьесе и немного замедлила темп. Мужчины слегка напряглись, их плечи застыли в ожидании. Она одолела пассаж, ускорилась — и оба расслабились, обменявшись быстрой улыбкой, после чего снова сосредоточились на чертежах.

Девушка играла, не обращая внимания на реакцию отца и брата. Однако, дойдя до следующего сложного пассажа, она взяла две фальшивые ноты, тут же прекратила играть и виновато взглянула на них. Мужчины смотрели на неё, оба.

— Попробуй ещё раз, Дарис, — мягко предложил отец.

Она снова прижала подбородок к инструменту, но не смогла взять те же две ноты. Нахмурившись, она попыталась снова, но на этот раз — да и на следующий — фальшиво прозвучали уже три ноты. Она в раздражении топнула ногой.

У Эрика-Дааэ к двадцати четырём годам проявилось довольно сухое и язвительное чувство юмора. Он поднял брови и невинно произнёс:

— Н-да, ты определённо добавляешь в музыку чрезмерное количество экспрессии. Это самый яростный «*Pax et Requiem*», который я слышал с тех пор, как сам учился играть.

Всё ещё раздражённая Дарис, вопреки своему настроению, улыбнулась прозвучавшей в его словах иронии.

— В таком случае, подойди и покажи мне, как это делается.

Он откинул со лба мешающую прядь волос и поднялся.

— Конечно, если только папа не хочет?..

Эрик покачал головой.

— Нет, сынок, вперёд. Я на этот раз, пожалуй, просто посмотрю. — Он уселся за стол. Эрик ни за что бы в этом не признался, но теперь, когда его суставы стали менее гибкими из-за артрита, его пасынок мог сыграть эту пьесу намного лучше, чем он сам.

Эрик-Дааэ подошёл и взял предложенную скрипку. Устроив её под подбородком, он закрыл глаза, сделал глубокий вдох — и заиграл.

Пьеса, которую едва вытягивали ловкие, но неопытные руки девушки, ожила в руках мастера. Эрик-Дааэ не нуждался в нотах: он самозабвенно закрыл глаза, верхняя часть туловища во время игры слегка покачивалась в такт.

Он легко и безупречно преодолел трудный пассаж, который поставил в тупик его сестру, и та прищурилась.

— Ещё раз, пожалуйста, — прервала она игру брата. Тот любезно повторил с начала сложного места. Дарис внимательно смотрела, полностью сосредоточив на игре Эрика-Дааэ и глаза, и уши.

Эрик сидел за столом и наблюдал за ними обоими с улыбкой, кривившей его и без того деформированные губы. Если бы кто-нибудь двадцать пять лет назад сказал ему, что однажды он увидит, как играет на скрипке их с Кристиной дочь, или что он будет гордиться сыном Рауля де Шаньи так, как если бы тот был его собственным ребёнком, то он бы счёл своего собеседника безумцем. Однако теперь это казалось самой естественной вещью в мире.

— Хорошо, думаю, теперь я справлюсь, — Дарис снова потянулась к смычку. Взяв скрипку, она прижала её к шее и начала играть. Темп был медленнее, а ноты брались более обдуманно, но когда она дошла до проблемного пассажа, то её золотые глаза встретили взгляд тёмно-синих глаз Эрика-Дааэ, она смотрела на него, не отрываясь, — и сыграла весь пассаж.

Брат одобрительно кивнул, и она с улыбкой опустила смычок.

Их отец нарушил молчание:

— Намного лучше, Дарис. Ты уже играешь почти так же хорошо, как твой брат. — Он улыбнулся, и кожа плотно обтянула его обнажённое, похожее на череп лицо.

Дарис вернула улыбку с озорным блеском в глазах.

— По правде говоря, я планирую его превзойти. Это должно быть не слишком сложно — теперь, когда вы с ним строите церкви, он явно будет пренебрегать тренировками в пользу своих чертежей... вот как сейчас.

Эрик-Дааэ сурово взглянул на сестру.

— Ты же знаешь, что конкурс на строительство новой церкви состоится на следующей неделе. Я хотел показать свой план папе и услышать его комментарии, прежде чем представлю проект комиссии. У меня нет привычки пренебрегать тренировками, дорогая сестра.

— Нет, но придётся, — не унималась Дарис. — И тогда я буду играть лучше, чем ты, стану первой скрипкой и буду самой популярной женщиной в Париже. Женихи будут выстраиваться в очереди в коридорах Оперы и сражаться друг с другом за возможность поговорить со мной!

— Мы с папой, скорее всего, избавим их от необходимости сражаться — заранее убив всех недостойных, прежде чем они хотя бы приблизятся к тебе, — выражение лица Эрика-Дааэ было совершенно невозмутимым. Дарис взглянула на отца, надеясь, что Эрик-Дааэ шутит, но тот лишь кивнул в знак согласия.

— Вы не посмеете! — воскликнула Дарис. Она понимала, что, скорее всего, они её дразнят, но не была в этом полностью уверена.

Эрик усмехнулся, выражение выглядело слегка нелепо на его костлявом лице.

— Никогда, *никогда* не говори мне этих слов, — посоветовал он.

— Ни ему, ни мне, если уж на то пошло, — вмешался его сын. — Ты же понимаешь, что мы посмеем сделать всё, что угодно, чтобы обеспечить твою безопасность.

— Воистину! — согласился Эрик.

— О, как здорово, — язвительно ответила Дарис. — Полагаю, вы не будете счастливы, пока я не выйду замуж за Луи де Кастело-Барбезака или кого-то вроде него?

— Он, по крайней мере, по-настоящему разбирается в музыке, — заметил её брат, — а будучи сыном танцовщицы, никогда не будет снобом — как и мы, дети оперной певицы.

Луи был сыном «малышки Мег» Жири, которая вышла замуж за барона де Кастелло-Барбезака, к огромному удовольствию её матери, которая была крепкой

и энергичной вплоть до самой своей смерти, которая настигла её внезапно, в возрасте девяности четырёх лет, в результате несчастного случая с экипажем.

— Это правда, — признала Дарис. — Презираю снобов. Тетя Клеменс со своей семьёй никогда нас не любили, несмотря на то, что титул принадлежит не их, а нашей семейной ветви. Она же всегда ведёт себя так, будто считает себя лучше нас.

— К счастью, нам не нужно обращать внимания на Клеменс, — заметил Эрик. — Зато у твоей тётки Сильвии более чем достаточно великодушия и благородства — хватит, чтобы компенсировать обеих, и Клеменс, и Мартину.

Дети засмеялись и согласились. Сильвия всегда была их любимой тёткой. Даже Мартина, в конце концов, остепенилась и стала полноправным членом их семьи, а вот Клеменс так и не простила Эрика за то, что он оказался настоящим графом де Шаньи.

— По-моему, тётке Сильвии досталась заодно и вся семейная красота, — заметил Эрик. — Мартина и Клеменс считают себя красавицами, но это не так. Кстати, ваша мать должна к ужину вернуться домой от тётки Сильвии, она собиралась по пути заехать на вокзал и забрать Кавеха.

Эрик-Дааэ тут же принялся скатывать чертежи, а Дарис — складывать ноты. Пока они это делали, она спросила брата:

— И вообще, почему вы всё время работаете над своим архитектурным проектом здесь, в музыкальной комнате?

Сдержанность и задумчивость, присущие Эрику-Дааэ в детстве, никуда не делись и сейчас. Он серьёзно обдумал небрежно заданный вопрос, прежде чем ответить:

— Музыка — это по сути своей математика, пропущенная сквозь фильтр человеческой страсти и творчества. Архитектура же — человеческое творчество, выраженное с помощью математики. Работа над одной в присутствии другой помогает мне с обеими.

— О! Так вот почему ты обычно занимаешься в Опере?

Он кивнул.

— Опера — яркий пример творчества и математики, соединённых с красотой. Это лучшее из обоих миров.

— Лесть ничего тебе не даст, — мягко сказал Эрик сыну. — Хотя комплимент я оценил. А теперь давайте быстрее вниз. Я хочу увидеть вашу мать, когда она

войдёт в дом. А если приедет Кавех, то он наверняка захочет увидеть меня — и будет ворчать, если ему придётся для этого подниматься сюда.

Кавех, благодаря безоговорочному покровительству Эрика, периодически помогал парижской полиции в качестве добровольца-консультанта. Жандармам весьма пригодился его многолетний полицейский опыт, а ему самому это позволяло не терять формы. А главное, если бы в Париже кто-нибудь начал задавать вопросы о Призраке Оперы, Кавех бы узнал об этом первым и предупредил бы Эрика. Это было частью того соглашения, которое они заключили между собой задолго до того, как Кавех присоединился к их семейству.

Быстроногая Дарис обогнала обоих мужчин и первой спустилась по лестнице. Они слышали, как она приветствует входящего в дом Кавеха.

— Привет, дядя Кавех! — послышался снизу её голос. — Как там Париж?

Они обменялись поцелуями, и Кавех ответил:

— Как всегда, холодно и многолюдно, моя дорогая.

— Замечательно, — язвительно пробормотал Эрик. — Он вернулся. Так что можно забыть о намерениях провести этот вечер хоть с какой-нибудь пользой.

Эрик-Дааэ засмеялся.

— Посмотри на это с другой стороны: если дома Кавех — значит, и матушка тоже.

— Верно. — Лицо Эрика просветлело, и он поспешно застегнул маску. Среди членов своей семьи ему было удобнее обходиться без неё, однако в присутствии других — даже своего лучшего друга — он всегда предпочитал закрывать лицо маской.

Кристина как раз входила в дом, они встретили её у подножия лестницы. Приняв приветствия мужа и сына, она на минуту отозвала детей в сторонку, чтобы передать им привет от тёти Сильвии. Эрик и Кавех остались в вестибюле наедине, и Кавех тихо произнёс:

— Сейчас уже время ужина, Эрик, но после этого мне срочно нужно кое о чём с тобой поговорить.

— Полицейские дела? — спросил Эрик — и удивился, когда Кавех отрицательно покачал головой.

— Нет, не совсем. Узнаешь.

В этот момент служанка объявила об ужине, и Эрик проглотил следующий вопрос. Кавех улыбнулся и повторил:

— Позже!

Ужин получился праздничным: за последние месяцы это был первый раз, когда вся семья собралась вместе. Эрик-Дааэ жил в Париже, Кавех проводил там же очень много времени, сотрудничая с полицией, и ни один из них не имел возможности возвращаться домой так часто, как им бы того хотелось.

Закончился ужин довольно поздно, так как все болтали друг с другом о разных делах, им просто нравилось быть вместе после столь долгого промежутка времени. После этого Кристине захотелось услышать новую пьесу, которую сочинила Дарис, а Эрик-Дааэ вызвался ей аккомпанировать. Они направились в музыкальную комнату, а Эрик с Кавехом поднялись наверх, в кабинет.

Кавех с трудом отдышался после подъёма.

— Я не могу понять, почему вы все предпочитаете собираться на самых верхних этажах этого огромного дома! Неужели нельзя было сжалиться над старым и немощным человеком?

— Мы с тобой ровесники, дарога, — весело напомнил ему Эрик.

— *Почти* ровесники, чёрт бы тебя побрал, — прорычал Кавех. — Но ты же кудесник, как тебе известно. Мне кажется, ты мог бы пожалеть нас, простых смертных, и переместить кабинет и музыкальную комнату на нижние этажи!

Эрик мрачно покачал головой.

— Этому не бывать. Тогда мне придётся чаще общаться с тобой. — Эрик наполнил коньяком два бокала, вручил один Кавеху и уселся напротив него. — Итак, — начал он, — что там у тебя за новости, которые «не совсем» относятся к делам полиции?

Кавех сделал глоток.

— Это... довольно деликатное дело, Эрик. И связано оно с Призраком Оперы. Я бы не сказал, что это дело полиции, но оно вполне может им стать, если его не уладить как положено. — Он передал Эрику письмо, адресованное «Дароге, улица Риволи, 206».

— Это от журналиста, — начал он. — Он каким-то образом узнал историю о призраке в оперном театре и теперь собирает информацию, чтобы написать об этом книгу. Он хочет узнать остальную часть истории.

Эрик широко раскрыл глаза, и Кавех увидел, как они засверкали в глубоко запавших глазницах. Голос Эрика прозвучал опасно низко.

— Вот как? *Остальную часть* истории?

Кавех кивнул.

— Это его третье письмо. В двух первых было много неточностей, но и доля истины немаленькая. Если ему удастся выяснить, кем был настоящий Призрак, то... — он выразительно пожал плечами.

Эрик задумался, покачивая в руке бокал с коньяком.

— Я понимаю, о чём ты.

— Думаю, мне стоит с ним встретиться, Эрик.

Эрик резко посмотрел на него и подозрительно прищурил жёлтые глаза.

— Что?

Кавех развел руками.

— Полагаю, нам нужно выяснить, как много он знает.

Эрик немного помедлил, нахмурившись, а затем сказал:

— Что ж, возможно, тебе действительно стоит с ним встретиться. Но что ты собираешься ему рассказать?

Кавех пожал плечами.

— В основном, правду.

— Поясни, — потребовал Эрик.

— Просто мы с тобой заранее решим, какую часть правды я должен ему рассказать. Ты же знаешь, что правду запомнить легче, чем ложь.

Эрик несколько минут над этим размышлял, затем поднял глаза.

— А что, если рассказать ему всю правду, но поставить точку в середине? — предложил Эрик.

— Это как? — спросил Кавех.

Эрик по привычке передёрнул плечом.

— Когда я отпустил Кристину выйти замуж за того юного щенка, то стал ждать смерти. Только из-за твоего вмешательства этого не произошло. Мы могли бы просто остановить рассказ в этом месте, до вмешательства.

Кавех задумался.

— Это может сработать, — сказал он. — Даже очень хорошо сработать. Я мог бы закончить историю на том, что Кристина и Рауль сели на поезд, чтобы отправиться в Швецию, а затем просто сказать ему, что, насколько мне известно, они до сих пор ещё там.

— Да. И вместо проблемы с настырным журналистом, сующим всюду свой нос в окрестностях Парижа, мы отправим его на охоту за призраками по всей Скандинавии. Он ничего не найдёт. Ничто не связывает семейство Шаньи с Призраком Оперы, кроме моих кузенов и кузин, а они все либо мертвы, либо не знают историю Призрака.

Кавех кивнул.

— Я сделаю это. Но есть ещё одна проблема...

— Сегодня у тебя просто день сплошных проблем, *дарога*, — с каменным выражением лица заметил Эрик.

— Только сегодня? — спросил Кавех с усмешкой. Не дождавшись ответа, он продолжил: — Письма были адресованы на мою старую квартиру на улице Риволи. Её нынешние владельцы на зиму уезжают в Италию, а мой старый сосед забирает почту, он и отдал мне письма. Кажется, журналист думает, что я до сих пор там живу. Не сомневаюсь, мы с тобой вряд ли хотим, чтобы он узнал, где я живу на самом деле, а встреча в кафе не обеспечит нам достаточной конфиденциальности. Я не знаю, где с ним встретиться.

Эрик усмехнулся.

— О, это не проблема, — беспечно заявил он. — Разумеется, ты встретишься с ним в своей квартире.

— Но она уже не моя! И она закрыта на зиму!

Эрик улыбнулся и стал разминать пальцы.

— Являюсь я Любителем Люков или нет? Ты хоть раз видел замок, который я не смог бы открыть?

Кавех хохотнул.

— Мы проберёмся в мою старую квартиру, встретимся с журналистом, а потом уйдём?

— Ты можешь предложить план получше?

— Да хоть дюжину. Но ни один из них, должен признать, не несёт в себе такого развлекательного элемента. Хорошо, я завтра же напишу месяе журналисту и договорюсь о встрече. Ты запустишь меня в квартиру, а потом я расскажу тебе, как всё прошло.

— О, нет, — возразил Эрик. — Я пойду с тобой. Я хочу увидеть этого журналиста.

Кавех заморгал.

— Как ты себе это представляешь?

— У тебя сохранилась какая-нибудь старая одежда Дариуса?

— Подожди, ты собираешься переодеться в моего слугу?

— Ты же знаешь, как хорошо я изображаю персов, *дарога*.

Кавех начал улыбаться, когда до него дошёл план Эрика.

— Жаль, что его с нами больше нет. Уверен, его бы это изрядно повеселило. Я подыщу для тебя что-нибудь. Завтра, если будет необходимо, подгоним одежду по тебе, и после этого я на следующий же день приглашу журналиста на встречу.

К тому времени, когда они закончили обговаривать детали, все остальные члены семьи уже ушли спать. Эрик пожелал другу спокойной ночи и спустился в свою спальню.

Кристина была там, она сидела за туалетным столиком и, глядя в зеркало, снимала драгоценности.

Эрик с удовлетворением отметил, что на ней надеты лишь те драгоценности, которые купил для неё он. Хотя, будучи вдовой Рауля, она с полным правом могла носить все драгоценности, которые приобрёл для неё юный щенок, она надевала их крайне редко при его жизни, и ни разу — после его смерти. От подарков Рауля она постаралась избавиться вскоре после того, как вышла замуж за Эрика. Клеменс и Мартина были очень рады их заполучить.

Теперь же Эрик с удовольствием наблюдал, как она снимает тонкую жемчужную нить, которую он подарил ей на один из первых юбилеев, и подходящую пару крошечных жемчужных серёжек, которые он подарил ей чуть позже в том же году — без какого-либо повода, просто потому, что захотелось.

Эрик подождал, пока она снимет драгоценности и аккуратно уложит их в деревянную шкатулку, которую он смастерил для неё очень давно и в которую раньше она складывала памятные письма. Он подошёл ближе и, обняв жену, поцеловал её в шею.

— Что скажешь о новой пьесе Дарис? — спросил он.

Кристина поднялась и положила голову ему на плечо.

— Немного простовата, пожалуй, но мелодия прекрасна. И очень интересная аккордовая последовательность. Думаю, потенциал у неё есть.

— Хм-м, — согласился Эрик, уткнувшись лицом в её шею. — Прямо как у одной юной певицы, которую я когда-то знал.

Кристина улыбнулась и повернулась к нему лицом.

— Она всего на пару лет моложе меня в ту пору, когда мы впервые встретились, Эрик, — напомнила она, протягивая руку, чтобы развязать его галстук. — Что ты будешь делать, если года через три Дарис встретит какого-нибудь пожилого музыкального гения с тёмным прошлым, который заберёт её к себе домой и пообещает славу в обмен на её любовь? — Она насмешливо ему улыбнулась.

Эрик опустил глаза. Почему-то теперь, имея собственную дочь, он уже совершенно иначе смотрел на некоторые свои резкие действия по отношению к Кристине в ту пору, когда они впервые познакомились. Он сглотнул. После чего он поднял глаза и ответил на взгляд Кристины удручённым пожатием плеч.

— Выслежу его и буду душить, пока жизнь не покинет его тело, — честно ответил он. Опустил взгляд и добавил: — Как поступил бы и твой отец со мной, если бы был тогда жив. На что он имел бы полное право.

Кристина воспользовалась тем, что Эрик опустил голову, и потянулась, чтобы развязать его маску. Отложила её на туалетный столик и поцеловала мужа.

— Вот так лучше, — заметила она, нежно разглаживая пальцами следы от завязок, оставшиеся на его бледной коже. — Никаких масок в спальне, любовь моя, ты же помнишь наш уговор?

Эрик кивнул, закрыв глаза и наслаждаясь массажем лица.

Кристина улыбнулась тому, как пробудился в Эрике защитный отцовский рефлекс при одной лишь мысли о том, что его дочь встретит кого-то вроде него. Она обхватила его лицо ладонями и заставила его наклонить голову, чтобы поцеловать.

— Признай, что для нас всё сложилось наилучшим образом, — сказала она.

Он улыбнулся и ответил на поцелуй.

— Да, — согласился он. — На сегодняшний день. А теперь моя очередь. — Он жестом велел ей снова сесть в кресло перед зеркалом и стал вынимать шпильки из её волос. Вытащенные шпильки он бросал в корзинку на столе, и вскоре её длинные — ниже пояса — волосы свободно заструились по спине. Эрик взял со столика серебряную расчёску и стал медленно расчёсывать её волосы, любясь бликами серебра на светлых прядях, скользящих сквозь его пальцы.

Кристина удовлетворённо вздохнула.

— Что и говорить, Эрик, рассчитать камеристку — это было одно из лучших твоих решений. Она никогда не расчёсывала мои волосы так хорошо, как ты.

Эрик пожал плечами.

— Ну, мне пришлось её рассчитать, когда ты объявила нашу спальню «зоной, свободной от маски», не так ли? Кроме того, насколько я помню, у неё был роман с Дариусом. Я сделал всё, что было в моих силах, чтобы им помочь.

Мысль о Дариусе напомнила ему о плане, который они обсуждали с Кавехом, — выдать себя за Дариуса на встрече с журналистом. Эрик улыбнулся про себя и начал заплетать её волосы.

Кристина заметила в зеркале его отсутствующее выражение. К тому же сопровождавшееся едва заметной загадочной улыбкой.

— Эрик? — окликнула.

Глубоко посаженные золотые глаза встретились в зеркале с синими глазами.

— Хм?

— Сегодня вечером ты выглядишь необычайно проказливым. Что ты сделал с Кавехом?

Эрик улыбнулся шире.

— Ничего, дорогая. А разве мне обязательно делать что-то с Кавехом, чтобы выглядеть шkodливым? — Он закрепил косу лентой и, наклонившись к уху Кристины, прошептал: — Иногда мы собираемся похулиганить с ним вместе.

— Ой, мамочки, — в шутку испугалась Кристина. — Что вы двое задумали на этот раз?

Эрик усмехнулся.

— О, всё не так уж страшно. Мы просто разыграем одного любопытного журналиста.

Что-то в его тоне привлекло внимание Кристины, она встала и внимательно на него посмотрела. Начав расстёгивать пуговицы его пиджака, она уточнила:

— Что это за любопытный журналист?

Эрик ощутил её беспокойство и накрыл её ладони своими, успокаивая.

— Не о чем беспокоиться, любовь моя, честно. Один журналист связался с Кавехом, желая разузнать о Призраке, обитавшем в Опере. Мы уже придумали, что ему рассказать, и в среду отправимся в Париж, чтобы он с ним встретился. — Эрик нежно провёл по её щеке костяшками пальцев. — Я пойду с ним, чтобы взглянуть на этого журналиста, но он меня даже не увидит. — Он отпустил её руки.

— Ты уверен, дорогой? — спросила Кристина, пытаясь поймать его взгляд, пока её руки снова занялись его пуговицами.

— Да. — Эрик потянулся к жене, чтобы расстегнуть её платье, а когда с этим было покончено, просто обнял её, пока она заканчивала расстёгивать его пуговицы.

— И никто не пострадает? — уточнила она, зная, сколько крови они с Кавехом оставили в прошлом.

— Никто, — пообещал Эрик, наклоняясь, чтобы поцеловать её. Затем поцеловал ещё, задержавшись на этот раз подольше, чтобы насладиться вкусом её губ.

— Надо же, господин де Карпентьер, — дразнящим голосом сказала Кристина. — Вы определённо целуетесь не как мужчина, которому уже почти семьдесят!

— Не торопите мою старость, сударыня, — предостерёг Эрик, накручивая её локон на свои длинные тонкие пальцы. — Знаете ли, в возрасте шестидесяти девяти есть много приятнейших аспектов.

Кристина улыбнулась с наигранной застенчивостью, завязывая ленточки на шёлковой ночной рубашке.

— Я рассчитываю, что вы мне как-нибудь продемонстрируете каждый из этих аспектов, — сказала она.

— До мельчайших подробностей, — пообещал Эрик, взял руку жены и, поцеловав её, потянул за собой. — Идём в постель, Кристина.

***

Два дня спустя, примерно в половине девятого утра, Эрик аккуратно вскрыл замок старой квартиры Кавеха на улице Риволи. Надев резиновую маску и старый костюм Дариуса, Эрик помог Кавеху устроиться в кресле, укрыв его ноги одеялом, как инвалиду. Прозвенел звонок, мужчины на секунду замерли — и усмехнулись друг другу.

Эрик спустился по лестнице и открыл дверь. Посетитель оказался бородатым мужчиной плотного телосложения, с густыми каштановыми волосами и маленькими круглыми серебряными очками.

— Гастон Леру, — представился он и вручил Эрику свою карточку. — Я пришёл встретиться с месье Таллисом.

— Хорошо, сударь, — почтительно произнёс Эрик. Он проводил гостя вверх и постучал в дверь. — К вам пришёл месье Гастон Леру, мой господин, — объявил он.

— А, отлично! — ответил Кавех. — Ты не заваришь нам чай, Дариус? Месье Леру наверняка продрог до костей.

Пока вода нагревалась, мужчины вели ни к чему не обязывающий разговор, но чуть позже, когда Эрик возился в углу, наливая чай для своего друга и представительного журналиста, Кавех сам затронул тему Призрака Оперы.

— Итак, господин Леру, что вы хотели узнать об оперном привидении?

Гость неуверенно посмотрел в сторону Эрика, явно удивлённый тем, что Перс поднял эту тему в присутствии своего слуги.

— О, пожалуйста, не беспокойтесь по поводу моего Дариуса, сударь. По правде говоря, я хотел бы, чтобы он присутствовал здесь во время нашей беседы, чтобы подталкивать мою память, если возникнет необходимость. Она уже не такая, как прежде, не так ли, Дариус?

Эрик ничего не ответил, но его глаза искрились от удовольствия, когда он, угостив мужчин чаем, занял своё место, встав за спинкой кресла Кавеха.

Кавех сделал глоток чая.

— В конце концов, — продолжал он, — мы оба должны приложить все усилия, чтобы господин Леру узнал полную и подлинную историю для своей книги, не так ли?

— Я был бы вам весьма признателен, сударь, — ответил Леру, добавляя в чай ломтик лимона. — Этой книгой я намереваюсь раз и навсегда доказать, что Призрак Оперы существовал на самом деле.

Конец.